

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 2 (9)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

К читателям 5

РЕГИОН НОМЕРА: ОКЕАНИЯ

Латушко Ю.В. От редактора рубрики..... 6

Лебедева А.В. "Высокие стены" Каролинских островов (вопросы истории и культуры Микронезии) 10

Белков П.Л. Структура родства тробрианцев. К проблеме построения универсальных схем родства 21

Латушко Ю.В. Табу..... 30

Беликов В.И. Что даёт классификация языков Восточной Полинезии?..... 41

Козьмин А.В. Изгнание божества на Таити..... 52

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Беляев Э. Действительно ли Россия близится к распаду, как предсказывают математики? 56

Киреев А.А. Специфика дальневосточной границы России: теория и история 70

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Тригуб Г.Я. Общественная и частная благотворительность в городах Забайкалья в сфере народного образования (вторая половина XIX – начало XX в.)..... 83

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Гвоздев Р.В. Образ зверя в воинских искусствах народов Восточной Азии 93

Багрин Е.А. Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII веке. (по материалам письменных источников)..... 100

Лазарева С.И., Шпилёва А.Н. Вклад восточной ветви российской эмиграции в сохранение отечественной культуры (20-30-е гг. XX века) 110

Королева Л.А., Королев А.А. Татары-мусульмане Среднего Поволжья. 1940-е – 1980-е гг. 116

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Рябченко Н.П. К оценке исторического значения Второй мировой войны: взгляд из XXI века 124

Сазонова К.Л. Миротворческая деятельность "Великих Держав" с использованием инструментария Организации Объединенных Наций 134

Владивосток
2009

Научная жизнь

Барбенко Я.А. Научно-практическая конференция "Проблемы развития демографической ситуации и систем расселения на Дальнем Востоке"	139
СОКРАЩЕНИЯ	143
НАШИ АВТОРЫ	144

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский,
А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей, И.Н. Золотухин, В.Н. Караман, А.А. Киреев
(ответственный редактор), Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов,
О.В. Лобода, О.И. Шестак.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования "Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

Email: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: В.В. Караман

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 2 (9)

*Scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

To readers	5
REGION OF NUMBER: OCEANIA	
Latushko Y.V. From the editor of a heading	6
Lebedeva A.A. "Lofty walls" of Caroline Islands. (Questions of Micronesian history and culture)	10
Belkov P.L. The Trobriand kinship structure. To a problem of construction of universal schemes of kinship	21
Latushko Y.V. A taboo	30
Belikov V.I. What does classification of languages of Eastern Polynesia give?	41
Kozmin A.V. Deity exile on Tahiti	52
THE THEORY AND METHODOLOGY OF REGIONAL RESEARCHES	
Beliaev E. Is Russia really moving toward its own demise as the mathematicians foretell it?	56
Kireev A.A. Specificity of Far East border of Russia: the theory and history	70
THE SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES	
Trigub G.J. The social and private philanthropy in the towns of Transbaikalia in the sphere of public education service (second half XIX – beginning XX century)	83
CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION	
Gvozdev R.V. Animal image in military arts of East Asia`s tribes	93
Bagrin E.A. Regional features of fire-arms usage in Siberia and the Far East in XVII century (according to the written sources)	100
Lazareva S.I., Shpileva A.N. The contribution of east branch of the Russian emigration to preservation of domestic culture (20-30th of the XX century)	110
Koroljova L.A., Koroljov A.A. Tatars-Moslems of the Centre Volga Region. 1940-1980	116
WORLD SYSTEM AND INTER-REGIONAL RELATIONS	
Riabchenko N.P. To an estimation of historical meaning of the Second World War: a sight from the XXI century	124
Sazonova K.L. The role of Great Power in the United Nations peacekeeping	134

Vladivostok
2009

SCIENTIFIC LIFE

Barbenko J.A. Scientific and practical conference "The problems of population and settlement pattern systems evolution in Russian Far East"	139
REDUCTIONS	143
OUR AUTHORS	144

Editorial board:

T.G. Rimskaja (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij
A.N. Demyanenko, I.N. Zolotuhin, E.V. Zhurbey, V.N. Karaman,
A.A. Kireev (Editor), L.I. Kirsanova, V.V. Kojevnikov, A.M. Kuznetsov,
O.V. Loboda, O.I. Shestak.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok
state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

Email: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer make up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V.N. Karaman, V.V. Postnikov.
Corrector V.V. Karaman

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with
those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications,
connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

<http://www.ojkum.ru/>

Редакция сообщает авторам и читателям "Ойкумены", что с апреля 2009 г. в сети Интернет по адресу www.ojkum.ru действует официальный сайт нашего журнала.

На страницах сайта размещена разнообразная информация о нашем издании, в том числе не получившая отражения в его печатной версии. В разделе "Архив" в открытом доступе выставлены электронные копии статей, опубликованных в выпусках журнала за 2006 – 2007 гг. Последующие вышедшие из печати номера журнала представлены аннотированным содержанием. Посетители сайта могут также ознакомиться с анонсами будущих тематических выпусков "Ойкумены". Кроме того, в разделах "Проекты и дискуссии" и "Популярное краеведение" находятся неопубликованные научные и иные регионоведческие материалы, составляющие своего рода сетевое приложение к журналу.

Приглашаем Вас посетить наш сайт!

От редактора рубрики

В австралийском г. Сиднее есть памятники двум известным людям – английскому капитану Джеймсу Куку и российскому антропологу Николаю Миклухо-Маклаю. Памятник нашему соотечественнику многим скромнее, но это сути дела не меняет. Два этих человека немало сделали для открытия обширнейшего региона планеты, – Океании, – один как путешественник, другой как ученый. Благодаря их дневникам интерес к Южному морю когда-то зародился и у автора этих строк. Что же такое Океания? Данный термин нередко стоит в сочетании "Австралия и Океания", когда речь идет о географическом (отчасти геополитическом) районировании земного шара. Мы сознательно исключаем из этой пары Австралию и в настоящем выпуске хотели бы поговорить именно о "тысячеостровном" мире. Расположен он в центральной и западной частях Тихого океана, между субтропическими широтами Северного и умеренными Южного полушарий Земли. Океания – это 1,26 млн. кв. км суши, что составляет всего лишь 0,7% акватории Великого океана. С лёгкой руки французского мореплавателя Дюмона Дюрвиля её делят на три субрегиона – Меланезию, Микронезию и Полинезию. Данный выпуск, – плод усилий российских ученых (антропологов и лингвистов) из Москвы, Санкт-Петербурга и Владивостока, – задумывался как срез актуальных проблем российской океанистики, поэтому мы постарались, чтобы, по крайней мере, одна статья выпуска была посвящена одному из трёх субрегионов Океании. Оговоримся, что выпуск не исчерпывает и сотой доли тем и сюжетов океанистики. Однако есть ли таковая в России? С уверенностью можно сказать, что есть. "Только не заставляйте нас снова оправдываться в собственном существовании" – просил меня один из авторов. С удовольствием не буду этого делать!

Перед тем, как остановиться на кратком обзоре представленных работ, позволим себе дать справку для тех наших читателей, которые имеют об Океании лишь поверхностные представления. От полуострова Аляска до Новой Зеландии расположилось большое количество котловин окраинных морей, глубоководных океанических желобов (Тонга, Кермадек, Бугенвильский), которые образуют геосинклинальный пояс, характеризующийся активным вулканизмом, сейсмичностью и контрастным рельефом. Климат островов Океании определяется преимущественно пассатами, поэтому на большинстве из них выпадают обильные осадки. Среднегодовое количество осадков варьирует от 1500 до 4000 мм., хотя на некоторых островах (в частности, из-за особенностей рельефа и на подветренной стороне) климат может быть более засушливым или более влажным. Большинство островов подвержено губительному воздействию природных катаклизмов: вулканических извержений (Гавайские острова, Новые Гебриды), землетрясений, цунами, циклонов, сопровождающихся тайфунами и сильными дождями, засух. Многие из них ведут к существенным материальным и человеческим потерям. Почвы вулканических островов более плодородны, и в целом, материальный уровень, некогда достигнутый их обитателями, был выше уровня жизни

немногочисленных насельников коралловых островов.

Формирование флоры происходило из азиатского (малезийского), американского и антарктического центров. На островах восточной части особенно много эндемиков (на Гавайских островах до 90% эндемичных видов), в то же время с удалением на восток уменьшается количество видов, родов и семейств растений (на Новой Гвинее – свыше 6800 видов, на Гавайских островах – 1100). Растительность вулканических островов крайне разнообразна, а вот на коралловых атоллах она значительно беднее. Отметим также, что растительный покров Океании сильно изменен человеком, особенно со времени колонизации. Фауна Океании носит преимущественно островной характер и представлена главным образом странствующими видами, завезенными человеком, перенесенными на острова плавником, ветром, течениями. Характерно почти полное отсутствие млекопитающих и обилие птиц, хотя на восточных архипелагах заметно меньше наземных птиц, особенно певчих. Много эндемиков, но сравнительно мало древних реликтовых животных. На западе фауна богаче, чем на востоке, где отсутствуют пресноводные рыбы и черепахи; восточнее Соломоновых островов почти нет наземных млекопитающих (не считая мышей и крыс), змей. Как и в случае с флорой, наиболее бедна фауна атоллов. Всё это влияло на человеческую деятельность, как в древности, так и в наши дни.

Океания притягивает исследователей из разных стран не только ввиду своей экзотичности, океанистика ставит перед учеными массу вопросов. Давно подмечено, что этот островной мир был уникальным полигоном для формирования различных адаптивных стратегий к природному и социальному окружению. В контактных зонах (крайних точках так называемых "северного" и "южного" мостов – микронезийского и меланезийского "трактов", и на границах больших областей внутри собственно Океании) происходило смешение различных материальных и духовных культурных практик. Меланезия (за исключением меланополинезийских контактных зон, таких как, например, о. Ротума и т.п.) заселена преимущественно народами, говорящими на многочисленных папуасских языках. Эта часть была рано освоена человеком (около 30 тысяч лет назад). Впоследствии негроидная струя была "разбавлена" протомеланезийцами, выходцами из Юго-Восточной Азии (около 6 тысяч лет назад). На рубеже нашей эры началось активное проникновение человека в Полинезию, данный поток иссяк лишь после 1200 г. н.э. Вообще в миграционных маршрутах условно можно выделить два направления – "через и в" Микронезию (далее до Полинезии) и "через и в" Меланезию также до Полинезии. Около нашей эры сформировались основные очаги протополинезийской общности (древние тонганская и самоанская культуры), представители которой двинулись далее на Восток. Это движение хорошо очерчено исчезающим ареалом носителей лапидоидной керамической традиции, которая сходит на нет к востоку от Самоа. Вероятнее всего через острова Общества и Маркизы этот поток хлынул в окраинные районы Полинезии – на северо-восток до Гавайев, на юго-запад до Новой Зеландии и на юго-восток до о. Пасхи. Сегодня нельзя полностью исключать и возможные спорадические контакты восточных окраин Полинезии с американскими культурами.

Полинезия является тем районом, где синтез археологических и лингвистических исследований дает особенно хорошие результаты. Сегодня нам в общих чертах известны маршруты миграций древних полинезийцев и их языковые контакты. По мнению американского ученого П. Кирха, сопоставление археологических данных с лингвистической моделью Р. Грина, послужило в своё время мощным толчком к построению возможных сценариев заселения региона. Конечно, в наши дни, с

появлением новых археологических данных и развитием языковой компаративистики, не все положения Грина выглядят убедительно, но плодотворность такого синтеза несомненна. Основным спорным моментом в классификации восточнополинезийских языков является положение гавайского. Первоначально он был отнесен к таитянской подгруппе, но позднее возобладала точка зрения о его принадлежности к маркизской подгруппе. Последний раз аргументация в пользу этой точки зрения предлагалась в работе Дж. Марка "Topics in Polynesian Language and Culture History" (2000) и основывалась на спорадических звуковых изменениях, затрагивающих отдельные слова. В статье В.И. Беликова оспариваются доводы Дж. Марка и доказывается что лексические инновации, разделяемые отдельными языками, с большим успехом могут считаться результатом многочисленных языковых контактов.

Примерно с XVI в. н.э. на так называемых "высоких" (вулканических) островах Полинезии, таких как Тонга, Таити, Гавайи начинают складываться "квазигосударственные" политические объединения или как их еще называют сложные вождества. По мнению Т. Эрла, самым ярким примером здесь могут служить Гавайские острова. В сложных многоуровневых полициях Полинезии обычный для региона ранговый порядок организации принимал крайние формы, при этом на первый план выходило "сегментное" ранжирование отдельных политических кланов, ведущих острую борьбу за контроль над материальными и духовными ресурсами. Однако внешне и на уровне доктрин новые правители старались выглядеть ревнителями старины. Не случайно, что распространенные в Океании представления об имперсональной силе мана и связанных с нею ритуальных запретах табу, использовались для легитимации власти. Этим и другим аспектам традиционной политической культуры гавайцев посвящена статья Ю.В. Латушко.

Любопытно, что гавайские предания объясняли строгость системы табу и само её существование заимствованиями с островов Общества (самым известным островом группы являются Таити). В литературе даже бытует мнение, что о. Раитатеа выступал в роли своего рода восточнополинезийского оракула, был религиозным центром. Работа А.В. Козьмина представляет собой публикацию таитянского текста с комментариями. Текст использовался в ритуале изгнания божества покровителя локальной группы. В связи с комментированием текста автором рассматриваются проблемы репрезентации сверхъестественных сил в полинезийских культурах.

В быту микронезийцев главное место занимали суда – лодки. На ряде микронезийских островов также встречаются мегалиты. Особый интерес вызывает памятник Нан-Мадол, известный как "микронезийская Венеция". Это целый город на воде, в лагуне на острове Понапе, где на искусственных островках выстроены каменные сооружения. Именно этой загадке посвящена статья А.И. Лебедевой. Автор оценивает древние мегалитические комплексы Каролинских островов в контексте паттернов микронезийской культуры и задается целым рядом неспроста вопросов. Кто, с какой целью и как воздвиг этот и подобные ему рукотворные острова? Ответы на них могут помочь в изучении миграций древнего населения Микронезии, культурных контактов островитян и служить ключом к пониманию микронезийской культуры в целом.

В отличие от полинезийцев и микронезийцев, меланезийцы не были так привязаны к морю, они были скорее жителями суши. Этот регион наиболее пёстр с точки зрения языковых, территориальных и иных аспектов. В антропологической литературе, благодаря работам классика британской социальной антропологии Б. Малиновского, хорошо известен такой меланезийский народ как тробрианцы. К их примеру

особенно часто обращались исследователи престижной экономики, да- рообмена и других форм политэкономии традиционных и архаических обществ, а также исследователи такой классической для социальной ан- тропологии темы как родство. Очевидно, что любая система терминов родства (СТР) теснейшим образом связана с социальной организацией и может, образно говоря, служить ключом к замку культурного кода того или иного общества. На тробрианском примере П.Л. Белков обращает внимание читателя на тот факт, что в ходе изучения данного вопроса возникла парадоксальная ситуация, при которой вместо расшифровки СТР посредством изучения и фиксации внелингвистической реальности родства, исследователи стали заниматься реконструкциями этой реаль- ности, исходя из тождества / различия самих терминов родства. На при- мере классификационной СТР тробрианцев (отличной от привычной для большинства европейских народов и понятной нам линейной СТР) автор предлагает механизм построения изоморфных самой изучаемой реальности схем родства и заставляет нас по-новому взглянуть на СТР жителей Тробрианских островов.

Сегодня в силу самых разных исторических причин значительная часть традиционной культуры океанийцев утрачена. Алармизм по этому поводу дело неблагодарное, отметим лишь, что даже у такого, ныне аме- риканского, штата как Гавайи, где доля коренного населения не превы- шает нескольких процентов, на гербе выгравирован девиз на гавайском языке: "Ua Mau Ke Ea O Ka Aina I Ka Pono" ("Жизнь земли увековечена в справедливости"). Интерес к жизни своей земли и предков не утрачен окончательно. Хотелось бы надеяться, что настоящий выпуск, несмотря на узкую направленность отдельных представленных в нем сюжетов, вызовет интерес в первую очередь у "соседей" океанийцев – читателей с тихоокеанских берегов России.

Ю.В. Латушко

УДК 930.85(966.1/.2)

А.А. Лебедева

"Высокие стены" Каролинских островов (вопросы истории и культуры Микронезии)

"Lofty walls" of Caroline Islands. (Questions of Micronesian history and culture)

На востоке Каролинских островов существует два древних мегалитических сооружения. Наиболее известен из них Нан Мадол. Он состоит из девяноста двух искусственных островков, расположенных близ побережья о. Понапе. Комплекс включает стены, захоронения, платформы и другие строения, сооруженные из крупных базальтовых блоков. Подобные же стены находятся на островке Леле возле о. Кусаие. Статья посвящена проблеме изучения этих памятников. Автором собраны и проанализированы различные источники для того, чтобы познакомить читателей с уникальным явлением истории и культуры Микронезии.

Ключевые слова: археология, история, культура, мегалитические сооружения, Микронезия.

There are two ancient megalithic constructions on east Caroline Islands. The most famous is Nan Madol. It consists of ninety two artificial islets situated near the shore of Ponape. The complex included walls, tombs, platforms and other structures built of huge basaltic blocks. The similar walls are on islets Lele, near Kusaie. The paper deals with problem of study of these monuments. Early and modern sources are collected and examined to acquaint readers with unique phenomenon of Micronesian history and culture.

Key words: archeology, history, culture, megalithic constructions, Micronesia.

Мегалитические сооружения, расположенные на двух островах Каролинского архипелага до сих пор остаются одним из наиболее интригующих аспектов истории и культуры Микронезии. "Микронезийская Венеция", "восьмое чудо света" – какими только эпитетами не награждали эти постройки. Существовало несколько версий их возникновения, включая самые неправдоподобные, например, что строительство было предпринято испанцами. В настоящий момент не вызывает сомнений, что монументальные строения принадлежат микронезийской культуре, тем не менее они по-прежнему изучены далеко не полностью и период, связанный с их появлением и существованием оставляет исследователям множество вопросов.

Ограниченным является и круг источников по данной теме. Особенно это касается отечественной научной литературы; здесь отсутствуют не только исследовательские работы, но и такие публикации, которые бы знакомили с существующим материалом. Некоторую информацию мож-

но встретить у Я. Вольневича и М. Стингла, но эти работы, во-первых, являются переводами, а, во-вторых, имеют популярный уклон и содержат в основном пересказ микронезийского фольклора. В связи со всем вышеизложенным задача данной статьи состоит в том, чтобы, обобщив и систематизировав известные данные, создать по возможности цельное представление о проблеме у русскоязычного читателя¹.

Из двух памятников, о которых пойдет речь, наиболее известен расположенный у побережья о. Понапе, Нан Мадол. Он представляет собой комплекс искусственных островков с различными постройками из базальта. Аналогичные базальтовые сооружения, но более грубые и менее масштабные, возведены на небольшом островке рядом с о. Кусаие и носят название Пот Фалат.

В конце 20-х гг. XIX в. ирландский матрос Джеймс О'Коннелл оказался на о. Понапе и некоторое время прожил там. Рассказ О'Коннелла о чрезвычайно впечатливших его сооружениях считается первым упоминанием о них. В середине XIX в. постройки на Понапе и Кусаие наблюдал американский миссионер Лютер Гьюлик. Целенаправленное изучение феномена связано с именем известного исследователя Микронезии Я.С. Кубари, который работал на Понапе в 70-е годы XIX в. Им были сделаны фотографии, выполнен план комплекса сооружений, а также высказаны предположения относительно их происхождения.

Материалы Кубари использовал лично знакомый с ним английский исследователь Ф.В. Кристиан. Посетив Понапе в конце XIX в., он провел археологические раскопки на нескольких основных сооружениях комплекса и оставил их подробное описание. Кристиан также описал и комплекс на Кусаие, обратив внимание на сходство обоих памятников.

В конце первого десятилетия XX столетия в Микронезию была предпринята крупномасштабная немецкая экспедиция. На Понапе работал П. Хамбрух, один из авторов многотомных "Ergebnisse der Sudsee-Expedition". Составленный им план комплекса Нан Мадол оказался настолько точен, что даже в ходе современной съемки подвергся незначительным коррективам. Эта работа проводит черту под ранним периодом изучения загадки восточной Микронезии. Своего рода итог этому этапу подвел Д.Д. Фрезер, составив довольно подробный обзор имеющихся материалов и гипотез.

Возобновление научных исследований произошло в последней трети XX в. силами американских ученых. Археологические работы, проводимые на Понапе, в том числе в последнее время и результаты подводной археологии, позволили уточнить расположение и конфигурации островов, определить возраст и назначение различных сооружений (С. Аденс, В. Айрес и др.). На сегодняшний день основные данные о Нан Мадоле, собраны Д. Ресче, исследовательницей, которая сама является представительницей микронезийской культуры.

Возникновение Нан Мадола датируют концом XII – XIII вв. н.э. Согласно понапейской легенде, его возведение было начато двумя братьями-близнецами, почитаемыми по разным версиям, как полубоги или герои-предки, которых звали Оло-Чипа и Оло-Чапа. Для строительства монументальных сооружений, братья объединили население острова. Первоначально, это политическое объединение было относительно небольшим и распространялось на те земли, рядом с которыми и был построен Нан Мадол – небольшой островок Темвен и ближайшее побережье Понапе. Эти земли носили название Делер, а их глава стал

¹ Необходимо заметить, что, к сожалению, даже среди тех немногочисленных публикаций, которые посвящены данной теме, в нашей стране доступны не все. В связи с этим потребовалось привлечение публикаций в Интернет, которые содержат ссылки и резюме некоторых работ.

именоваться сауделером – правителем Делера, первым из которых, был один из братьев. В последствие власть Сауделеров, вероятно, распространилась на весь остров, но титул правителя сохранился. Свержение династии Сауделеров, которых было шестнадцать, легенда приписывает Изо-Калакалу (Изокелекелу) – сыну бога грома. Руководимые им воины прибыли на остров на каноэ, последовала битва, с обеих сторон было много убитых. Пленных островитян захватчики принесли в жертву своим богам войны. Строения Нан Мадола были частично разрушены. Считается, что эти события имели место в конце XVI – начале XVII вв. н.э. Изо-Калакал стал основателем новой династии, представитель которой именовался нанмарки. Несколько правителей этой династии оставались в Нан Мадоле, после чего их резиденция была перенесена. Кроме того, единый в политическом отношении Понапе, распался на пять отдельных округов, во главе каждого из которых встал свой нанмарки. Некоторое время комплекс еще продолжал использоваться для проведения религиозных церемоний, но постепенно все пришло в упадок.

Само название Нан Мадол (Нан Матал)¹ переводится как "Место Мадол" – "место водных дорог". От этого корня происходит и название всего округа, где расположен Нан Мадол: "Мадоланим" (Маталеним) что означает "водные дороги между домами" [4, с. 117]. Нан Мадол примыкает к юго-восточному побережью островка Темвен, который, в свою

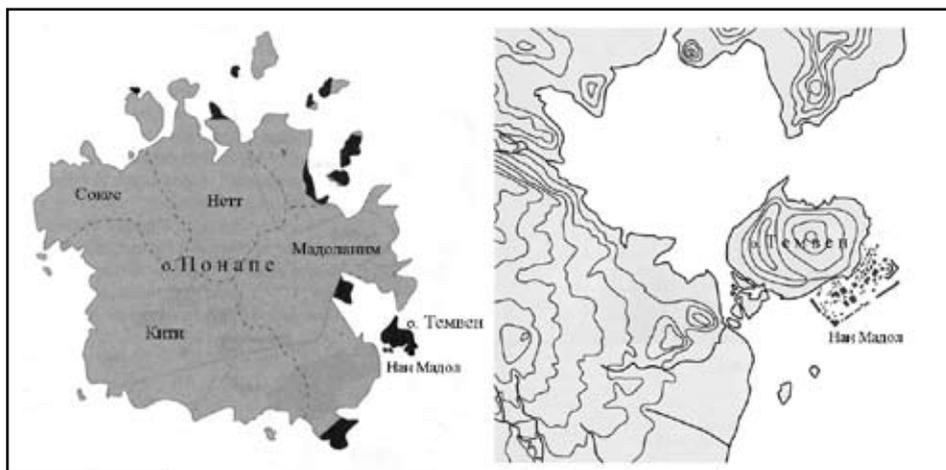

Рис. 1. Карта-схема Нан Мадола

очередь, расположен также с юго-востока от Понапе. (См. рис. 1) [6, с. 50, 52].

Комплекс состоит из искусственных островков, возведенных на коралловых основаниях в неглубоком месте лагуны, которых в настоящий момент насчитывают девяносто два. Большинство островков квадратной или прямоугольной формы, некоторые имеют форму сложного многоугольника. Общая конфигурация комплекса также приближается к прямоугольнику, а его размеры составляют приблизительно 0,5 на 1,5 км [9]. Острова разделяют каналы, местами настолько узкие, что по ним едва может пройти каноэ.

Практически все сооружения Нан Мадола в большей или меньшей степени разрушены, многие постройки покрылись густой растительно-

¹Здесь и далее: в написании названий фонетика понапейского языка по-разному передана европейскими авторами и, несомненно, в любом случае аборигенное произношение в большей или меньшей степени искажено.

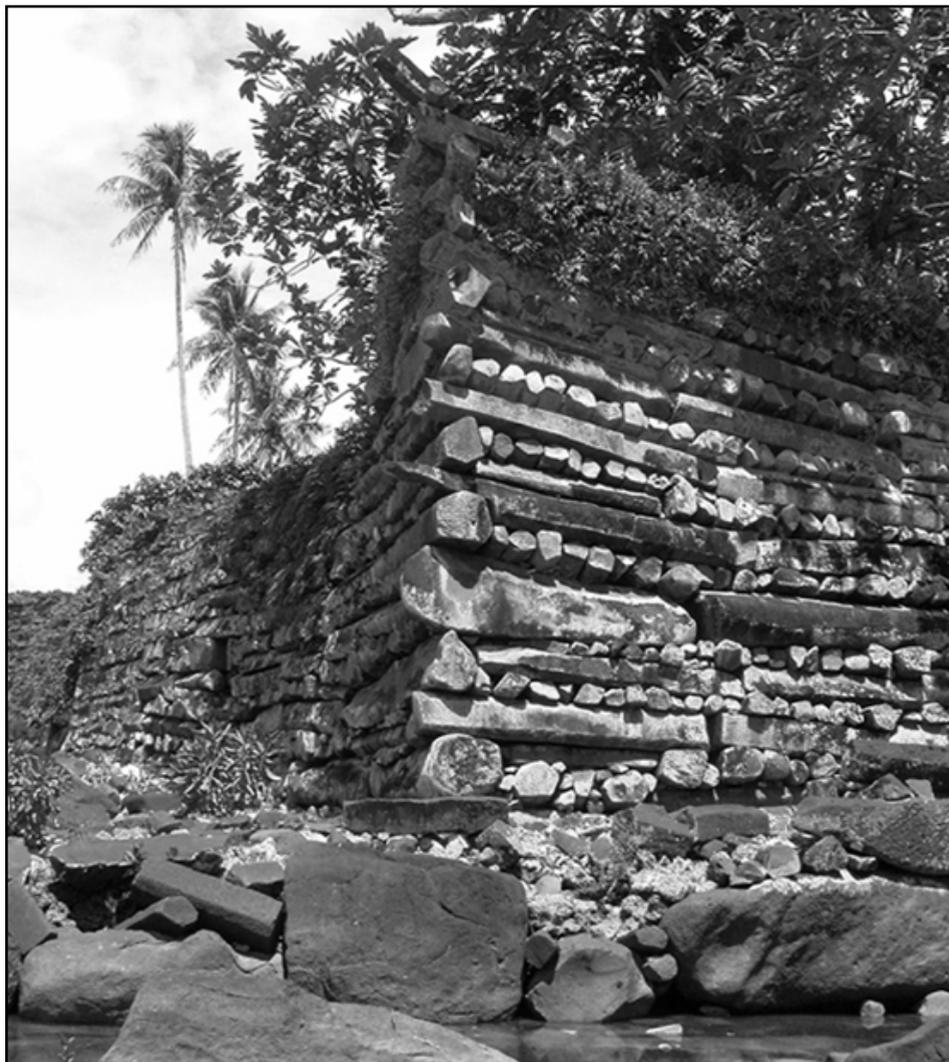

Рис. 2. Строения Нан Мадола

стью. Несмотря на это, общий облик микронезийской архитектуры сохраняет свою самобытность. Основной принцип строительства заключался в том, что удлиненные базальтовые глыбы, приблизительно призматической формы, укладывались плашмя в ряды. Ряды пересекают друг друга, т.е. "бревна" в них расположены крест накрест. (См. рис 2) [9]. Иногда ряды неравноценны – более крупные блоки переложены значительно меньшими. Сооружения, возведенные с помощью этой техники, чрезвычайно характерны. У некоторых островов подобная кладка заложена только в основание, несколько приподнимая сам остров над поверхностью воды. На других островах выстроены стены различной ширины и высоты, сложены платформы и подиумы. От открытого океана, с южной и восточной сторон, комплекс отгорожен своего рода волнорезом, который также частично разрушен [4, с. 117]. Он представляет собой ряд вытянутых островов-платформ, между которыми есть проходы для каноэ.

Все огромное количество базальта, которое потребовалось для строительства, было привезено на каноэ (или плотках) с северного побережья Понапе, округ Сокас (Сокасх, Чокач) (см. рис.1). Здесь находятся высокие

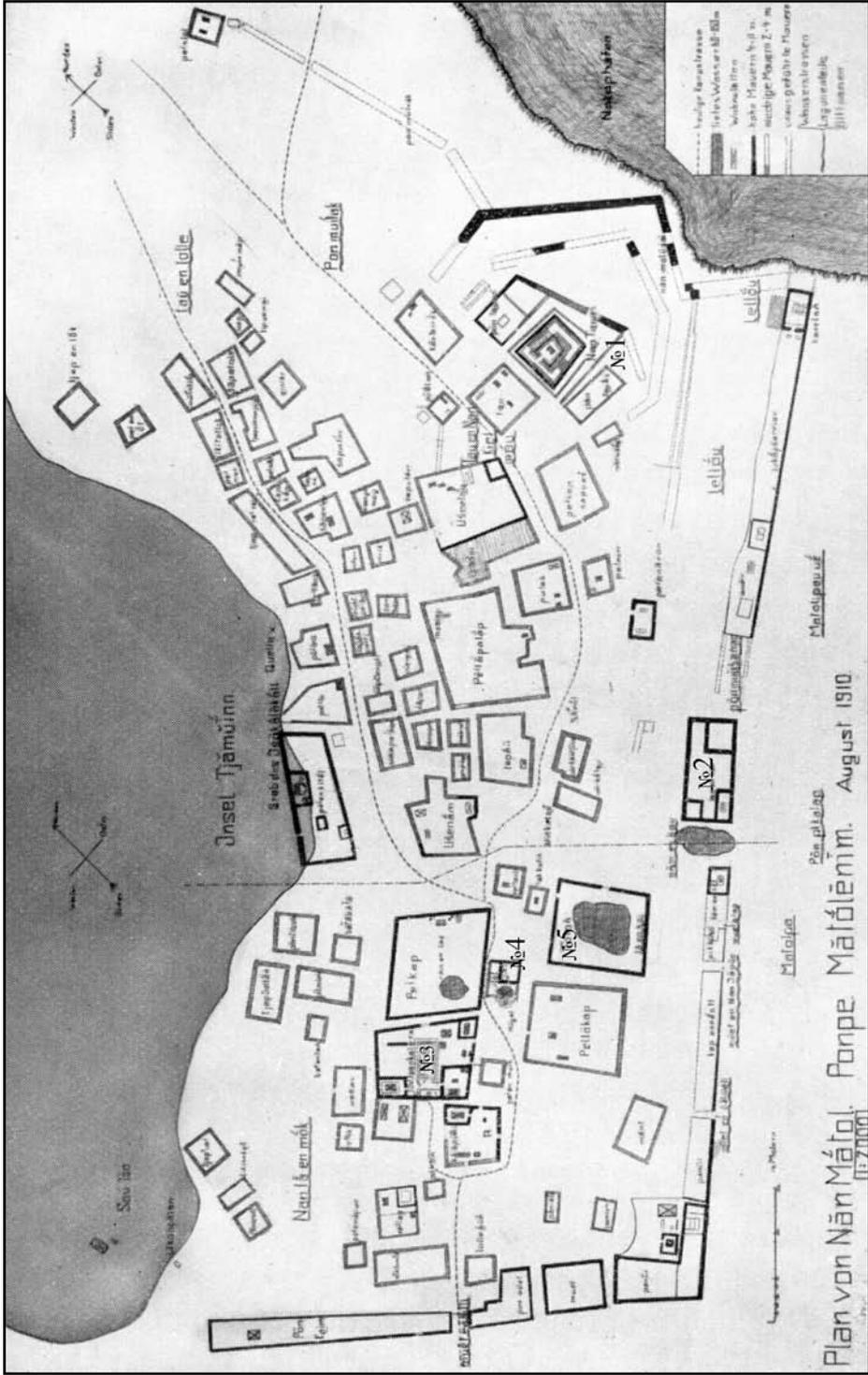

Рис. 3. Карта-схема Нан Мадола

базальтовые склоны. Предполагается, что, колонны отделялись от массива при помощи резкого изменения температуры: у подножия скалы разводили большие костры, а после того, как базальт нагревался, его обливали водой, что приводило к раскалыванию породы [10]. Затем блоки транспортировались более чем за 20 миль к юго-восточному побережью. Можно проследить этот путь вокруг Понапе по лежащим на дне лагуны кускам базальта, которые падали с судов [4, с. 118]. Для перемещения базальтовых глыб, вероятно, использовали рычаги, наклонные бревна и крепкие канаты из волокон гибискуса [10].

Данные археологии, устной традиции и результаты реконструкций, полученные на основании анализа первых двух источников, позволяют полагать, что Нан Мадол в период своего расцвета являлся политическим и религиозным центром острова. Здесь проживали вожди Сауделеры и жрецы, происходили общественные и религиозные собрания, здесь также располагался некрополь. Комплекс разделен на две части центральным каналом. К юго-западу лежал Нижний город, который был средоточием общественной жизни. Расположенный к северо-востоку Верхний город служил для проведения религиозных церемоний и был местом погребения знатных особ. (См. рис. 3) [7, с. 160-161].

Наиболее монументальные и хорошо сохранившиеся сооружения Нижнего города находятся на острове Нан-Довас (Нан-Дауас, Нан-Тауасх) (см. рис. 3, № 1). Считается, что здесь захоронены правители острова – Сауделеры, а позднее, возможно и Нанмарки. Остров расположен в северо-восточной части комплекса и с этой стороны граничит с океаном, от которого защищен волнорезом. Волнорез местами достигает пяти метров в высоту и более десяти в толщину. Остров имеет почти квадратную форму с основанием примерно 70x80 метров¹ и ориентирован по сторонам света. Характерной его особенностью является двойная стена, окружающая остров по всему периметру. Внешнюю стену от воды отделяет терраса, варьирующаяся в ширину по периметру острова от двух до восьми метров и возвышающаяся над водой приблизительно на два метра. Высота стены в некоторых местах достигает 6-7 метров при ширине 3 метра, а некоторые "бревна" базальта из которых она сложена, превышают в длину пять метров при диаметре около метра. Вероятно, ранее стена была еще выше, но уже по данным конца XIX в., часть кладки была разрушена. По центру её западной части расположен проем, который ведет в коридор между двумя стенами. Внутренняя стена ниже – около пяти метров высотой и два метра толщиной. Второй вход во внутреннее помещение расположен напротив первого. Размеры помещения приблизительно 20x30 метров, а его уровень несколько выше [4, с. 118-120; 10].

Здесь, во внутреннем дворе располагаются погребения Сауделеров. Захоронение находится в своего рода склепе, который представляет собой четырехугольный колодец. Его стены, сложенные так же, как и все остальные, достигают в высоту трех метров. Сверху шахта покрыта глыбами базальта. Внутренне помещение склепа имеет размеры три на четыре метра. Еще три аналогичных склепа, несколько меньшего размера находятся между внутренней и внешней стенами, с южной, северной и восточной сторон.

Ф. Кристиан первый, кто провел раскопки этих захоронений. Три меньшие могилы, по его мнению, не дали интересных результатов, и он останавливается только на находках, обнаруженных в центральном (большом) склепе. Здесь были найдены украшения и орудия из раковин. Это раковинные кольца, многие из которых были слишком малы, чтобы

¹Здесь и далее размеры переведены из футов в метры с некоторым округлением и являются приблизительными.

надеваться на руку, и, вероятно использовались для изготовления ожерелий; множество круглых розовых раковинных бусин и подвесок прямоугольной формы. Нанизанные на бечевку они, вероятно, составляли пояс вождя – тор, ценный на Понапе. Среди орудий во множестве обнаружены части рыболовных крючков. Самой ценной находкой Кристиан считает дюжину древних топоров, три из которых достигали 90 см в длину и были вырублены из целого куска раковины тридакны. Те, что поменьше отличались замечательной обработкой – белые, полированные и прекрасно заточенные [4, с. 123].

Погребальные комплексы расположены и на других островах Верхнего города, среди которых можно упомянуть Пинеринг (см. рис. 3, № 2). На этом относительно большом острове также выстроены стены, хотя и не такие высокие, как на Нан-Довасе. Помимо захоронений здесь имеется большой очаг, представляющий собой четырехугольное углубление и предназначенный, вероятнее всего для ритуальных целей. Считается также, что здесь могли располагаться и жилища жрецов, чьи обрядовые функции были связаны с культом мертвых. Часть островов Верхнего города (которых насчитывается более пятидесяти) также использовалась, предположительно, как резиденция жрецов.

Кроме захоронений, о назначении островов, а, следовательно, структуре и роли Нан Мадола говорят некоторые другие памятники. Это уже упомянутые площадки под очаги, а также платформы различного размера. На последних возводились дома, как жилые, так и предназначенные для общественных собраний. Центром Нижнего города был остров Панкадира (см. рис. 3, № 3). Он почти в два раза превышал по площади Нан-Довас. Остров был окружен пятиметровыми стенами и фактически представлял собой храмово-дворцовый комплекс. Примерно в центре находилась трехъярусная платформа с тремя углублениями, где разводили огонь. Еще одна платформа достигала размеров 20x40 метров, на ней был возведен храм в честь громовержца. На острове также находились жилища Сауделеров, членов их семей, и тех, кто обслуживал царственных особ. Фундаменты домов, очаги и стены, окружающие жилые кварталы расположены в восточной и северной частях острова [10; 9].

Другие острова Нижнего города предназначались для проживания знати и проведения различных церемоний. На острове Идед (Итет) (см. рис. 3, № 4), лежащем к северо-востоку от Панкадиры, в бассейне содержали священного угря. Время от времени угря кормили внутренностями черепаш, которых, в свою очередь, также держали в другом искусственном водоеме. Органические остатки, годами скапливавшиеся на острове в результате проведения церемонии, были датированы 1260, 1295 и 1380 годами соответственно в нижнем, среднем и верхнем слоях [10].

Остров Доронг (Торон) (см. рис. 3, № 5), представляет собой как бы колодец, построенный вокруг естественного углубления в рифе. Поверхность острова усеяна раковинами – в этом водоеме разводили моллюсков, которые предназначались для знати [10].

Названия некоторых островов также могут служить источником разнообразной информации. Так, Панкадира переводится как "место объявлений", что указывает на его социальные функции. Нан Модучай (Верхний город) можно перевести как "место, где груды золы" – Кристиан полагает, что имеются в виду очаги множества рабочих, которые строили острова. Название островка Пан-Илел (Верхний город) – "место, где надо управлять" возникло, вероятно, из-за множества отмелей вокруг. Наиболее прозаично переводится название одного из главных сооружений Нан Мадола – Нан-Доваса, которое означает "Высокие стены" [4, с. 124].

Заканчивая описание Нан Мадола, можно упомянуть отношение

к величественным руинам местного населения. Еще О'Коннел говорит о страхе островитян перед сооружениями на искусственном архипелаге, почитаемыми как обиталище духов и нежеланием пускать туда чужаков. Он неоднократно пытался узнать кем, когда и с какой целью они были построены, но на все получал один ответ: "аниман" – божества, духи [8, с. 58-62]. Позднее Кристиан сообщает, что сложно получить какую-либо информацию о Сауделерах и их захоронениях. Он также считает, что если жители и знают что-то о своей древней истории, то тщательно скрывают от чужестранцев. Более того, ему пришлось прекратить раскопки на Нан-Довасе из-за запрета короля (нанмарки) Мадоланима, который боялся навлечь гнев духов. [4, с. 120-122]. Такие факты характерны, конечно, для ранних этапов исследований, но нельзя полностью исключать, что оберегаемая тогда от посторонних устная традиция, не утратила полноту и точность к тому моменту, когда стала достоянием европейцев.

Название Пот Фалат, принадлежащее второму мегалитическому памятнику Восточных Каролин также имеет значение "Высокие стены". В отличие от сооружений на Понапе, эти строения описаны и изучены значительно хуже. В этом отношении большая заслуга Кристиана в том, что он не только оставил описание руин на Кусаие, но и упоминает их параллельно с понапейским комплексом.

Также как и последний, мегалиты расположены не на самом вулканическом острове Кусаие, а на небольшом островке Леле, лежащем к востоку. На острове длиной около 300 метров из базальтовых блоков и призм сложена стена, ограждающая пространство приблизительно 65 на 35 метров. Стена частично разрушена и достигает в самой высокой своей части 10 метров в высоту. Внутренне пространство разделено на две части также полуразрушенной стеной. С севера и востока в окружающей стене имеется по два входа. С этих же сторон к стене снаружи подходят два неглубоких канала, огражденных невысокой кладкой. Эти и другие каналы, от которых частично сохранились ограждения, по мнению Кристиана служили для того, чтобы подвозить на плотках огромные куски базальта, взятые с южного побережья Кусаие [4, с. 126, 127]. Вдоль побережья Леле также сохранились остатки стены. В отличие от понапейцев, население не испытывало страха перед древними стенами и не пыталось скрыть их существование от приезжих.

Кристиану не удалось провести на острове археологические работы, и он не сообщает ничего определенного о назначении комплекса. Что касается устной традиции, то какого-либо легендарного сюжета, относительно возникновения этих мегалитических сооружений не зафиксировано. Миссионер Гьюлик, спросив короля Кусаие об их происхождении, получил довольно расплывчатый ответ, что стены были построены прежними обитателями. [5, с. 26]. Побывавший здесь через полвека Кристиан, также замечает, что население имеет лишь довольно туманные предания, согласно которым с севера появились пришельцы, выстроили базальтовые укрепления и обложили местное население данью [4, с.127].

Общность происхождения обоих памятников едва ли может вызывать сомнения. Следовательно, и история Нан Мадола это не только история всего острова, но даже и всего региона, в связи с чем, следует рассматривать её в более широком контексте данных.

Согласно последним археологическим данным, наиболее ранние свидетельства появления человека на Понапе относятся приблизительно к началу нашей эры [6, с. 45]¹. Этот период един для всей восточной Ми-

¹ Некоторые археологи полагают, что природные процессы на островах Океании, такие как подъем уровня моря или тектоническая активность могли скрыть или разру-

кронезии и связан с активным продвижением австронезийских предков микронезийских (и полинезийских) народов в Тихий океан. Поскольку продвижение в восточную Микронезию происходило через Меланезию, население последней, в большей или меньшей степени, было вовлечено в этногенез микронезийских народов. Поэтому заселение островов Микронезии представляло собой достаточно сложный процесс, миграции могли быть (и, скорее всего, были) множественны, а этнический состав переселенцев, вероятно, не был однокомпонентен.

В понапейском фольклоре, в свою очередь, существуют легенды, отражающие представления о трех различных этнических слоях, последовательно заселивших остров. Работая на Понапе, Кристиан исследовал, в том числе захоронения, которые сохранились в лесу, на границе округов Мадоланим и Кити. Погребение представляет собой неровный квадрат, окруженный каменистой насыпью, с прямоугольным возвышением ближе к одной из сторон. На возвышении расположены три могилы, на нижнем ярусе еще шесть. Могилы чрезвычайно малы, менее полутора метров в длину. При раскопках в этих могилах были обнаружены костные останки, один раковинный топор и один каменный нож [4, с. 124-126].

По преданиям понапейцев эти захоронения принадлежат темнокожему, низкорослому народу, обитавшему некогда в лесу. Они имели плоские носы, а их речь была щебечущей и быстрой, как стрекот летучих мышей. Их называют чокалаи, и они жили на острове до появления других народов, которых островитяне именуют кона и лиот. Как известно, это не единственный в Океании фольклор, рассказывающий о том, что до прихода австронезийских мореплавателей, на острове уже проживали низкорослые обитатели; – достаточно вспомнить гавайские предания о менехуне. В контексте данной работы мы не будем затрагивать спорный вопрос о возможности проникновения отдельных групп древних народов на острова Океании до появления там австронезийцев. Что касается двух других названий, то на тот момент, когда Кристиан проводил свои исследования, считалось, что они могут быть соотнесены с малайе-полинезийскими и меланезийскими пришельцами соответственно [4, с. 124-126].

Конечно, учитывая упомянутые особенности заселения Микронезии, трактовать кона и лиот как две этнические волны, буквально соответствующие ранним австронезийским и последующим меланезийским мигрантам, можно с большой долей условности. Скорее речь может идти об отдельных эпизодах, которые закрепились в устной традиции. В этой же связи можно вернуться к легенде о Нан Мадоле с точки зрения интерпретации фольклорного текста. Несомненно, что в нем, как это вообще характерно для подобных текстов, с фактами, которые можно трактовать в историческом плане, тесно переплетены и откровенно мифологические мотивы. Среди последних Фрезер отмечает, в частности, мотив близнецов-основателей – достаточно распространенный в мировой мифологии, который он сравнивает, в том числе, с римским мифом о Ромуле и Рэме [5, с. 24]. Здесь же можно назвать и божественное происхождение основателей обеих династий и некоторые другие, менее значительные детали.

В то же время, обращает на себя внимание, что в связи с падением Нан Мадола фиксируется участие некоего нового пришлого элемента. Как и предания о кона и лиот, это отражает представления островитян о поэтапном заселении Понапе, и оба текста могут быть сопоставлены. В частности, воинственные завоеватели Нан Мадола по легенде прибыли из Пати-Аир – бесплодной земли на юге. Кристиан локализует эту землю на Новой Гвинее, Новых Гебридах или соседних регионах Ме-

ланезии [4, с. 121]. Интересно, что Ф.П. Литке, посетивший остров на три четверти века ранее, особо отмечает, что "пыйнипетцы" (понапейцы – А.Л.) отличаются от других микронезийцев и похожи на "папуанцев". Он также замечает, что ближайшая земля "населенная сим племенем" – Новая Ирландия [2, с. 21]. Миграции в Микронезию из Меланезии могли происходить даже в относительно позднее время. Учитывая, что описываемое в легенде событие относится к достаточно позднему периоду, вполне вероятно, что легенда исторична и отражает появление новой волны поселенцев, прибывших на Понапе и вступивших в конфликт с его населением, хотя и нельзя точно указать регион, который мог быть прародиной пришельцев.

Сложнее найти место в этом этногенетическом калейдоскопе строителям Нан Мадола. На землях, около которых впоследствии был построен Нан Мадол – острове Темвен и соседнем с ним побережье Понапе были обнаружены одни из наиболее ранних археологических находок на Понапе – фрагменты керамики, [6, с. 45]. Этот район долгое время оставался единственным на Понапе, где была найдена керамика. Однако археологи полагают, что керамика на Понапе существовала максимум до начала второго тыс. до н.э., после чего она исчезает [9]. Учитывая регресс керамики, а также значительные разрывы в датировке различных находок на острове [6, с. 49], сложно утверждать, были ли создатели "микронезийской Венеции" прямыми наследниками этой более ранней культуры или строительство связано с появлением очередной волны мигрантов.

Несомненно только то, что сюжет о строительстве отражает период, связанный с формированием на острове сильной централизованной власти. Только при этом условии становится возможной организация работ, требующих объединенных усилий множества людей в течение достаточно продолжительного времени. Более того, эта власть распространилась и на Кусаие, где, если верить преданию, строители стен уже точно не были автохтонами. Даже по тем скудным сведениям, которыми мы располагаем, видно, что их целью было экономическое, политическое и военное усиление. Для его достижения и были выстроены сооружения на Леле, которые, по мнению Кристиана, носят выраженный фортификационный характер [4, с. 127]. В отличие от Нан Мадола, эти сооружения, скорее всего, представляли собой только укрепление и были своего рода "базой" понапейских правителей. Отсутствие ритуальных функций может объяснить и отсутствие у местных жителей суеверного страха перед руинами. Что же касается самого Нан Мадола, то он обладает всеми основными чертами кремля. Здесь сконцентрированы дворцовый комплекс, культовые центры и некрополь. Все это находится под защитой крепостных стен, за которыми могли укрыться люди, храниться запасы пищи, воды и оружия. С учетом микронезийской специфики, территория также хорошо приспособлена для отражения нападения с воды.

Понапе и Кусаие – одни из немногочисленных в Микронезии вулканических островов. Это объясняет тот факт, что подобные сооружения существуют только на них, поскольку только здесь имелся необходимый для строительства материал. Кроме того, восточная часть Каролин, где они расположены, несколько обособлена географически и является своего рода субрегионом внутри всего архипелага. Очевидно, в середине второго тыс. н.э., в этом районе возникла оригинальная культура, создавшая некий союз, выходящий за пределы одного острова. Впоследствии она, возможно, ослабнув изнутри, не устояла перед внешним воздействием, но в период своего расцвета по уровню развития социальной структуры и практических навыков превосходила другие культуры Микронезии.

Литература

1. Вольневич Я. Люди и атоллы. М.: Наука, 1986. 224 с.
2. Литке Ф.П. Путешествие вокруг света, совершенное по повелению государя и императора Николая I на военном шлюпе Сенявине в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах Флота Капитаном Федором Литке. Ч. II. СПб.: В типографии III отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1835. 282 с.
3. Стингл М. По незнакомой Микронезии. М.: Наука, 1978. 272 с.
4. Christian F. W. Exploration in the Caroline islands // *The Geographical Journal*. 1899. Vol. XIII. № 2. P. 105-131.
5. Fraser J. G. The belief of immortality and the worship of the dead. Vol. 3: The belief among the Micronesians. London, 1924.
6. Galipaud J.-C. Antiquity of settlement in the Central Carolines. New date from Pohnpei // *Micronesia. Visiones des de Europa*. Madrid, 2004. P. 43-55.
7. Hambruch P. Elf Jahre in Australien und auf der Insel Ponape. Erlebnisse eines irischen Matrosen in den Jahren 1822 bis 1833 von James F.O Connel. Aus dem Englischen ubersetzt und herausgegeben von Professor Dr. Paul Hambruch. Berlin: August Scherl G. m.b. H., 1929. 240 S.
8. Hambruch P. Ponape. Ergebnisse der Sudsee-expedition 1908-1910. Bd. 7. Hamburg: Friederichsen, de Gruyter & Co. m. b. H., 1932. 376 S.
9. Ayres W. Nan Madol, Madolenihmw, Pohnpei : [сайт]. URL: <http://darwin.uoregon.edu/~wsayres/>
10. Resture J. About Nan Madol : [сайт]. URL: <http://www.Ourpacificocean.com>

УДК 929.5(=622.82)

П.Л. Белков

Структура родства тробрианцев. К проблеме построения универсальных схем родства

The Trobriand kinship structure.
To a problem of construction of universal schemes of kinship

Главная цель предлагаемой работы состоит в исследовании тробрианской системы родства на основе сравнения с тремя универсальными диаграммами: тип карьера, тип карадъери и тип аранда. Такой подход предполагает, что, перед началом исследования, эти диаграммы должны быть модифицированы. Результаты анализа доказывают, что тробрианская система родства представляет собой специфическое изменение типа карьера.

Ключевые слова: диаграмма, классификационная система родства, Тробрианские острова

The main purpose of the paper is to investigate the Trobriand kinship system on the basis of the comparison with three universal diagrams: Kariera type, Karadjeri type and Aranda type. This approach supposes some modifications to be made before starting the study. The results of the analysis prove that Trobriand kinship system represents a peculiar variation of Kariera type.

Key words: classificatory kinship system, diagram, Trobriand Islands

В настоящее время исследования по классификационным системам родства концентрируются на терминологиях родства. Однако система терминов родства, или *текст родства* есть всего лишь часть системы родства. Другая, неизменяемая ее часть в современных исследованиях такого рода остается практически без внимания. Мы попытаемся пояснить это различие на конкретном примере системы родства жителей Тробрианских островов, но для этого нам потребуется предварительно рассмотреть некоторые общие вопросы теории классификационных систем родства.

По-видимому, каждая конкретная система терминов родства может быть уподоблена шифрованному сообщению. Кодом является соответствующая структура родства, т.е. система правил, воплощаемая в стереотипах поведения людей по поводу обмена услугами в сфере материальных ценностей и брачных отношений. Со стороны субъекта исследования эти стереотипы поведения могут быть представлены в виде регулярных схем, или диаграмм родства. До сих пор в качестве таких схем в работах по системам родства выступали генеалогии, отражающие отношения между агентами социального действия по двум параметрам:

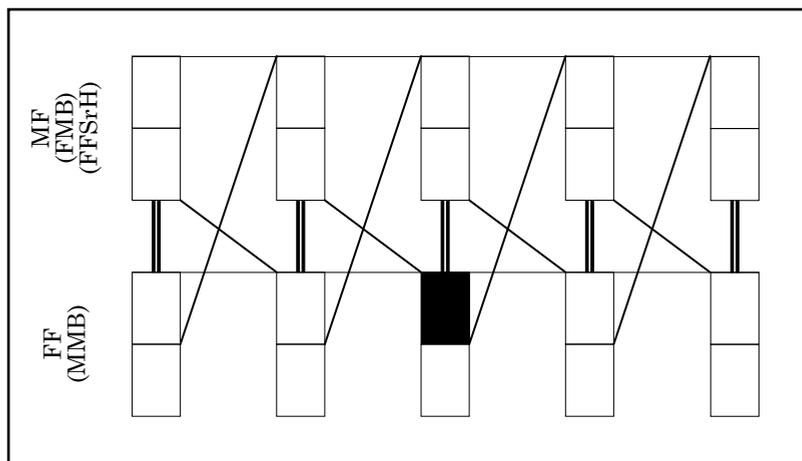

Рис. 1. Тип карьера

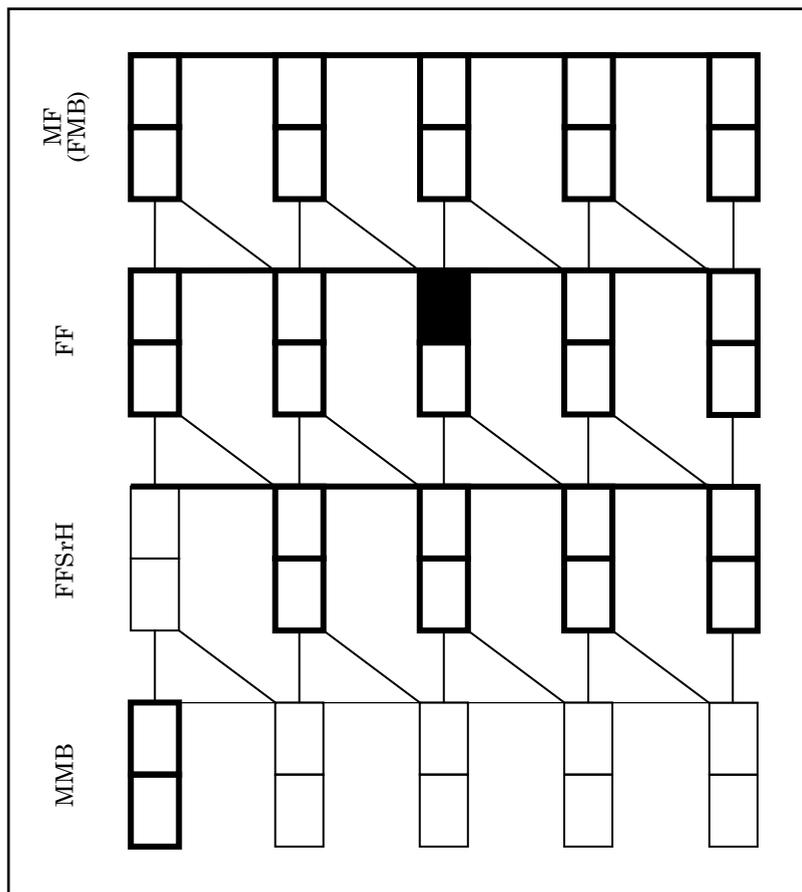

Рис. 2. Тип карадъери

происхождение и брачные связи. Специалисты уже давно отмечали, что генеалогический метод сбора информации не отвечает тем принципам, на которых строятся классификационные системы родства. В конечном счете, это привело к тому, что исследователи стали отказываться от изображения систем родства с помощью графических схем, заменяя их знаковыми системами по образу и подобию математических формул. Но, поскольку с помощью формул удается отобразить далеко не все явления (например, в математике наряду с формулами используются различные графики и фигуры), на практике это привело к отказу от исследований систем родства в целом. Точнее говоря, вместо расшифровки систем терминов родства посредством изучения и фиксации внелингвистической реальности родства, исследователи стали заниматься реконструкциями этой реальности, исходя из тождества / различия самих терминов родства. Таким образом, развитие исследований систем родства пошло обратным путем, если их сравнивать с исследованиями по мифологии, которые когда-то начинались с реконструкции значения мифов (мифологическая школа), но затем перешли к сопоставлению с этнографическими данными (антропологическая школа).

Критикуя генеалогический метод, исследователи, кажется, не заметили, что наряду с ним уже очень давно возник другой метод (схема) фиксации систем родства, по существу, не являющийся генеалогическим. Этот метод был изобретен А.Р. Рэдклифф-Брауном, который на австралийском материале выделил два типа систем родства, тип карьера и тип аранда [6, с. 143-194; 8, с. 34-63]. Как известно, эти два типа систем родства соответствуют двум типам так называемых обязательных (предпочтительных) браков, когда в качестве идеального брачного партнера выступает кросскузина первой степени (дочь брата матери) и кросскузина второй степени (дочь дочери брата матери матери). Впоследствии А.П. Элькин дополнил два упомянутых типа третьим типом карадьери, основанным на предпочтении матрилateralной формы брака с дочерью брата матери (при запрете брака с дочерью сестры отца) [3, с. 61, 65, 70, 73, 76]. Три рассматриваемых типа классификационного родства различаются между собой по числу линий родства ("мастей"), т.е. по числу родственников ("фигур" родства), выделяемых во втором восходящем поколении. В системе карьера таких линий две: линия отца отца (брата матери матери) и линия отца матери (брата матери отца). В системе аранда – четыре: отца отца, отца, брата матери матери, отца матери и брата матери отца. В системе карадьери – три: линии отца отца, брата матери матери и линия отца матери (брата матери отца). Что касается последней, наличие на схеме А.П. Элькина четырех линий является следствием добавления к запрету на брак с дочерью сестры отца предписания искать брачного партнера среди женщин, которые с точки зрения генеалогии являются дочерью брата отца только "наполовину", т.е. ведут происхождение не от брата матери матери, а от индивида его "замещающего", в роли которого выступает муж сестры отца отца (при ортодоксальном варианте позиция "брат матери матери" совпадает с позицией муж сестры отца отца"). В результате такого различия действительной для говорящего, точнее "считающего" становится линия мужа сестры отца отца; линия брата матери матери в буквальном смысле отодвигается на второй план.

Нетрудно заметить, что все три схемы имеют замкнутый характер, следовательно, отвечают *принципу изоморфности* отображаемому явлению, поскольку реализация классификационных систем родства возможна только в относительно замкнутом пространстве [1, с. 126-128]. Изоморфизм является признаком того, что эти схемы выполняют свою коммуникативную и познавательную функцию. Как писал Б.С. Гряз-

нов, "два множества называются изоморфными, если между элементами одного множества (здесь: схема родства) и элементами другого множества (здесь: реальные действия людей) может быть установлено взаимоднозначное соответствие и если операциям над элементами одного множества взаимоднозначно соответствуют операции над элементами другого" [2, с. 67]. И далее: "Отсюда следует, что исследование одного множества, его свойств и закономерностей может быть заменено исследованиями другого" [2, с. 67]. В нашем случае это означает, что схемы А.Р. Рэдклифф-Брауна и А.П. Элькина являются не просто удобным способом изображения реальности родства, заменяющим громоздкое словесное описание (*принцип обозримости*), но позволяет делать относительно нее выводы содержательного, объективного характера, например, об их взаимной трансформации, как это видно из сравнения схемы родства типа карьера и типа аранда.

Проблема возникает в связи со схемой родства типа карадьери, элементы которой соединены между собой таким образом, что делать какие-либо выводы о генетических связях с двумя другими схемами становится невозможно. Под элементами здесь понимаются конструкции, собранные из трех субэлементов, трех линий соединения: "родитель – дети", "брат – сестра" и "муж – жена".

Неэквивалентность принципов построения трех рассматриваемых схем проявляется еще и в том, что линии прямого родства являются "прямыми" только на схеме, изображающей простейшую систему родства типа карьера. В этом смысле схема карадьери имеет правильный "ступенчатый", а схема аранда – неправильный "зигзагообразный" характер. Ниже предлагается единый способ изображения систем классификационного родства, который основан на изменении одного из субэлементов, а именно: "муж – жена" и "брат – сестра". В отличие от схем А.Р. Рэдклифф-Брауна, где термины этих отношений соединяются, соответственно, значком \times и значком \sqcap , мы предлагаем соединять супругов прямой горизонтальной линией, братьев и сестер поставить друг к другу вплотную. Графически это означает создание зеркального способа изображения относительно того способа, который был изобретен А.Р. Рэдклифф-Брауном: позиции муж и жена "отодвигаются" ("отдаляются"), позиции брата и сестры "сдвигаются" ("сближаются"). В целях большей визуальной достоверности все позиции родства на схемах заключаются в прямоугольные рамки, тем самым превращаются в "ячейки родства", которые становятся основным элементом в данной системе изображения. В зависимости от особенностей конкретных систем родства эти ячейки заполняются теми или иными описательными терминами родства ("позиции родства"): FF, ffsr, MMB, mm, F, m, MB, fsr, MBS, mbd, MMBDS, mmbdd, d, SrS, srd, SS, sd, DS, dd, w, WB *etc.* Местные термины родства заменяются цветовой заливкой ячеек, поскольку нас интересует только тождество / различие терминов. На рисунках 1, 2, 3 мы технически намеренно упрощаем задачу, показывая пустые ячейки без обозначения их цветом. Точкой отсчета служит ячейка залитая черным цветом, обозначающая позицию родства Эго.

При такой модификации уже существующих диаграмм родства они становятся изоморфными отображаемой действительности также по признаку локальности (*принцип локальности*), внешним проявлением которого является известный принцип эквивалентности сиблингов [1, с. 126-128]. Принцип экзогамности локальной группы учитывается на схеме с помощью "билинейности". Вертикальные линии соединяют позиции (ячейки) родства "отцов и детей", диагональные, или боковые линии, – позиции (ячейки) родства "матерей и детей".

Табуляция конкретных систем родства с помощью базовых схем

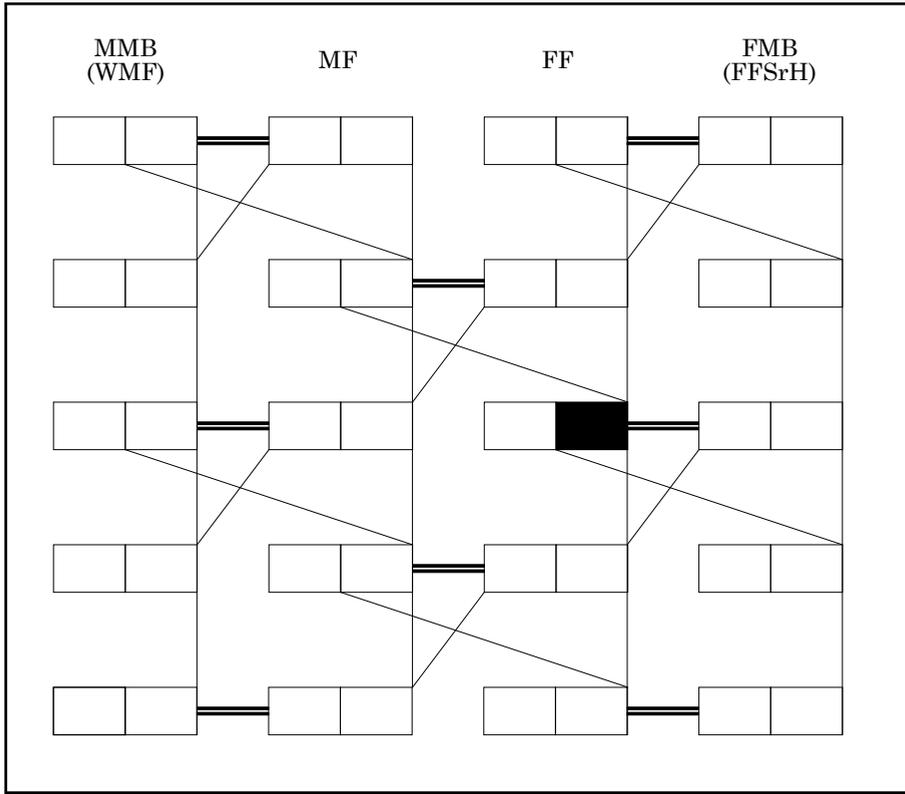

Рис. 3. Тип аранда

показывает их универсальный характер. Любая из существующих систем родства может рассматриваться как вариант развития одной из этих схем. Здесь надо иметь в виду, что структура слияния / разграничения линий родства и позиций родства не может полностью совпадать со структурой слияния / разграничения собственно терминов родства. Здесь следует еще раз подчеркнуть, что схемы родства являются не просто наглядным и, в сущности факультативным способом описания систем терминов родства, но средством анализа реальности родства на основе соблюдения правила изоморфности знаковой системы и отображаемого явления. Это знаковая система, обозначающая самостоятельную подсистему организма родства, – подсистему ("композицию родства"), которая способна к широкому варьированию сама по себе, помимо терминов языка ("текста родства"). Вариативность композиции родства зависит от числа локальных групп, которые должны быть вовлечены, или учтены при расчетах, связанных с выбором брачного партнера. Представленные схемы родства, отражают простейшие системы, требующие участия двух, трех, четырех локальных групп. Однако в зависимости от конъюнктуры (например, при недостатке "идеальных" кандидатов) ортодоксальная форма брака оказывается невозможной, тогда в силу вступают правила альтернативных браков и / или запреты на брак с носителями определенных категорий родства внутри разрешенного обычаем круга потенциальных партнеров. Это приводит к увеличению числа выделяемых линий прямого родства, т.е. локальных групп. Простейшим примером является переход от системы типа карьера к системе типа карадьери, когда с наложением запрета на брак с дочерью сестры отца появляется третья линия, а затем в связи с предписанием женитьбы на женщине,

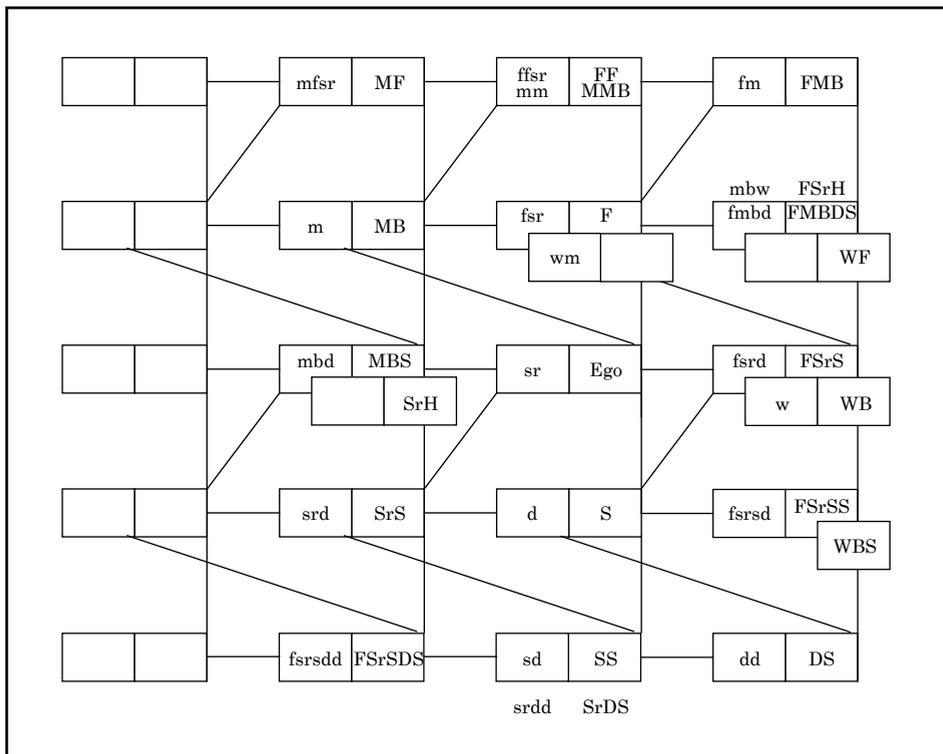

Рис. 4

родство с которой может быть прослежено только по женской линии, и четвертой линии мужа сестры отца отца. Различение действительного, классификационного и полуклассификационного родства (введем этот термин для обозначения действительного родства только по одной линии) создает почву для дальнейшей бифуркации линий, т.е. увеличения необходимого числа взаимодействующих локальных групп внутри одного типа родства. Например, в некоторых системах типа карадьери можно насчитать до девяти линий (путем "деления" линий), а в системах типа аранда до восьми (путем "удвоения" линий).

Оперируя отдельными элементами схем родства, мы воспроизводим действия носителей исследуемой культуры, оперирующих позициями родства не только в мышлении, но и на практике, т.е. в процессе *конструирования* конкретных ситуаций в сфере матримониальных отношений. Это становится возможным, поскольку позиции родства непосредственным образом материализуются в отношениях между локальными группами. Не случайно локальные группы, или кланы австралийцы обозначают обобщенно, с помощью тех или иных терминов родства, не принимая во внимание их реальный состав по полу и возрасту: "клан матери", "клан матери отца", "клан матери матери", "клан матери отца матери" и т.п. [7, с. 238]. Соответствующие термины языка аборигенов, вероятно, могут быть переведены на русский по аналогии с "отчич", "дедич", "сестрич" и т.п.

Для полноты картины необходимо добавить, что наряду с системами родства, строящимися на уже упомянутых формах предпочтительного брака, некоторое распространение имеет форма одностороннего кросс-кузенного брака с дочерью сестры отца. В частности, такая не совсем обычная форма брака была зафиксирована на Тробрианских островах. Схема системы родства тробрианцев строится нами по аналогии с тремя

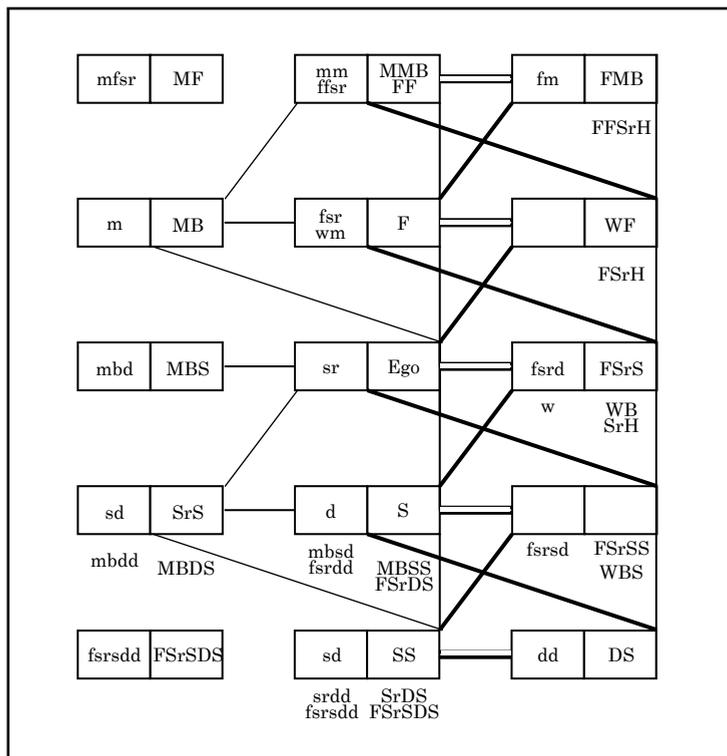

Рис. 5

базовыми. Как можно видеть, необычность её состоит в противоположности направления связей "мать – дитя" (диагональные линии) в смежных поколениях, что, по-видимому, объясняется особой формой авункололокальности ("матрилинейности"). По достижении совершеннолетия индивид переселяется на территорию брата матери, на этой же территории он создает свою семью [5, с. 433-451; 4, с. 226-229]. При построении схемы родства тробрианцев мы исходили из того, что эта система родства входит в тип родства карадъери, являясь его вариантом. В качестве аргумента в пользу такого решения служит сам факт противоположности этой системы родства системе типа карадъери. В системе родства аборигенов карадъери запрещены браки с дочерью сестры отца, в системе родства тробрианцев – браки с дочерью брата матери. В качестве дополнительного довода нами были использованы результаты анализа Эдмунда Лича, построившего "трехлинейную" схему в пределах нулевого, первого восходящего и первого нисходящего поколений [4, с. 228].

Выделение трех линий – это тоже признак системы карадъери (Рис.4). Однако выводу о том, что система родства тробрианцев является вариантом систем родства типа карадъери мешают два обстоятельства. Во-первых, при таком способе изображения "одноцветные" термины" (SrH и WB) оказываются принадлежащими двум разным стержням ("линиям") родства. Во-вторых, система родства, основанная на выделении трех десцентных линий, может возникнуть и на основе системы родства типа карьера за счет запрета браков с кросскузинами первой степени, которые находятся с эго в отношениях действительного родства. В этом случае происходит как бы "удвоение" (см. выше) линии "отца матери" за счет необходимости искать супругу в третьей локальной группе. Для обозначения членов этой группы как потенциальных собственных родственников появляются дополнительные термины, но выстраиваются они не рядом

с линией "отца матери" (точка зрения), а перед ней, как бы закрывая её собой; с точки зрения эго, находящегося на линии "отца отца", линия "отца матери" отступает на задний план. Ср. функции "обтекания" при рисовании в Microsoft Office: "перед текстом" или "за текстом". Разумеется с точки зрения эго, находящегося на линии "отца матери" (в соответствующей локальной группе) все выглядит наоборот, "удваивается" линия "отца отца". Отсюда ясно, что тробрианская система требует наличия, по крайней мере, четырех групп с обеих сторон, но, поскольку Эго интересуется только то, что происходит на противоположной стороне, на другой половине (поиск брачного партнера для чужаков на своей "половине", что называется, не его забота), он, естественно, описывает исследователю ситуации, фиксируя систему из трех линий, т.е. из трех локальных групп.

Таким образом, происходит "удвоение", о котором мы говорили выше, поскольку в классификационных системах родства в отличие от так называемых линейных систем родства (и геометрии) аксиома "через две точки можно провести только одну прямую" изначально не работает в силу верховенства принципа тождества сиблингов. Отличие системы родства тробрианцев от варианта системы родства типа карьера с полным запретом браков с действительной кросскузиной первой степени состоит в том, что запрет касается только категории "дочерей брата матери" (Рис.5). А для того, чтобы создать категорию "дочерей сестры отца", т.е. отделить их от "дочерей брата матери" достаточно искать брачного партнера среди тех женщин, которые происходят от мужчины, являющегося мужем сестры отца, но не являющегося братом матери, т.е. искать среди дочерей тех женщин, замужество которых связано с переходом не в локальную группу брата матери, а в некую третью группу.

Учитывая сказанное, мы теперь можем увидеть, что для преобразования трехлинейной схемы системы родства тробрианцев нам достаточно повернуть по часовой стрелке кронштейны с ячейками, образующими десцентную линию слева от линии "отца отца", используя ее (линию FF) в качестве неподвижной оси. Тогда схема примет вид схемы системы родства типа карьера. О правильности перестроения говорит и тот факт, что "одноцветные" термины" оказываются на одной десцентной линии. Таким образом, система родства тробрианцев оказывается не "вывернутой наизнанку" системой типа карадьери, а "развернутой" системой типа карьера.

Безусловно, к системе родства жителей Тробрианских островов остается еще много вопросов, хотя бы потому, что каждая конкретная система родства является результатом многократных изменений и наслоений. Кроме того, системы родства – это не застывшая раз и навсегда форма, но постоянно совершенствующийся механизм. Даже на индивидуальном уровне может быть множество различных вариантов в его использовании. Однако, на наш взгляд, анализ системы родства тробрианцев с помощью предлагаемого метода показывает, что его изоморфность реальности родства носит объективный характер. Даже в тех случаях, когда на первых этапах изучения того или иного явления родства, мы делаем "неправильные" (на самом деле, промежуточные) выводы, этот метод в конечном счете приводит нас к "правильной" интерпретации исследуемых явлений родства.

Литература

1. Белков П.Л. Принцип локальности австралийских систем родства // Радловский сборник. СПб., 2009. С.126-128.
2. Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. М., 1982.
3. Elkin A.P. The Australian Aborigines: How to Understand Them. Sydney, 1956.
4. Leach E.R. An Alternative Theory // Readings in Kinship and Social Structure. N.Y. – L., 1971. P.223-231.
5. Malinowski B. The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia. L., 1932.
6. Radcliffe-Brown A.R. Three Tribes of Western Australia // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. LXIII. 1913. P. 143-194.
7. Radcliffe-Brown A.R. Notes on the Social Organization of Australian Tribes // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. XLVIII. 1918. P. 222-253.
8. Radcliffe-Brown A.R. The Social Organization of Australian Tribes// Oceania. 1930. Vol. I. No.1. P. 34-63.

УДК 291.211.8

Ю.В. Латушко

Табу

A taboo

В статье Ю.В. Латушко идет речь о табу, специфической системе религиозно-обрядовых установлений океанийцев. Автор обращает внимание на тот факт, что в ряде стратифицированных обществ Полинезии, таких как Гавайи, данная система была тесно связана с традиционной властью и служила делу легитимации сакральных лидеров. С началом контактов с европейцами система табу претерпела кардинальные изменения.

Ключевые слова: *власть, Гавайи, Полинезия, религия, табу.*

"Taboo" is a title of article by Yu. Latushko. Author discusses specific ritual institution system of peoples of Oceania. In most stratified Polynesian societies such as Hawaiian one, taboo system was closely connected with traditional authorities and it provided them legitimacy. From the beginning of contacts with Europeans it undergoes significant changes.

Key words: *the power, Hawaii, Polynesia, religion, a taboo.*

Слово "табу" пришло в европейские языки из полинезийских (англ. tabóo, рус. табу́, полинез. tábu, гавайск. káru) и буквально означает "запрет". Понятие табу широко распространено во всех субрегионах Океании (Меланезии, Полинезии, Микронезии). Религиозно-магические, морально-этические и мифологические стороны табу уже выступали в качестве предмета анализа в трудах таких классиков антропологической и этнографической науки как Дж. Фрезер, Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун, С.А. Токарев и др. В настоящей статье эти элементы табу будут затрагиваться нами лишь в той степени, в какой они сопряжены с развитием потестарно-политических отношений гавайского общества.

В генеалогических преданиях гавайских вождей сохранилось имя жреца с о. Таити – Паао. Около 1275 г. он предпринял вояж на Гавайи, где застал картину "падения нравов" местных вождей, которые не чурались вступать в браки с женщинами из низших слоёв общества, что, по мнению Паао, сильно подрывало репутацию элиты. Вернувшись, он призвал на Гавайи благородного вождя Лонокаехо [8, с. 69-70]. Последний отказался, но предложил другую кандидатуру из достойного древнего рода Улу. Потомки этого вождя долгое время правили на Гавайях, как и потомки жреца Паао, который стал первым хранителем важного культа гавайских вождей – культа бога Ку. Кроме того, Паао стоял у истоков консервативной гавайской религии. Традиция приписывает ему введение таких краеугольных составляющих идеологической системы как человеческие жертвоприношения, коронация вождей поясом

из красных птичьих перьев (такой же обычай бытовал и на о. Раиатеа, одном из островов группы Общества) и новый тип святилищ – *хеиау*. Как видно из легенды, Паао восстановил строгость поруганных табу, но что в действительности могла означать подобная реформа? Для ответа на данный вопрос нам нужно ответить на другой – что есть табу, точнее, какую функцию могла выполнять система ритуальных запретов в контексте традиционной политической культуры древних гавайцев.

Считается, что с последней четверти XIII в. миграции на Гавайи прекратились, и острова в течение пятисот лет развивались как закрытая культурная система. Её стержнем выступали традиционные верования, которые объясняли и санкционировали миропорядок. В дошедшем до нас мифе творения *Кумулипо* рассказывается о развитии мира от тьмы к свету, от низших форм к высшим [25]. Структура общества понималась как единое тело, где верховный вождь был головой, прочие вожди – плечами и грудной клеткой, *кахуна нуи* (верховный жрец) был правой рукой, а *калаимоку* (советник верховного вождя) левой. Воины считались правой ногой, а рыбаки и крестьяне – левой.

Согласно традиции, положение человека в обществе зависело от количества мистической силы (*мана*), которой тот обладал. С этими представлениями тесно связана и система табу. Дабы уменьшить деструктивное воздействие лиц, предметов или мест преисполненных маной они табуировались. Социальный порядок представлялся проекцией космического на земную реальность, поэтому вожди считались богами на земле. Отсюда, все браки элиты были эндогамными, причём, немаловажную роль играла степень близости эго к легендарному полубогу-первопредку.

Общество делилось на две основные страты – вождей *алии* и общинников *макаинана*. Особое положение занимала категория "неприкасаемых" *каува*, которая, согласно представлениям гавайцев, не входила в структуру общества. Среди вождей социальный статус человека определялся в первую очередь генеалогическим старшинством, а не половозрастным. Другими словами, ребёнок из линии вождей более высокого ранга был "старше" старца из генеалогически менее знатной линии.

Особенностью иерархической системы Гавайев было постепенное замыкание двух основных страт в замкнутые группы. Речь идёт о процессе образования так называемой "квазикастовой" организации общества, значительно уменьшавшей вертикальную мобильность. На практике это выливалось в то, что по мере усложнения социальной организации, вожди всё более обособлялись от общинников, что наглядно выражалось в таких маркерах их статуса, как одежда, право на длинные генеалогии, пищевые привилегии и т.д.

Все полинезийские общества отличались особым ранговым порядком. И.Ж. Кожановская считает его интегральной составляющей социальной организации полинезийцев. Она также акцентирует внимание на различии "индивидуального" и "сегментного" ранжирования [4, с. 15-16]. Если первое обнаруживалось у всех полинезийцев, то последний вид ранжирования был характерен для максимально стратифицированных полинезийских обществ (Гавайи, Таити, Тонга). Главной задачей здесь было не выявление общественного статуса человека, который тот приобретал в рамках билатеральных родственных связей, а выстраивание иерархии между клановыми образованиями. Как видно, сегментное ранжирование затрагивало в первую очередь управленческую организацию стратифицированных обществ, а потому для каждого гавайского вождя его личный ранг был опосредован рангом его семейства. Разумеется, ранг семейства был важен и для общинников, но сегментное ранжирова-

ние для элиты являлось системообразующей характеристикой, тогда как для простолюдинов той, которой можно было пренебречь (генеалогии макаиинана редко превышали три поколения). Данное обстоятельство коррелирует с дивергенцией системы табу на "капу богов" и "капу вождей". Не трудно заметить, что в контексте традиционной политической культуры особая система личных табу вождей отражала, как минимум, их особое положение в социуме и служила целям нормативной регуляции структурированного неравенства в нем.

Двухчастное деление общества было привнесено на Гавайи, вероятно, уже первыми колонистами. Слово "алии" (ali'i) – вождь – является гавайской разновидностью протополинезийского термина *'ariki. Любопытно, что в гавайском языке есть, условно говоря, отчуждаемые и неотчуждаемые существительные. К последним относятся части тела человека, такие как глаз, рука, нога и т.п., а также слово "вождь", что семантически указывает на особое отношение гавайцев к институту вождей [23]. Здесь такая же логика, какова в связи "ребенок-родитель", "создание-создатель".

Лица, принадлежавшие к высшей страте, обосновывали своё привилегированное положение тем, что они являлись потомками богов, следовательно, для общинников они были священными персонами, хотя последние теоретически также являлись наследниками богов, но через младшие (боковые) ветви. Исключительной привилегией алии являлись генеалогии, которые доказывали их происхождение. По сути, песнь творения Кумулипо представляет собой записанную последней гавайской королевой Лилиуокалани генеалогию–эпос. Основа гимна сложилась около 1700 г. Девять из шестнадцати содержащихся в нём ва (глав или песен) посвящены периоду Ао (эпохе света), в них перечисляются кроме прочего две тысячи пар родовой знати (предков верховных вождей округа Хило, о. Гавайи, откуда происходила и династия Камеамеа и её боковая ветвь Калакауа) [8, с. 58].

Различия в страте вождей проводились по степеням сакральности и выражались в терминах ранга и табу. Личное табу вождя было прерогативой его рождения и выражением социального ранга (чем ближе к богам, тем выше ранг и строже табу). Ранг алии, тип брака и связанные с ними табу выступали в теснейшей взаимосвязи [21, р. 409]. Ребёнок, рождённый от брака брата и сестры самых высоких рангов, получал ранг *ни'о*. Он мог отправлять самую высокую должность верховного вождя целого острова *алии-аи-нуи* или его большого округа *алии-аи-моку*. С этим рангом было связано *капу моэ* – "повергающее ниц табу". В присутствии такого человека-бога или его вещей все должные были падать на колени. Табу соблюдалось под страхом смертной казни. Чуть ниже стоял вождь ранга *ниаупи'о*, рождённый от брака отца и дочери, племянника и тётки или племянницы и дяди того же или следующего по важности ранга¹. Посты правителей районов *алии-аи-ахупуаа* занимали, как правило, вожди рангов *наха* или *вохи*. Они же отправляли почётные "придворные" должности, являлись управляющими *конохики* верховного вождя или хранителями сакрального знания (генеалогий, мифов и т.п.).

Вождь ранга *наха* был отпрыском сводных брата и сестры, но от одного из родителей первых двух рангов. Ранг *вохи* получал ребёнок от брака знатной женщины, обладавшей одним из первых трёх рангов, со своим двоюродным братом. С этими рангами было связано *капу-о-нохо* –

¹ Обращаем внимание на тот факт, что в гавайской (генерационной) системе терминов родства дифференцируются лишь родственники по поколениям (например, в поколении отца (матери) по отношению к Эго все родственники(цы) будут именоваться термином "отец" ("мать")). Говоря о "тетях", "племянницах" и т.п. мы используем термины понятной нам эскимосской (линейной) системы терминов родства.

"сидячее табу". Согласно гавайскому этикету, менее знатный человек в присутствии более знатного должен был сидеть, но для вождей наха и вохи делалось своего рода исключение – они могли стоять в присутствии обладателей высших рангов.

Система рангов и связанных с ними личных табу вождей не гарантировала занятия соответствующего поста. На практике в ходе междоусобной борьбы к власти могли приходиться узурпаторы. Кстати, самые известные из гавайских вождей – Уми и Камеамеа – обладали не самыми высокими рангами. Камеамеа, например, имел ранг вохи, что не давало ему формального права отправлять "должность" верховного вождя. Это ещё один аргумент в пользу того, что даже в таких стратифицированных полициях как гавайские вождества, от личных заслуг вождя зависело многое, а порою всё. Данный факт указывает и на специфику организации власти в сложных вождествах, не имевших институциональных форм правления и бюрократии в строгом понимании этого слова.

Ещё одной категорией гавайской знати было "официальное" жречество *кахуна пуле*, помимо которого на Гавайях существовал также обширный "штат" колдунов низшего ранга (целители, прорицатели и прочие) [3]. Часто они происходили из простолюдинов, которые по тем или иным причинам обнаруживали в себе способности к данному роду занятий. К контактному времени существовали две жреческие корпорации ("ордена") – *Холоа'е* и *Каули'и* (Д. Мало приводит другие названия – *Каналу* и *Палику*) [22, р. 80].

Орден Каналу был посвящён божеству войны Ку, а его жрецы считались потомками легендарного Паао. Этот орден отправлял ритуал "сбора и покрытия соломой" – *капу'охи'ако* – отдельных хижин на территории святилища. Данный ритуал считался главным при постройке и освящении большого храма – хеиау луакини – символа власти верховного вождя. Орден Палику был посвящён богу плодородия Лоно и отправлял культ *Лоноикаоуалии*. Кроме наследственных жрецов к этому ордену принадлежали и другие алии. Помимо ритуальных функций официальное жречество реализовывало и хозяйственные, как и все прочие вожди.

Традиционная религия отводила простым общинникам роль младших родственников вождей. На Гавайях бытовала поговорка: "вождь является вождём благодаря своим сторонникам" [16, р. 201]. Слово "мака-аина-на" можно перевести с гавайского как "люди-на-земле". Общинники являлись основной производительной силой – земледельцами, рыбаками, ремесленниками. Между вождями и общинниками существовала цепь взаимных обязательств. Последние были обязаны поставлять продукты и отправлять службы в форме оброка и барщины. Взамен этого первые подтверждали их права на владение землёй, которую возделывали и на которой проживали общинники. В обязанности алии входило обеспечивать сверхъестественное покровительство для макаиинана против природных катаклизмов и ходатайствовать перед богами, чтобы те посылали обильные урожаи. Поземельная и личная зависимость общинников от элиты была основана на традиции. В её рамках они имели право ухода на земли другого вождя, если их собственный лидер не обеспечивал им протекцию со стороны высших сил. На практике это означало, что цепь неурожаяев стояла вождю его власти. Он оставался без своих сторонников.

По описаниям члена экспедиции М.Н. Васильева, Р.П. Бойля, согласно данным местных информантов, в старину макаиинана должны были работать на вождей один день в неделю, плюс к этому каждое домохозяйство дарило вождю ежегодно пять циновок, кусок тапы (материи из отбитого луба), свинью и собаку. Однако, по словам М.Н. Васильева,

в древности "фиксированных поборов и повинностей не существовало" (РГАВМФ. Ф. 213. Оп.1. Д. 104. Л. 35). По приходу к власти верховный вождь "наделял" нижестоящих вождей землями. Но на практике он лишь подтверждал веками существовавшие поземельные отношения. Общинников же подобные "дарения" вообще не затрагивали.

Среди макаинана постепенно выделялись мастера ремёсел. Наиболее значимые из которых (строители лодок, храмов и др.) могли повысить свой статус за счёт того, что обслуживали верховных вождей. Иными словами, слой общинников также не был однороден, как и страта вождей.

Самым спорным и загадочным для современной науки слоем гавайского общества были каува. В определениях советской историографии их можно было бы назвать патриархальными рабами, но термин этот условен. Каува не состояли в родстве ни с общинниками, ни с вождями и были как бы вне системы социальных классов (своего рода "неприкасаемыми"). Они являлись изгоями и противоположностью алии. Вместе с тем, М. Пукуи и С. Элберт называют их термином *аумакуа* (что переводится с гавайского как "семейное божество") [23, p. 29]. Символически они относились к категории полубогов. Во всяком случае, каува убивали путём утопления – или в пресном источнике или в океане – и приносили в жертву в ходе ритуала луакини. Этот ритуал символизировал установление власти вождя. Таким образом, каува были людьми, чьё назначение состояло в том, чтобы стать сакральной жертвой. Табу в отношении каува и вождей были различными по вектору, но имели общую модальность, органично вписывающуюся в систему табу. Хотя точнее было бы определить её как систему мана-табу, так как оба эти понятия были комплиментарны по отношению друг к другу.

Табу – запрет, и по определению это понятие должно носить негативную окраску, но это не так. В своё время на эту деталь указывал А. Рэдклифф-Браун. По его мнению, во многих неевропейских обществах нельзя провести чёткого разграничения по линиям "священное – нечистое", либо "религиозное – магическое". Во избежание негативной или позитивной коннотаций он предложил категорию "ритуальной значимости", подразумевая под этим термином отношение, возникающее между объектом и субъектом, отражающееся в поведении последнего и выражающееся через таковое. В этой связи объект ненависти, например, также важен, как и объект обожания [6, с. 157-179].

Проиллюстрировать это можно примером того, как гавайцы понимали "святость" и "нечистоту". Простолюдин, совершивший инцест со своей сестрой, становился для всех капу. Его присутствие считалось крайне негативным для всего общества, и так как он не мог быть "очищен", его лишали жизни. И наоборот, вождю высокого ранга предписывалось вступать в отношения со своими единоутробными сёстрами, в силу чего их ребёнок становился в высшей степени священным и неприкосновенным человеком. Нечистота простолюдина и святость подобного вождя имели один источник, оба они являлись капу с различными санкциями – первого должно было убить, второго избегать, чтобы не быть убитым [6, с. 163]. Аналогичный порядок касался как людей, так и вещей. По мысли А. Рэдклиффа-Брауна ритуальные значимости всегда связаны со значимостями социальными – в широком смысле они составляют сферу морального, эстетического или экономического (а от себя заметим, и политического) поведения людей, при котором одни и те же ритуальные процедуры зачастую имеют различные смыслы. При этом "позитивные и негативные обряды дикарей существовали и существуют потому, что они часть механизма, служащего, как и эти обряды, для утверждения неких фундаментальных социальных ценностей" [6, с. 177].

Табу не были одинаковыми для всех слоёв общества, как не были одинаковы сами социальные страты. Общее табу богов дополнялось частным случаем табу вождей. Согласно легендам, такая идеологическая система оформилась на рубеже XIII-XIV вв., что совпадает по времени с завершением второй большой волны миграций и началом формирования на Гавайях сложных вожеств¹.

Представления о табу соответствовали общему ключу космогонических идей гавайцев [11]. Табу богов было системой классификации, пронизывающей иерархический строй общества в целом, тогда как табу вождей было прерогативой рождения, что обособляло их от остального общества.

Принцип, на котором была основана система табу, состоял в бинарной оппозиции явлений духовной жизни. Она отражена в Кумулипо, где начала мира происходят от докреативного генезиса двух комплементарных элементов: тьмы *По* и света *Ао*. Они породили морскую и земную жизнь, жизнь в поднебесье и пресмыкающихся. Каждый из этих классов существ управлялся родительской парой, а эволюционная схема прогрессировала от тьмы к свету. В период света или дня возникли боги и человечество. Таким образом, схема включала в себя оппозиции от первой до шестой пары, с чётким противопоставлением земной и морской стихий – каждая форма морской жизни имела своё соответствие в особых формах жизни на земле. В этой схеме в основе позитивного (сакрального) аспекта природы лежало мужское начало (небо, свет, жизнь, день, знание и сила). В негативном (профанном) аспекте – женское начало (земля, тьма, смерть, ночь, болезнь и старость). Здесь система табу обобщала те вещи, которые носили сакральный характер и происходили от позитивного мужского начала, и те вещи, которые были не сакральными и происходили от женского аспекта природы.

Гавайцы поклонялись четырем главным (старшим) богам – *Ку*, *Лоно*, *Кане* и *Каналоа*. Данные боги поставлены в ту последовательность, в какой они почитались элитой гавайского общества. Культ Каналоа (Тангароа, Тагалoa, Таароа) известен во всей Полинезии, тогда как первые три отправлялись только в восточной Полинезии. Оппозиции богов были таковы: Каналоа (божество тьмы) – Кане (божество света, грома и молний), Ку (божество войны) – Лоно (божество мира, земледелия, плодородия). В полинезийской мифологии бог Каналоа – бог-творец, бог морской стихии, но на Гавайях он выступал в другой ипостаси, а именно, как хтоническое божество [5, с. 318]. Следует сразу отметить, что, как и во многих других архаичных религиозных системах, эманации и функции гавайских божеств переплетались. Так, бог Ку, с одной стороны, был богом войны, а с другой стороны почитался как великий архитектор и строитель (читай созидатель). Само слово "ku" переводится с гавайского языка приблизительно как "твёрдо стоять на ногах; править; владеть землёй" [10, с. 59].

Религия островитян включала также поклонение различным добрым и злым духам *аумакуа*. Разозлить духа было не сложно – любая ошибка в отправлении ритуала вела к этому. Вот почему на Гавайях существовало огромное множество знахарей и колдунов. К ним шли за

¹ Вождество (chiefdom) – форма политической структуры средней степени сложности, занимающая промежуточное положение между простой общиной и государством, в которой уже есть централизованное управление и наследственная иерархия правителей и знати, существует социальное и имущественное неравенство, но ещё нет формального аппарата принуждения и насилия. По степени сложности, количеству уровней принятия решения и численности населения выделяют простые, сложные и суперсложные вожества. В случае с Гавайями раннего контактного времени можно говорить о наличии четырех сложных вожеств островов Кауаи, Мауи, Оаху и Гавайи с численностью населения от 30 до 100 тысяч человек.

помощью, когда болели, любили, страдали, желали кому-то добра или, наоборот, смерти. Следует отметить, что на уровне простых общинников духи предков, божества низшего уровня (духи каких-либо местностей) играли куда большую роль, чем верховные божества. Такой водораздел отражал шедший в обществе процесс поляризации социальных страт, его разделения на элитарный и неэлитарный слои.

Каждому божеству полагался свой набор жертвоприношений. Сви-нья была сакральным подношением богам и являлась пищей мужчин на пиру, а также символом Лоно в его проявлении как *Камапуа'а*. Кокос называли "телом" Ку. Рыба *улуа* (молодая щука) выступала в роли эквивалента человеческого жертвоприношения Ку. *Нуухи* (белая акула) была проявлением бога Кане как *Канехунамоку*, а заодно и символом верховного вождя и т.д. [16, p. 177].

Система табу также разграничивала два церемониальных цикла: один в течение лета *кау*, другой – зимы *хооило*. К этому времени налагался запрет на любые военные действия, а храмовые ритуалы, которые проходили во время *кау*, прекращались [22, p. 188]. Разрешались только те ритуалы, которые проводились в ходе *макахики*, новогоднего праздника и времени подношения первых плодов богу Лоно, равно как и верховному вождю ввиду осуществления им медиативной функции.

Табу в семье выражались в ранговых отличиях между родственниками и зависели от пола и возраста того или иного человека. Эти запреты известны как *или капу* ("кожаное табу") [16, p. 48]. Например, женщинам запрещалось носить любую одежду, которую ранее надевал мужчина. Различия между поколениями выражались в табу, согласно которым родственники одного пола, но разных поколений не могли одеваться в одинаковые одежды. Матерям и дочерям запрещалось носить материал одинаковой выделки. Только сиблинги одного поколения могли носить сходную одежду [16, p. 181].

За нарушение любого из этих табу и другие преступления общинники наказывались у "камня Кане" (*похаку-о-Кане*), который принадлежал тому или иному семейству общинников. Термин *похаку* имеет кроме указанного значения (камень) ещё одно – "бог-хозяин" [10, с. 60]. Перед этим камнем (простой конической формы) располагался алтарь, а вокруг него – насаждения дерева *ти* (*Cordyline terminalis*). Семья приходила к нему рано утром, приносила с собой подношения богам. После этого виновник каялся семье за свой проступок. Затем наступал черед ритуальной трапезы [19, p. 32]. Однако в случае преступлений против вождей табу были строже, а наказание зачастую более суровым. Например, если открывалось, что общинник надевал набедренную повязку *мало* вождя, то его приносили в жертву богу-покровителю последнего. Если то же самое проделывал алии низшего ранга в отношении более знатного, то существовала вероятность, что и он будет принесён в жертву [17, p. 23], но чаще нарушитель был просто порицаем.

Дифференциация системы табу, вероятно, была связана с процессом формирования идеологии сложного стратифицированного общества, которая вплоть до прихода европейцев и даже несколько позднее служила важным стабилизирующим политическим фактором, в значительной мере предотвращавшим распад гавайских сложных вожеств. В период правления Камеамеа I (конец XVIII в. – 1819 г.), с объединением в единое королевство четырех независимых гавайских вожеств, данная система была положена в основу формирующегося гавайского государства. Но как элемент функционально связанный с прежней социально-политической системой в новых условиях она оказалась малоэффективной.

Камеамеа оказался последним гавайским правителем, которого

хоронили согласно старому канону. По истечению положенного в таких случаях десятидневного траура, его кости были перенесены в башню *ануу* на территории храма и помещены в специальный плетёный мешок для дальнейшего хранения. Весь период траура его сын и наследник Лиолио готовился принять на себя груз ответственности, совершая очистительные обряды, а 21 мая 1819 г. был объявлен верховным правителем Гавайев. Казалось, ничто не предвещало столь скорых, сколь и кардинальных перемен в жизни страны. Вступление Лиолио в должность также прошло согласно канонам древней гавайской религии. В этот день состоялся совет наиболее влиятельных вождей. Главным вопросом, как и в прежние времена, стал вопрос раздела земель. Однако мнения участников совета разошлись. Одни полагали, что земли, как и в прежние времена, стоит поделить заново. Другие воспротивились этому, полагая, что земля была получена ими от Камеамеа в вечное владение [19, p. 219]. Такой раскол отражал объективное положение дел в среде элиты. "Некоторые алии, некогда покорённые его (Лиолио – Ю.Л.) отцом, готовили мятеж, желая восстановления старых порядков" [9, с. 85]. К указанному времени экономические отношения на Гавайях уже сильно трансформировались под воздействием контактов с иностранцами (*хаоле*). Мы разделяем точку зрения М. Салинза о том, что в основе традиционной политэкономии лежит замкнутый цикл производства потребительских стоимостей [7]. В условиях изоляции архипелага запросы элиты, помимо средств существования, ограничивались небольшим кругом престижных вещей. Но постепенно, по мере развития торговых отношений с *хаоле*, гавайская экономика утрачивала свой натуральный характер. Если раньше земля имела ценность, поскольку на ней жили потенциальные сторонники вождя, то с началом сандаловой лихорадки сама земля стала представлять непосредственную экономическую ценность. Иными словами, в первом случае "право на вещи" реализовывалось через "власть над людьми", во втором – "власть над людьми" реализовывалась "через право на вещи" [7, с. 76]. Это обстоятельство важно иметь в виду при анализе гавайской культурной революции. Однако изменения в экономике, взятые сами по себе, ещё не могут дать исчерпывающего объяснения природы данного феномена.

Строгость табу не была одинаковой, но какими бы ни были запреты (более или менее мягкими) на протяжении гавайской истории никто никогда не ставил под сомнение саму необходимость их существования. Поэтому их отмена стала во всех смыслах революционным шагом. В результате вооруженной борьбы Лиолио и его сторонники одержали верх над приверженцами старой веры. У. Дэвенпорт писал по этому поводу: "Если эти сражения рассматривать как испытание силы богов перед силой огнестрельного оружия, то у гавайцев не осталось сомнений, кто сильнее..." [14, p. 16]. Тем не менее, ещё очень долго во внутренних районах архипелага рядовые общинники продолжали тайно отправлять культы своих предков [20, p.69]. Немногим позднее, с принятием христианства, старая вера оказалась синкретично вплетённой в канву нового вероучения. Впоследствии на Гавайях то и дело возникали секты, объединявшие в себе христианские и местные культы, о чём имеется немало сведений в источниках и литературе [13; 15; 18; 24]¹. Более того,

¹ Отправлялись культы наподобие "милленаристских" культов Меланезии. Интересные факты на тему гавайских сект содержатся в воспоминаниях Х. Бингхема, Дж. Джарвеса и др. Дж. Джарвес сообщал о секте Хапу на о. Гавайи середины 30-х годов XIX в. Её члены поклонялись трём божествам – Иегове, Иисусу Христу и Хапу, местной пророчице, которую помимо прочего считали сестрой Девы Марии. Кости умершей пророчицы были извлечены сектантами из могилы и в качестве священной реликвии выступали в роли объекта поклонения. Ещё один пример: в 1824 г. в селении Лахаина объявилась жрица богини Пеле, которая сообщала всем, что Кекуаокalani (противник

местное христианство, по сути, являлось лишь формой, которая наполнялась всё тем же традиционным духовным содержанием. Первые установления христианских миссионеров облекались в формы табу (табу на работу в воскресенье *ла капу* и др.) [9, с. 92].

Тезис о кардинальном изменении сознания гавайцев на поверку может оказаться сконструированным историографическим мифом. Мы полагаем, что глубина трансформации "ритуальных значимостей" в системе верований гавайцев была сильно преувеличена. Об этом прямо свидетельствуют формы последующей христианизации островов. В случае с Гавайями начала XIX в. имеются два уровня бытования местных верований. На верхнем элитарном – политеизм и поклонение четырём "старшим" богам, на нижнем народном – шаманизм, анимизм и магические практики с поклонением "младшим" богам и духам – покровителям местностей, ремёсел и т.д. В ходе событий 1819 г. деконструкции подвергся именно верхний этаж. А, значит, у нас есть все основания рассматривать гавайскую культурную революцию, как акт политический.

Но что тогда обеспечило столь быстрое шествие культурной революции по стране? Возможно, объяснение этого кроется в ментальности гавайцев. И позднее, с приходом миссионеров, "на Гавайских островах христианская троица долгое время выступала в образе трёх местных богов – Ку (бог-отец), Кане (бог-сын), Лоно (бог-дух святой). Четвёртый бог Каналоа в троицу не вошёл, ему отвели место дьявола" [2, с. 92]. Другими словами, мы видим, что "хотя вера в силу богов была разрушена, вера в их существование никогда не оспаривалась" [21, р. 426]. Гавайцы продолжали верить в сверхъестественную помощь низших богов, таких как *Пеле* и *Канохоалии*, или духов предков. Даже в начале XX в. на Гавайях существовала вера в то, что *кахунаанаана куни*, "жрец-колдун", может своей молитвой наслать смерть. С. Левин приводит воспоминания своего отца, относящиеся к началу XX в.: "Мой отец, когда был молодым, ходил на рыбалку с гавайцем, который рассказал ему, что не боится акул, потому что они были его аумакуа (семейными духами или личными божествами, следовательно, его защитниками)" [21, р. 426; 12].

М. Вебб считал, что культурная революция стала следствием вызванного европейцами перехода от племенного уровня организации гавайского общества к государственному. Причём, данный процесс был свойственен всем стратифицированным обществам Полинезии начала XIX в. Этот переход в значительной мере опирался на местные условия – такие как размер и богатство общества или степень прямого европейского вмешательства [26, р. 27]. До этого ни на Гавайях, ни на островах Общества, ни на Тонга не существовало таких черт развитого государственного общества, как централизованный контроль над всей островной группой. Верховные правители полинезийских вожеств были не способны контролировать внешние связи подчинённых вождей, что подтверждается формированием военных альянсов и свободной торговлей последних с иностранцами. Они были не в состоянии накапливать и тратить богатство, кроме случаев, установленных традицией, не имели монопольного контроля над силой, необходимой для наказания непокорных, если те обладали прочной поддержкой на местах. По мнению того же Вебба, события начала XIX в. были обусловлены притоком европейских товаров [26, р. 28]. Они делали возможным набирать и содержать слуг, не связанных напрямую с вождями на местах. Поскольку новые товары включали в себя огнестрельное и металлическое оружие, эти слуги также могли быть лучше вооружены, чем их соперники. Таким образом,

отмены древних табу) сообщил ей из мира духов, что миссионеров надо изгнать, так как богиня вулканов гневается и может наслать извержение. Известны и другие секты, как "неоязыческие", так и "христианские".

верховные правители при помощи торговли могли успешно расширять границы своей власти и подчинять своей воле непокорных. "Хорошо вооружённая группа, опирающаяся на независимый источник богатства, а не на племенные дары, является ядром правительства, которое теперь может безопасно принуждать к отдаче богатства, необходимого для его поддержки. *Это сбор налогов* (курсив мой – Ю.Л.)" [26, р. 28].

По замечанию П.Л. Белкова, социальная стратификация переходной формации основана на неравенстве доступа к "стратегическим ресурсам" именно в энергетическом смысле. О монополизации земли в руках аристократической верхушки применительно к Полинезии можно говорить лишь постольку, поскольку полинезийскими вождями был монополизирован комплекс мана-табу. Только это объясняет двусмысленность ситуации, при которой верховный вождь, с одной стороны, считается верховным собственником земли и одаривает ею своих сторонников, а с другой, – таким же держателем надела как и все прочие общинники. Когда тот же вождь в одном случае действует как глава клана, вокруг которого группируются менее значительные родственники, а с другой – общинники считаются родственниками вождя лишь по факту своего подданства [1, с. 185]. В ходе процесса вестернизации, набравшего особенно стремительные темпы после культурной революции 1819 г., гавайское общество существенно трансформировалось во всех сферах социальной жизни. Однако важно отметить, что формирование новой политической культуры не предполагало полного и одновременного отказа от системы мана-табу, а скорее обуславливало её постепенное вытеснение из области религиозно-идеологического принципа в сферу этического регулятора властных отношений.

Литература

1. Ванкувер Г. Путешествие в северную часть Тихого океана и вокруг света, совершённое в 1790, 1791, 1792, 1793, 1794 и 1795 годах капитаном Георгием Ванкувером. Ч.2. СПб: Морская типография, 1828. 453 с.
2. Головин В.М. Путешествие на шлюпе Камчатка. М.: Мысль, 1965. 360 с.
3. Латушко Ю.В. "Русские" Гавайи // Россия и АТР. 2002. №3. С. 131-136.
4. Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах по повелению его императорского величества Александра I на корабле Нева под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана I ранга и кавалера Юрия Лисянского. Ч. 1. СПб: Типография Ф. Дрехслера, 1812. 460 с.
5. Стингл М. Очарованные Гавайи. М.: Наука, 1983. 332 с.
6. Тумаркин Д.Д. Вторжение колонизаторов в край вечной весны. Гавайский народ в борьбе против чужеземных захватчиков в к. XVIII – н. XIX вв. М.: Наука, 1964. 191 с.
7. Тумаркин Д.Д. Гавайский народ и американские колонизаторы 1820-1865 гг. М.: Наука, 1971. 443 с.
8. Этнические гавайцы требуют особых прав [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russian-hawaii.ru/?div=6&i=369> [Дата обращения: 12.11.2008].
9. Barrere D. V. Cosmogonic Genealogies of Hawaii // Journal of the Polynesian society. 1961. Vol. 70. №4. P. 419-428.
10. Buck P.H. (Te Rangi Hiroa) Arts and crafts of Hawaii. Honolulu, 1957. 606 p.

11. Cook J. The Journals of Captain James Cook on his Voyages of Discovery: III. The Voyage of the Resolution and Discovery 1776-1780. Cambridge, 1967. 442 p.
12. Earle T.K. How chiefs come to power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1997. 220 p.
13. Ii J.P. Fragments of Hawaiian history. Honolulu, 1959. 200 p.
14. Kamakau S.M. Ruling Chiefs of Hawaii. Honolulu, 1961. 440 p.
15. Kirch P.V. The Evolution of the Polynesian Chiefdoms. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 384 p.
16. Kuykendall R.S. A History of Hawaii. N.Y.: The Macmillan Company, 1927. 357 p.
17. Malo D. Hawaiian antiquities (Moolelo Hawaii). Honolulu, 1951. 250 p.
18. Pukui M.K. and Elbert S.H. Hawaiian-English Dictionary. Honolulu: University of Hawaii Press, 1961. 361 p.

УДК 81'44(=622.82)

В.И. Беликов

Что даёт классификация языков Восточной Полинезии?

What does classification of languages of Eastern Polynesia give?

Основным спорным моментом в классификации восточнополинезийских языков является положение гавайского. Первоначально он был отнесен к таитянской подгруппе, но позднее возобладала точка зрения о его принадлежности к маркизской подгруппе. Последний раз аргументация в пользу этой точки зрения предлагалась в работе Дж. Марка "Topics in Polynesian Language and Culture History" (2000), аргументация которого основывалась на спорадических звуковых изменениях, затрагивающих отдельные слова. В настоящей статье оспариваются доводы Дж. Марка и доказывается что лексические инновации, разделяемые отдельными языками, с большим успехом могут считаться результатом многочисленных языковых контактов.

Ключевые слова: *Восточная Полинезия, классификация языков, сравнительная лингвистика, языковые контакты.*

Within the Eastern Polynesian branch of the Austronesian language family the position of Hawaiian is the most controversial. Primarily, it has been assigned to the Tahitic subgroup, but now it is usually considered to be a Marquesic language. The last thorough reasoning for this classification was presented in "Topics in Polynesian Language and Culture History" by J. Marck (2000), who mainly relies on sporadic sound changes in certain lexical items. The article proves that his argumentation is not valid enough and argues that the lexical innovations shared by some Eastern Polynesian languages may be more reasonably explained by language contact.

Key words: *Eastern Polynesia, classification of languages, comparative linguistics, language contacts.*

Под классификацией языков чаще всего понимается схематическое распределение языков по разным семьям, подразделяющимся на группы и подгруппы разного уровня, что графически часто изображается с помощью дерева; по традиции такая классификация именуется "генеалогической"¹, так что уже название порождает идею родства у всякого, знающего слово *генеалогия*. Само собою предполагается, что на конкретной ветке древовидной классификации оказываются языки, входящие к единому языку-предку, более родственные между собой, чем с остальными размещенными на дереве языками. Однако дело обстоит не всегда так. Идея о разделении славянских языков на три группы в массовом сознании приобрела характер общего места. Однако специалисты

¹ Есть еще типологические и иные классификации, но от них отвлечемся.

с недавних пор считают положение более сложным: "родословное древо по отношению к славянским, как и применительно ко многим другим языкам, является удобным схематическим упрощением, но оно в очень малой степени отражает реальные исторические процессы развития диалектов" [3, с. 96]. Взаимоотношение длительное время находившихся в контакте близкородственных языков нельзя описать лишь дивергентными процессами, мало того, серьезные классификационные проблемы ставит и конвергенция неродственных языков; многие из них в рамках традиционной компаративистики неразрешимы [2].

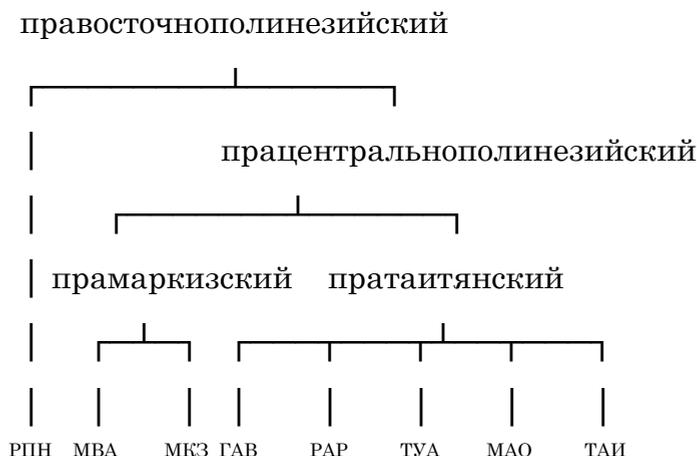
Реальность регулярных контактов полинезийцев, разделенных многими сотнями километров водного пространства, была очевидна еще европейским первооткрывателям Океании. Ко времени появления океанистики как науки большие катамараны, вмещавшие десятки человек и не уступавшие по мореходным качествам европейским парусникам конца XVIII в., уже вышли из обихода; сложилась традиция именовать любые суда океанийцев скромным словом *каное*. Статьи, посвященные астрономическим и навигационным знаниям микронезийцев и полинезийцев изредка появлялись в специальных изданиях, но в середине XX в. большинству этнографов "из общих соображений" было "ясно", что при отсутствии навигационных приборов целенаправленные плавания на большие расстояния невозможны. Большим авторитетом пользовалась теория Эндру Шарпа о дрейфовом характере заселения Полинезии [16]. С появлением электронной техники популярной стала идея выяснить все подробности расселения полинезийцев при помощи компьютерного моделирования течений и ветров в разное время года. Наиболее обстоятельное такое исследование [11] в деталях обескураживало: некоторые территории, и крохотные, как остров Пасхи, и внушительные, как Новая Зеландия, не имели никаких шансов быть заселенными при помощи случайных дрейфов.

Сам я обратился к восточнополинезийской компаративистике из романтического желания найти "чистый" материал: интересно было посмотреть, как соотносятся языковые традиции, разделившиеся многие сотни лет назад и до появления европейцев не имевшие никаких внешних контактов. Детально проанонсированное первое плавание "Хокуле'а" [10] я поначалу воспринял как спортивно-рекламное мероприятие, но этому судну было суждено поставить жирный крест на концепции Э. Шарпа¹.

Взгляды этнографов и историков на прошлое Океании к концу XX в. кардинально изменились. Пожалуй, лучше всего их сформулировал Эпели Хау'офа, уроженец атолла микронезийского атолла Сатавал. При использовании им фразы "они плавали от острова к острову чтобы торговать и жениться, расширяя таким образом сеть социальных связей" [9]. Но лингвисты в основном продолжают игнорировать очевидность: регулярность и массовость межостровных контактов, которые, особенно имея в виду небольшую численность ранних полинезийских популяций, не могли не иметь серьезных языковых последствий.

¹ Построенный в 1976 г. катамаран "Хокуле'а" представляет собой повторение полинезийских судов прошлого; полинезийцев, имевших навыки традиционного мореплавания, уже давно не было, функции штурмана-наставника в первых плаваниях выполнял Мау Пиайлуг, уроженец атолла микронезийского атолла Сатавал. При использовании лишь традиционных методов навигации "Хокуле'а" в течение 1 мая – 4 июня 1976 преодолела расстояние от Мауи до Таити, а 5–26 июля прошла обратный путь на Гавайи, покрыв в оба конца расстояние в 5400 морских миль. В 1985–1987 гг. было предпринято грандиозное плавание "Voyage of Rediscovery"; сменные экипажи прошли 16 тыс. миль по маршруту Гавайи – Таити – о-ва Кука – Новая Зеландия – Фиджи – Самоа – о-ва Кука – Раиатеа – Таити. Позднее "Хокуле'а" плавала с Гавайев в Японию и обратно.

Первая классификация восточнополинезийских языков была предложена С.Х. Элбертом [6], опиравшимся на фонетику и лексикостатику, и имела следующий вид¹.

Р. Грин [8], однако, вскоре перенес гавайский в маркизскую подгруппу, считая его особенно близким южномаркизскому диалекту, имплицитно отрицая статус маркизского как языка. После Р. Грина близость гавайского к южномаркизскому не упоминается, однако сама отнесенность его к этой группе считается очевидной.

К этой же подгруппе были отнесены не классифицировавшиеся ранее языки, информация о которых скудна: вымерший в начале XX в. мориори (острова Чатем к востоку от Новой Зеландии) и рапа (на одноименном острове на юге Французской Полинезии) [8, p. 32-33]. В качестве обоснований своей классификации Грин отмечал фонетические переходы $k > ?$ и $\eta > n$, разделяемые гавайским с южномаркизским, а также "имеющиеся данные о том, что до последнего времени l преобладало над r (...) в рапа, гавайском, маркизском" [8, p. 32], в то время как в пратаитянском плавная выступала в виде $*r$. Наряду с фонетикой, Р. Грин опирался в своей классификации на лексикостатистические подсчеты и выявил ряд лексических инноваций для каждой из восточнополинезийских подгрупп. Гавайский разделяет то те, то другие, но все случаи появления в нем "сугубо таитянских" единиц считаются заимствованиями.

Многочисленные археологические раскопки на Гавайях существенно поменяли картину их заселения: постепенно большинство специалистов признало первооселенцев выходцами с Маркизских островов, а появление там таитян стали относить к концу I тыс. или даже к XII – XIII векам. Пересмотрел свою точку зрения и основатель полинезийской компаративистики С. Элберт, согласившийся с переносом гавайского в маркизскую подгруппу и представивший ряд новых гавайско-маркизских лексических параллелей [7, p. 510-511].

Попробуем, однако, верифицировать аргументацию Р. Грина. В нашем распоряжении имеется несколько гавайских словариков, собранных в конце XVIII – начале XIX века первыми европейскими посетителями

¹ Здесь и ниже используются следующие сокращения: ПОК: праокеанийский, ПТА: пратаитянский, ПЦП: працентральнопoлинезийский, ПВП: правостоchnополинезийский, ППН: праполинезийский, ГАВ: гавайский, МАО: маори, МВА: мангарева, МИА: мангаиа, МКЗ: маркизский, МКС: маркизский сев., МКЮ: маркизский южн., МРА: манихики-ракаханга, НИУ: ниуэ, ПУК: пукапука, РАР: раротонга, РПН: рапануи, ТАИ: таити, ТВА: тонгарева, ТУА: туамоту.

архипелага, а также отражение топонимии и антропонимии в их записках.

Сопоставление гавайских словников путешественников XVIII – начала XIX вв., а также материалов дискуссии при унификации гавайской орфографии (1829) показывает, что передвижение согласных началось именно в это время и шло с востока на запад в такой последовательности: $\eta > n$, $t > k$, $r > l$ [1]. Против генетической близости гавайского именно к южномаркизскому есть еще один аргумент из области консонантизма. В южномаркизском сохраняется противопоставление двух фрикативных – f ($< *f$) и h ($< *s$), в гавайском (а также целом ряде других восточнополинезийских языков, см. Табл. 1) они совпали.

Таблица 1

Правосточнополинезийский	*p	*t	*k	*m	*n	*ŋ	*ʔ	*f ¹	*s	*v	*r
рапануи ²	p	t	k	m	n	ŋ	ʔ	h	h	v	r
тонгарева	p	t	k	m	n	ŋ	∅	h	s	v	r
маори	p	t	k	m	n	ŋ	∅	φ	h	w	r
мориори	p	t	k	m	n	ŋ	∅	hw	hy	w	r
раротонга	p	t	k	m	n	ŋ	∅	ʔ	ʔ	v	r
манихики-ракаханга	p	t	k	m	n	ŋ	∅	h	h	w	r
таити	p	t	ʔ	m	n	ʔ	∅	f ³	h	v	r
тубуаи	p	t	ʔ	m	n	ŋ	∅	h	h	v	r
руруту	p	t	ʔ	m	n	ʔ	∅	ʔ	ʔ	v	r
рапа	p	t	k	m	n	ŋ	∅	ʔ	ʔ	v	r
туамоту	p	t	k	m	n	ŋ	∅	f/h	h	v	r
мангарева	p	t	k	m	n	ŋ	∅	ʔ	ʔ	v	r
маркизский сев.	p	t	k	m	n	k	∅	h	h	v	ʔ
маркизский южн.	p	t	ʔ	m	n	n ⁴	∅	f	h	v	ʔ
гавайский ⁵	p	k	ʔ	m	n	n	∅	h	h	w	l

Посмотрим на вокализм. Пятичленная треугольная праполинезийская система в целом сохраняется неизменной во всех языках, однако в маркизском и мангарева имеется отчетливо выраженная тенденция к прогрессивной ассимиляции в некоторых контекстах: $a > o$ непосредственно перед u , $a > e$ перед i (реже перед u и e) следующего слога. Гавайский этой тенденции не разделяет, ср. примеры в Табл. 2.

При "случайных", единичных звуковых изменениях в отдельных словах гавайский также нередко противопоставляется маркизскому

¹ Во всех языках, кроме рапануи, рефлекс первого $*f$ в словах с начальным $*faf$ - соответствует рефлексу $*v$.

² Рапануи – единственный восточнополинезийский язык, сохранивший (нерегулярно) праполинезийскую гортанную смычку.

³ Есть примеры перехода $f > h$ неясного происхождения.

⁴ В диалекте долины Таипиваи исконное $*ŋ$ сохранилось.

⁵ В диалекте о. Ниихау переходы $*t > k$ и $*r > l$ не завершены, $t \sim k$ и $r \sim l$ находятся в свободном варьировании.

Таблица 2

ПВП	значение	МКЗ	МВА	ГАВ	ТАИ	МАО
*tau?a	‘война’	toua	toua	kaua	taua	taua
*taura	‘веревка’	tou’a	toura	kaula	taura	taura
*tafito	‘древний’	tehito	te’ito	kahiko	tahito	tawhito
*atua	‘божество’	etua	etua	akua	atua	atua
*takere	основание; киль судна	teke’e	tekere	ka`ele	ta`ere	takere

и мангарева, ср. рефлексы праполинезийского **ta(a)?oŋa* ‘ценная собственность, особенно одежда’, где в “безусловно-маркизских” языках *ao>o* (МКЗ *tona* ‘нечто ценное’, МВА *tonga* ‘плащ из тапы’), а в остальных восточнополинезийских, включая гавайский, исконный вокализм сохраняется (ТАИ *tao’a* ‘собственность, богатство’, МАО *taonga* ‘ценность’, ГАВ *kaona* ‘скрытый смысл в поэзии’). И наоборот, инновация может затронуть часть таитянских языков и гавайский, а в остальных рефлексы закономерны: у ПВП **uso* ‘пуповина, сущность’ вокализм остается неизменным в МКЗ *uho* ‘(самая) суть’, МВА *u’o* ‘пуповина, суть’, ТУА *uho* ‘пуповина’, но в ряде таитянских языков (и гавайском) *u>i*: ТАИ *iho* ‘суть, пуповина’, РАР *i’o* ‘суть, пуповина’, ГАВ *iho* ‘сердцевина; сущность; смысл’. Ср. еще незакономерную утрату *m* в гавайском и таитянском наименовании батата (*Ipomoea batata*), интродуцированного из Южной Америки после разделения правосточнополинезийского: ГАВ *’uala*, ТАИ *’uara*, МАО, МВА *kuumara*, ТУА, *kumara*, МКС *kuuma’a*, МКЮ *’uuma’a*.

Грамматические аргументы при субклассификации восточнополинезийских языков мне не встречались, но некоторые факты стоит упомянуть. Рефлексы ППН **kua* (перфективность) во всех восточнополинезийских языках двусложны (ГАВ *ua*, с незакономерной утратой начальной смьгчки), лишь в маркизском и мангарева представлено чередование: МКЗ *’ua~’u*, МВА *kua~ku*. Рефлекс ППН **ka* (инцептив) в маркизском имеет значение императива, в мангарева – императива и будущего; в рапануи – инцептива и императива, в маори, раротонга, таити, туамоту – инцептива, в других восточнополинезийских, включая гавайский, рефлекс отсутствует. Э. Поли [14] реконструировал правосточнополинезийский показатель длительного действия **tE...nei~ra*, однако рефлекс его представлены лишь в четырех языках: РАР, ТУА *tee...nei~ra*, ТАИ *te...nei~ra*, ГАВ *ke...nei~la*. Упомяну также показатель императива **e* с рефлексами только в маори, таити, гавайском, оставшийся незамеченным широкой научной общественностью. Как видим, маркизский и мангарева в использовании ряда грамматических показателей противопоставлены другим языкам.

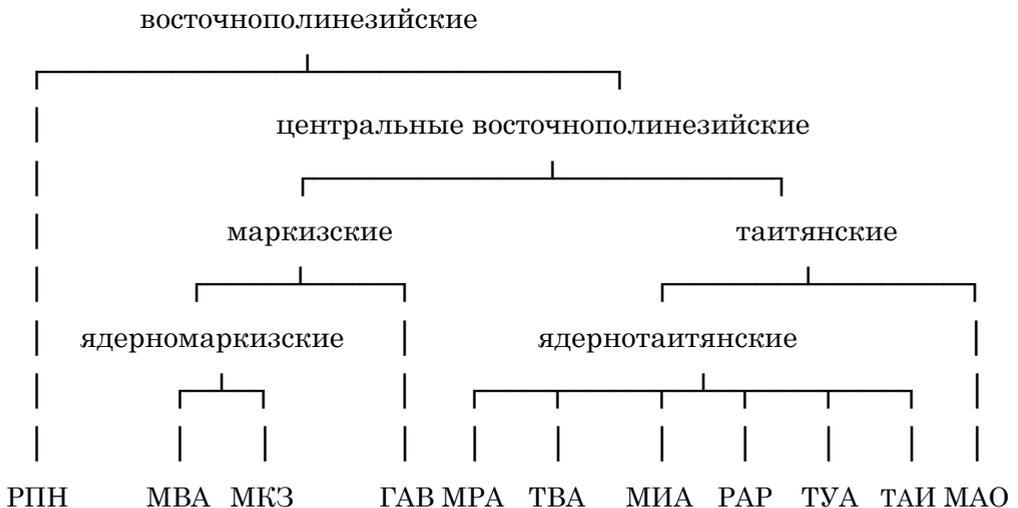
С. Элберт [7] указывает на ряд семантических инноваций, разделяемых гавайским с маркизским и мангарева; им также можно противопоставить противоположные примеры. Так, рефлексы ПВП **kuru* (‘слово; нечто сказанное’) соответствуют реконструируемому значению в маори, раротонга и туамоту, в других языках семантика рефлекса заметно модифицируется: в таити – ‘молитва в стихах, обычно короткая’, в ГАВ – ‘периодически повторяющаяся мысль; сильно желать, ожидать’, в маркизском – ‘оскорблять’, в мангарева – ‘проклинать’. Инновативная отрицательная коннотация, присутствующая в маркизском и мангарева, другим языкам не свойственна. Рефлексы ПВП **sapai* ‘поднимать, нести в руках’ в большинстве языков, включая гавайский, также сохраняют

реконструируемое значение, при том, что МКЗ *hapai* и МВА *'apai* означает только 'поднимать'. Однако в Восточной Полинезии по-настоящему добротный словарь имеется лишь для гавайского, так что опираться на детализацию значений вряд ли стоит.

Только что перечисленные факты не призваны иллюстрировать какую-то особую лексическую близость гавайского именно к языку таити или удаленность от маркизского, тем более, что гавайско-маркизских схождения в лексике достаточно много. Но последние обычно не имеют параллелей в мангарева и относятся к различным пластам культурной лексики, ср.: МКЗ *'anahu*, ГАВ *lanahu* 'уголь' (метате́за по сравнению с представленными в других языках, включая мангарева, рефлексами ПВП **ŋālafu*); МКЗ, ГАВ *mano* 'четыре тысячи' (в других языках известно в значении 'тысяча'); МКЗ *ake*, ГАВ *a'ea'e* 'разновидность банана'; МКЗ, ГАВ *pana* 'лук и стрелы'; МКЗ *kaka*, ГАВ *'a'a* 'мешок, карман'; МКЗ *kaihue*, ГАВ *'aihue* 'воровать' (у Дордильона маркизское слово имеет загадочную помету *mot étranger*); МКЗ *paki-uma*, ГАВ *pa'i-uma* 'танец с ритмичными ударами по груди/животу' (точнее, "espèce de jeu qui consiste à frapper en cadence sur la poitrine" [5] и "chest-slapping hula" [15]). В базисной лексике есть, кажется, лишь одна мангарева-маркизско-гавайская инновация, параллели которой в других языках не представлены: МВА, МКЗ *teko*, ГАВ *ke'o* 'белый'.

При классификации близкородственных языков с недокументированной историей оперировать данными лексики чрезвычайно трудно, поскольку мы постоянно сталкиваемся с заимствованиями, в которых произведен фонетический пересчет. Показательны, например, такие русско-украинские соответствия, как *большевик* > *більшовик*, *хлебобор* < *хлібороб*: мы воздерживаемся от построения их древнерусских "форм" исключительно по экстралингвистическим соображениям.

Примеры нестандартных фонетических замен и семантических переходов могли бы оказаться чрезвычайно полезны для детальной классификации, если бы находились достаточно многочисленные группы слов, для которых идиосинкретическое фонетическое и семантическое развитие шло бы однотипно в различных языках. Именно это и декларирует Дж. Марк, предложивший видоизмененную классификацию полинезийских языков, все новшества которой основываются на нерегулярных звуковых изменениях в отдельных словах [13, p. 128-131]; ее восточнополинезийская часть выглядит так:

Новая классификация получила уже широкую известность и была высоко оценена: "классификация Марка <...> основана на тщательном изучении спорадических звуковых изменений, то есть изменений, затронувших отдельные слова, и поэтому случайное совпадение [изменений в отдельных языках] представляется особенно невероятным. Поэтому к ней [классификации] следует отнестись очень серьезно; возможно она осветит [spark] дальнейшие исследования в полинезийской классификации" [12, p. 116]. Как результат, именно она была интегрирована в недавнюю детальную классификацию океанийских языков [12, p. 888-890].

Дж. Марк вполне справедливо указывает, что "праатаитянский и прамаркизский не отличаются от працентральнополинезийского какими бы то ни было регулярными изменениями согласных (или гласных)" [13, p. 25]. Идеосинкретические вокалические изменения в маркизском и мангарева, послужившие мне основанием для исключения гавайского из маркизской группы (см. Таблицу 2.), Марк использует для разделения маркизской группы на гавайский и ядерномаркизскую подгруппу. В этом могла бы быть логика, если бы существование таитянской подгруппы и непринадлежность к ней гавайского имела бы самостоятельную аргументацию. Такая аргументация у Марка имеется.

Спорадических звуковых изменений в области консонантизма для таитянской группы он не находит, в области вокализма таковые затрагивают 10 слов [13, p. 134]. Табл. 3. основана на аналогичной таблице Марка, однако строки переупорядочены для удобства изложения, справа добавлен столбец с рефлексами в современных языках в три строки: языки, относимые Марком к таитянским (незакономерные рефлекссы приведены в скобках после названия языка, отличия в долготе гласного не отмечаются); далее – маркизский и мангарева; затем гавайский. Отсутствие строки или упоминание языка в этом столбце означает, что соответствующие рефлекссы неизвестны; основой для заполнения этого столбца послужила база POLLEX [4], гавайская строка заполнялась по словарю Пукуи и Элберта [15].

ПТА **nopo* в первой строке – явное недоразумение. Реконструкция ПЦП **nopu* (достаточно конкретный "вид растения", а именно, *Morinda citrifolia*) закономерным образом продолжает праполинезийский и праокеанийский этимон, при этом вне Восточной Полинезии рефлекссы ППН **nopu* регулярны (кроме *nupu* в меле-фила). Среди восточнополинезийских языков "правильный" рефлекс (*nopu*) представлен в мангарева и мангаиа; в манихики-ракаханга идиосинкретическая замена коснулась первого гласного (*nenu*). Форма *nopo* отмечена в таити, туамоту, раротонга, а также в первой морфеме маорийского *nono-kia* ('*Pomaderris aratela*', *Morinda citrifolia* в новозеландской флоре не представлена); в аитутаки произошла незакономерная замена обоих гласных (*nano*). В маркизском представлены две новые формы – *nopo* и *nopi*, в гавайском – только *nopi*¹. Оставаясь на позициях Марка, придется признать, что после распада праядерномаркизского и праядерноатаитянского в половине упомянутых языков (мангаиа, манихики-ракаханга, аитутаки, маркизском, гавайском) либо проходили идиосинкретические замены, либо межъязыковые контакты имели интенсивный и достаточно хаотичный характер, либо и то и другое.

В примерах 2 и 3 в маркизском и мангарева наследие праполинезийского этимона отсутствует. Для примера 2 в базе POLLEX (а именно на нее опирается Марк) на праполинезийском уровне восстанавливается форма **toko-mahuru*, что закономерным образом должно бы давать ПЦП **toko-mauru*, однако в этой базе есть лишь один восточнополинезийский

¹ В фиджийском ПОК **nopu* дает тот же нерегулярный рефлекс *nopi*.

рефлекс: МАО *tokomauri* – основание для пратаитянской или любой другой реконструкции достаточно шаткое. В действительности существует и гавайский рефлекс *mauli'awa* 'икать, хрипеть перед смертью' (слово явно двухморфемное, но на гавайском материале неэтимологизируемое). Тем самым, оставаясь на позиции Марка и относя гавайский к числу маркизских языков, праформу **mauri* следовало бы считать восточнополинезийской инновацией, не таитянской. Однако вариант **ma(h)uri*, возможно, "старше" восточнополинезийского уровня, ср. *tokomauri* во внешнеполинезийском языке тикопиа и *masori* в ротума с тем же значением 'икать'.

Таблица 3

ПЦП	ПТА	значение	рефлексы в дочерних языках
1. <i>*nonu</i>	<i>*nono</i>	'plant sp.'	(см. в тексте)
2. <i>*toko-mauru</i>	<i>*tokomauri</i>	'hiccup'	МАО ГАВ <i>mauli'awa</i> .
3. <i>*ka(a)tafa</i>	<i>*kootaha</i>	frigate bird	МИА, МРА, РАР, ТВА, ТАИ, ТУА
4. <i>*katafa</i>	<i>*kootaha</i>	'bird's nest fern'	РАР, ТАИ, ТУА (<i>kookaha</i>) МКЗ 'au <i>ketaha</i> ГАВ 'aakaha~'eekaha,
5. <i>*taga-amimi</i>	<i>*tongaamimi</i>	'bladder'	МАО, РАР <i>toongaamimi</i> , ТУА <i>toŋaamimi</i> МКЗ <i>tuumimi</i>
6. <i>*rimu</i>	<i>*remu</i>	'moss, seaweed'	РАР, ТВА, ТАИ, ТУА, МАО (<i>remuremu</i>) МКЗ 'imu ГАВ <i>limu</i>
7. <i>*urufe</i>	<i>*aruhe</i>	fern sp.	МАО, МОР, ТАИ (<i>anuhe</i>), ТУА (<i>anuhe</i>) МКЗ <i>u'uhe</i> . ГАВ <i>uluhe~unuhe</i> .
8. <i>*tuhunga</i>	<i>*tahunga</i>	'priest'	РАР, ТАИ, ТУА (<i>tahuuŋa~tohuuŋa</i>) МКЗ <i>tuhuka</i> ГАВ <i>kahuna</i> ,
9. <i>*kumi</i>	<i>*kimi</i>	seek	МАО, РАР, ТАИ, ТВА, ТУА МКЗ 'umihī. ГАВ <i>imi</i>
10. <i>*mutie</i>	<i>*matie</i>	'grass'	МАО, РАР, ТАИ МКЗ, МВА <i>mutie</i>

Пример 3 демонстрирует одинаковую инновацию в шести восточнополинезийских языках, но статус ее неясен в виду отсутствия рефлексов в маркизских языках. Между тем на восточной периферии Западной Полинезии представлены следы той же самой инновации: НИУ *kootaa* 'Fregata sp.', ПУК *kootawa* 'Fregata ariel'. Ниуэанская форма с утратой последнего согласного добавляет мало нового, поскольку заимствование из ближайшего восточнополинезийского языка раротонга должно выглядеть именно так, зато *w* в пукапука отражает **f*, тем самым инновацию в этой форме придется признать либо независимой от восточнополинезийской, либо заимствованием из раннего восточнополинезийского источника, до того как там произошел переход **f* > **h* в интервокальной позиции. При втором решении (более естественном) реконструкция **kootafa* получит более высокий статус, чем пратаитянский¹.

Рефлексы ППН **katafa* 'Asplenium nidus'² (пример 4) демонстриру-

¹ В отсутствии рапануйских рефлексов точно его определить нельзя.

² Использованное Марком английское *bird's nest fern* шире по значению. В Австра-

ют нестандартную замену первого гласного как в таитянских языках, так и в маркизском. Гавайский дублет несколько сбивает с толку, поскольку один из его вариантов соответствует маркизскому, а другой, *'aakaha*, качеством первой гласной демонстрирует единственный в Восточной Полинезии "правильный" рефлекс ППН **katafa*. Либо гавайский сохранил эту форму (и тогда этот язык оказывается архаичнее таитянско-маркизских инноваций), либо это инновационный вариант, случайно совпавший вокализмом с праполинезийским этимологом. При второй интерпретации центральнополинезийская реконструкция Марка условна, при первой она справедлива, но противоречит принятой им классификации.

В примере 5 в маркизском произошла достаточно радикальная инновация. Реконструкция **tongaamimi* получает пратаитянский, а не працентральнополинезийский статус лишь на том шатком основании, что переход **tangaamimi > tuumimi* признан более вероятным, чем **tongaamimi > tuumimi*.

В оставшихся пяти примерах (6, 7 и 8, 9, 10) ситуация выглядит более ясной: в маркизском представлены закономерные рефлексы праполинезийских форм, таитянские же языки демонстрируют общую инновацию. Однако за первой в этом ряду пратаитянской реконструкцией **remu* скрывается лишь часть правды. К числу закономерных рефлексов ППН **limu* в Восточной Полинезии относятся не только МКЗ *'imu* и ГАВ *limu*, но также *rimu* в маори, раротонга, таити, туамоту; в трех последних они семантически не противопоставлены *remu*, по крайней мере это не отражено в дефинициях (в таити, например, для обоих дублетов дается значение 'мох, водоросль, лишайник')¹. Значит, пратаитянская инновация, если ее усматривать, заключалась в появлении дублета. Но утверждению нового варианта **remu* полинезийские лексиконы должны были сопротивляться, поскольку его появление приводило к омонимии: ППН **lemu* 'анус' > ПЦП **remu* 'ягодицы' (такое значение представлено в ГАВ *lemu*, МАО, ТУА *remu*). Омонимия в туамоту вкупе с данными других языков подталкивает к выводу, что на каком-то историческом этапе восточнополинезийский лексикон характеризовался довольно неустойчивой особенностью: сосуществовали сегменты *rimu* и *remu*, первый из которых имел значение 'мох, водоросль', а второй был двусмыслен: 'мох, водоросль; ягодицы'. Причины возникновения подобной ситуации вряд ли когда-нибудь прояснятся, но системное стремление к ее устранению кажется вполне естественным. И действительно, сохранилась она только в туамоту, но однозначно утверждать, что дублет *rimu~remu* возник в пратаитянском, а не ранее, – трудно.

Следующая реконструкция, ПТА **aruhe*, также ставит определенные вопросы. Строго говоря, такая реконструкция основывается на материале лишь двух языков: маори и мертвого и фрагментарно документированного мориори (последний, напомним, Р. Грином был предположительно отнесен к маркзской подгруппе, впрочем, без должного обоснования); данные гавайского, учитывая сохранение начального *u*, но переход плавного в *n*, как в таити и туамоту, двусмысленны.

Пример 8, семантика которого в реконструкции Марка оказывается неожиданно узкой (практически во всех полинезийских языках наряду со значением 'жрец' отмечается также и 'эксперт в своей области; умелый ремесленник'), демонстрирует закономерное развитие ППН **tufunga* в маркизском и нестандартные изменения в других центральнополинезийских; важно отметить МАО *tohunga*, совпадающее с одним

лии, где издана книга, оно обычно относится к местному виду *A. australasicum*.

¹ В маори имеется *remuremu* 'вид растения' и *rimu* 'водоросль, мох'; считать ли первое слово наследием "пратаитянского" **remu* – вопрос деликатный.

из туамотуанских дублетов. Гавайское *kahuna* Марк считает заимствованием из таити; обоснование такому решению не требуется, поскольку принадлежность гавайского к маркизской подгруппе считается *a priori* заданной.

Сходным образом объясняется и пример 9: общеполинезийская ретенция в маркизском, инновация в таитянских, гавайская форма заимствована.

Наконец, последний пример являет собой идеальный случай: в маркизском и мангарева представлена ретенция праполинезийского, в маори, раротонга и таити – инновация.

Представляется, что анализ таблицы позволяет сделать лишь такие выводы: 1. Маркизский язык в ряде случаев противопоставлен остальным центральнополинезийским (примеры 5, 7-10, вероятно, 6); в единственном случае, где представлен рефлекс в языке мангарева, он ведет себя так же, как маркизский. 2. Основанием к выделению таитянских языков в отдельную подгруппу, отчетливо противопоставленную маркизской как единственному другому члену центральнополинезийской группы языков, могут служить примеры 8-10, но при этом не будет никаких оснований для отнесения гавайского к маркизской подгруппе.

Одну свою старую работу я закончил выводом: "классификация Элберта больше соответствует данным фонетики и грамматики, чем классификация Грина, и имеются все основания отнести гавайский язык к таитянской подгруппе" [1, с. 12]. Оставаясь на строгих позициях компаративистики, я мог бы повторить это и сейчас. Однако я скорее склонен отрицать наличие самой таитянской подгруппы как некоего собственно генетического единства. Общие черты "таитянских" языков проще объяснить взаимными контактами. Аргументы в пользу противопоставления рапану остальным языкам Восточной Полинезии более весомы, но их немного. Учитывая слабую изученность рапануйского лексикона, трудно быть уверенным, что специфика этого языка имеет генетическое, а не контактное происхождение.

Литература

1. Беликов В. И. К вопросу об основаниях генеалогической классификации // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М.: Изд. МГУ, 1980. с. 5 – 12.
2. Беликов В. И. Языковые контакты и генеалогическая классификация // Вопросы языкового родства. 2009. № 1. с. 49 – 68.
3. Иванов Вяч. Вс. Генеалогическая классификация языков // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 93 – 98.
4. Biggs B., Clark R. POLLEX (Polynesian Comparative Lexical Files). University of Auckland, 2000. (Computer files.)
5. Dordillon, René Ildefonse. Grammaire et dictionnaire de la langue des Iles Marquises, Marquisien-Français. Paris: Institut d'Ethnologie, 1931. 448 p.
6. Elbert S. H. Internal relationship of Polynesian languages and dialects. Southwestern Journal of Anthropology. 1953. 9. pp. 147-173.
7. Elbert S. H. Lexical Diffusion in Polynesia and the Marquesan-Hawaiian Relationship // Journal of the Polynesian Society. 91. 1982. pp. 499 – 517.

8. Green R. Linguistic subgrouping within Polynesia: the implications for prehistoric settlement // *Journal of the Polynesian society*. 1966. vol. 75. pp. 6 – 38.
9. Hau'ofa E. Our Sea of Islands // E. Waddell et al. (eds.) *A New Oceania*. Suva: U. of South Pacific, 1993. pp. 2 – 16.
10. Kawainui Kane H. A Canoe Helps Hawaii Recapture Her Past // *National Geographic*. April. 1976. pp. 468 – 489.
11. Levison M. H., Ward G., Webb J. W. *The Settlement of Polynesia: A Computer Simulation*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1973. viii + 137. p.
12. Lynch J., Ross M., Crowley T. *The Oceanic Languages*. Richmond: Curzon Press. 2002. vii + 924 p.
13. Marck J. *Topics in Polynesian Language and Culture History*. Canberra: Pacific Linguistics. 2000. 281 p.
14. Pawley A. Grammatical reconstruction and change in Polynesia and Fiji // S.A. Wurm and D.C. Laycock (eds), *Pacific Linguistic Studies in Honour of Arthur Capell*. Canberra: Pacific Linguistics. 1970. pp. 301-367.
15. Pukui M. K., Elbert S. H., *Hawaiian dictionary: Hawaiian–English, English–Hawaiian*. Honolulu: University of Hawaii Press. 1971. 572 p.
16. Sharp A. *Ancient Voyagers in the Pacific*. Wellington: Polynesian Society, 1956. 191 p.

УДК 21(963.4)

А.В. Козьмин

Изгнание божества на Таити

Deity exile on Tahiti

Работа А.В. Козьмина представляет собой публикацию таитянского текста с комментариями. Текст использовался в ритуале изгнания божества – покровителя локальной группы. В связи с комментированием текста рассматриваются проблемы репрезентации сверхъестественных сил в полинезийских культурах.

Ключевые слова: Полинезия, религия, ритуал, Таити, традиционная культура.

A.V. Kozmin's work represents the publication of the Tahiti text with comments. The text was used in ritual of exile of a deity – the patron of local group. In connection with text commenting problems of representation of supernatural forces in Polynesian cultures are considered.

Key words: Polynesia, religion, ritual, Tahiti, traditional culture.

Любые культурные тексты содержат огромное количество информации о традиции, в которой они возникли. В этой заметке делается попытка через комментирование таитянского текста описать одно из явлений полинезийской традиционной культуры – одержимость божеством. Эта тема в целом очень обширна и требует привлечения широкого круга источников, однако сейчас ставится более локальная задача – посмотреть на это явление сквозь призму единичного текста.

В одном из главных источников по дохристианской культуре Таити, книге Теиуры Хенри "Древнее Таити", основанной на материалах, собранных ее дедом, миссионером Ормондом, содержится описание следующего ритуала [10, р. 178; 1, с. 182]. Если члены группы родственников, проживающих вместе, имеющих общее святилище (марае), и почитающих определенного бога (наряду с общетаитянскими божествами, разумеется), начинали болеть, могло быть принято решение об изгнании этого божества и замене его новым. Жрец произносил определенный текст, после чего изображение бога на марае заменялось. Приведем текст:

Tera te po'a, te po'a tu nei au ia oe!
Eiaha 'oe e uru fa'ahou mai i roto iaua nei;
eiaha vau ei nohora'a fa'ahou no 'oe;
eiaha vau e 'ite fa'ahou ia 'oe;

Изгоняю, изгоняю тебя!
Не владей больше мной;
Пусть ты во мне больше не живешь;
Пусть я не знаю тебя больше;

eiaha 'oe e 'ite fa'ahou mai iau.	Пусть ты не знаешь меня больше.
E haere 'oe e 'imi e atu i te tahi taura no 'oe,	Иди искать другого медиума для себя,
i te tahi utu'afare e atu.	В другом доме.
Eiaha vau eiaha roa!	Пусть я буду далек от тебя!
Ua poihiu vau ia 'oe.	Я угнетен тобой.
Ua ri'ari'a a'era vau ia 'oe!	Я боюсь тебя!
Te va atu nei au ia 'oe.	Я тебя изгоняю.
E haere roa 'oe i te Vai-Tu-Po,	Иди в Воду (Берег) Ночи,
i te aro o Ta'aroa. to 'oe na metua,	Перед лицо Таароа, твоего отца,
Ta'aroa te metua o te mau atua "atoa.	Таароа, отца всех богов.
Eiaha 'oe e ho'i fa'ahou mai iau nei.	Не будь больше со мной.
Inaha te huia,	Вот поражены (люди),
te pohepohe nei i te ma'i;	Смерть из-за болезни;
te rave hia nei e 'oe,	(Это) причинено тобой,
e atua ri'aria roa 'oe e te 'ai ta'ata!	Ты страшный бог, пожиратель людей!

Лексика

Прокомментируем отдельные слова текста. Ключевое слово *иги*, обозначающее одержимость божеством во фразе "Не владей больше мной" имеет в таитянском терминологическое значение "быть одержимым духом или божеством", но восходит к общеокеанийскому **higu* "входить внутрь". Человек, устами которого говорит божество, обозначен *taula*, которое тут переведено словом "медиум". Это слово имеет протоцентральнополинезийское происхождение (**taaula*). "Ночь", или, в данном случае, "Вода ночи" обозначает сферу обитания богов и сверхъестественных существ, а также изначальное, недифференцированное состояние мира, изначальный хаос. В таитянской мифологии мир возникает в момент, когда Таароа, также упоминаемый в тексте, отделяет небо от земли и творит живые существа [5].

Действующие лица

Для понимания положения и функций медиума следует описать кратко его положение в структуре, состоящей из "ритуальных специалистов". Для Полинезии центральной фигурой является вождь (**ariki*), генеалогия которого возводится непосредственно к богам, его мана отвечает за благополучие коллектива [13; 9]. Жрецы суть ритуальные специалисты в точном смысле – слово, обозначающее данный статус **tufunga* имеет значение "специалист, знаток", в том числе какого-либо ремесла [3]. Их основная функция – проводить ритуалы. Медиум схож с вождем в том отношении, что он связан со сферой божественного, при этом данная связь в определенном смысле более прямая, нежели у вождя: вождь связан с богами через генеалогию, а медиум есть непосредственное, хотя и временное вместилище божества. Здесь следует отметить одно из значений слово **waka* [3]. В принципе, его первоначальное значение "каное", однако оно же может обозначать и медиума в конструкции типа *waka atua* – "каное божества". Использование этого слова применительно к медиуму раскрывает смысл этой фигуры – это вместилище, в которое входит бог. Пассивность медиума отличает его от североевразийского шамана, который активен в своем взаимодействии с духами. Полине-

зийский медиум служит лишь "односторонним каналом" для божества. Божество либо вещает его устами, так что он даже может не помнить, что именно было произнесено им, либо же он получает информацию от божества, например, о причинах болезни пациента [4; 11; 2]. Еще один существенный момент – медиум есть "постоянный специалист", сеансы одержимости ожидаемы, в отличие от одержимости "европейского" типа, когда демоническое присутствие нежелательно и непредсказуемо.

Триада "вождь – жрец – медиум" может по-разному воплощаться в разных социополитических обстоятельствах. В некоторых случаях одно и то же лицо может быть и медиумом и жрецом (как, собственно, и происходит в случае анализируемого текста). На Маркизских островах жрецы-медиумы фактически подменяли собой вождей, что, возможно, связано с тем, что в условиях регулярных засух и голодовок наследственные вожди потеряли свой авторитет, связанный с обеспечением плодородия [12]. В сильно стратифицированных обществах типа гавайского медиум занимает скорее периферийное положение по отношению как к вождям, так и к жрецам [13].

Содержание

Содержание и структура текста достаточно прозрачны. Вначале жрец излагает повеление, которое заключается в том, что божество должно удалиться. Это повеление имеет мотивировку – божество причиняет вред коллективу. Следует обратить внимание также на то, что эпитет, применяемый к божеству, амбивалентен. Именование бога "пожирателем людей" описывает его нормальные функции как получателя жертв, в том числе человеческих [8], ср. титул гавайского короля *ai toki*, буквально "едящий область", то есть управляющий ей и получающий подношения с нее [6].

Коммуникативная ситуация

Коммуникативная ситуация, которая позволяет, в частности, определить жанр, весьма интересна. Текст произносится от имени коллектива и направлен на его благо, тем самым, это близко к молитве. Однако текст произносится от имени медиума, так что создается ситуация, при которой медиум буквально "воплощает в себе" коллектив. Поскольку он является каналом коммуникации с божеством, эффект, которого призван достичь текст, формально относится именно к медиуму, божество должно удалиться от него, а не от коллектива. В этом смысле текст схож с заговором, ведь заговоры, как правило, направлены на достижение индивидуального блага. Таким образом, медиум оказывается "сценой", на которой разыгрывается драма, моделирующая взаимодействие коллектива с божеством, эта драма параллельна публичному действию – замене изображений на марае.

Литература

1. Бутинов Н.А. Социальная организация полинезийцев. М.: Наука, 1985. 224 с.
2. Besnier N. Heteroglossic Discourses on Nukulaelae Spirits // *Spirits in Culture, History and Mind*. Ed. by J.M. Mageo, A. Howard. New York: Routledge, 1996. P. 75-97.
3. Biggs B., Clark R. POLLEX (Polynesian Comparative Lexical Files). Auckland: University of Auckland, 2000.
4. Burrows E.G. *Ethnology of Uvea (Wallis Island)*. Honolulu: Bernice P. Bishop Museum, 1937. xxi + 142 p.
5. Craig R. *Handbook of Polynesian Mythology*. Barabara, CA: ABC-CLIO, 2004. xvi + 353 p.
6. Elbert S., Pukui M.K. *Hawaiian Dictionary: Hawaiian-English, English-Hawaiian*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1976. 517 p.
7. Feinberg R. Spirit Encounters on a Polynesian Outlier: Anuta, Solomon Islands // *Spirits in Culture, History and Mind*. Ed. by J.M. Mageo, A. Howard. New York: Routledge, 1996. P. 99-120.
8. Filihia M. Rituals of Sacrifice in Early Post-European Contact Tonga and Tahiti // *The Journal of Pacific History* 34 (1), 1999. P. 5-22.
9. Firth R. *The Work of the Gods in Tikopia*. London: Athlone, 1967. viii + 492 p.
10. Henry T. Tahiti aux temps anciens. Paris: Publications de la Societe des Oceanistes n 1, 2000. 723 p.
11. Loeb E.M. The Shaman of Niue // *American Anthropologist*. New Series, Vol. 26, No. 3 (Jul. – Sep., 1924). P. 393-402.
12. Thomas N. *Marginal Powers: Shamanism and Hierarchy in Eastern Oceania // Shamanism, History, and the State*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. P. 15-30.
13. Valeri V. *Kingship and Sacrifice: Ritual and Society in Ancient Hawaii*. Chicago: The University of Chicago Press, 1985. xxviii + 446 p.

УДК 1:94(47+57)

Э. Беляев

Действительно ли Россия близится к распаду, как предсказывают математики?

Is Russia really moving toward its own demise as the mathematicians foretell it?

Автор показывает, что нынешняя мода на использование математических моделей и терминологии синергетики в социальных науках и в истории для доказательства теорий или идей авторов, их использующих, без эмпирической проверки построенных моделей является несостоятельной и вредной. В качестве примера дается анализ работ в новой области математической истории, называемой клиодинамикой, в частности, разбирается теория П. Турчина о механизмах возникновения и упадка империй и показываются трудности, которые возникают при использовании математики в социальных науках.

Ключевые слова: империи, клиодинамика, математические модели, методология социальных наук, синергетика.

The author shows that the latest fad for the usage of mathematical models and synergetics in social sciences and history for the "proof" of theories and ideas of the authors who use it is untenable and harmful for research. An analysis of some works in cliodynamics, a new discipline of mathematical history, and in particular P. Turchin's theory of mechanisms of the rise and fall of empires, is given as an example of the difficulties that arise in using mathematics in social sciences.

Key words: empires, cliodynamics, mathematical models, methodology of social sciences, synergetics.

Существуют три вида лжи:
ложь, отъявленная ложь и статистика
(*притисывается Дизраэли и Марк Твену*)

Мировая экономика находится в глубоком кризисе уже в течение нескольких месяцев. Многие люди задают вопрос себе и известным эко-

номистам: Сколько времени еще продлится этот кризис? Можно было бы также спросить этих экономистов, знали ли они, что он вот-вот наступит? Оказывается, что никто, на самом деле, не знает даже, сколько времени кризис еще продлится. И все ответы на этот вопрос, которые мы иногда слышим – не более чем предположения, отчасти основанные на каких-то данных, отчасти на интуиции. А я бы сказал: очень часто это просто гадания на кофейной гуще. И тем более это касается вопроса – можно ли было предсказать этот кризис заранее и тем самым подготовиться к нему.

На самом деле, многие экономисты и практические работники-финансисты предсказывали, что нечто подобное может и даже должно случиться. Например, известный финансист и филантроп Дж. Сорос говорил о такой возможности еще десять лет назад. Выражал свою обеспокоенность и Нобелевский лауреат по экономике, работавший в 90-е годы во Всемирном банке, Дж. Стиглиц (J. Stiglitz). Но, во-первых, ни тот ни другой не давали никаких определенных дат наступления такого кризиса, во-вторых, их мало кто слушал, и уж во всяком случае, не политики, которые ответственны за принятие соответствующих регуляций. Так что даже если бы была кем-то предсказана точная дата (вернее год) наступления кризиса, предотвратить его было бы невозможно. Это также как с землетрясениями. Мы знаем, что таком-то районе оно случится и даже очень сильное, но когда оно случится никто не имеет понятия.

Научные предсказания обычно связываются с математикой. Мы знаем, например, что в экономике есть огромное количество очень софистицированных математических моделей, что математика проникла в экономику больше чем в какую-либо социальную дисциплину, и даже что некоторые математические модели хорошо решают узкие практические задачи и часто используются в бизнесе, например, предсказания на дальнюю перспективу или анализ затрат и прибылей (cost-benefit analysis), анализ рисков. Математика проникла и в демографию, социологию, политические науки и даже в историю. Но блистательных успехов пока нет.

Процесс проникновения математики в социальные дисциплины на самом деле начался очень давно. Серьезное проникновение началось с конца XVIII века, сначала, конечно, с применения (а лучше сказать – разработки) статистики из чисто практических соображений – подсчета населения для сбора налогов и систематического учета ошибок в этих подсчетах, которые всегда при этом возникают. Интересно, что именно эти исследования, сделанные естественниками (здесь надо указать на астронома А. Кетле (A. Quetelet), одного из первых, взявшихся за это дело) для применения именно в социальной области, позже были использованы физиками, а не наоборот, как это интуитивно может нам казаться. Но дальнейший процесс внедрения математики в социальную область шел исключительно трудно и почти приостановился. Он снова возобновился только в начале XX века и опять благодаря деятельности естественников, которые обратили внимание на схожесть некоторых процессов, происходящих в природе, с процессами, происходящими в обществе (например, циклическими процессами).

Вообще говоря, на цикличность социальных процессов обратили внимание еще в древности, но всерьез начали этим заниматься с использованием математики уже в наше время.

Наибольших практических успехов благодаря использованию математических моделей достигла демография. Начало осознанию важности демографических процессов было положено в современной науке, как известно, Мальтусом в самом конце XVIII – начале XIX века. Но затем, в том же XIX и начале XX века, в связи с быстрым развитием

технологии, идеи Мальтуса утратили влияние, и только с середины XX века социологи и исследователи в других социальных областях признали важность демографии, и особенно таких факторов как рост или уменьшение населения, его плотность, возрастная структура и смена поколений. Интересно отметить, что современные демографические исследования очень широко используют математические модели, но не так уж часто их предсказания оказываются точными. За примером не надо далеко ходить. Мало кто сомневается, что в течение следующих 30 – 40 лет население России будет уменьшаться. Но вот до какого уровня оно уменьшится, демографы, используя свои модели (разные, конечно), не могут прийти к согласию. Цифры варьируют от 80 до 130 миллионов. Трудно принимать политическую или экономическую стратегию, исходя из такого разброса.

Математика очень часто завораживает социальных ученых, потому что она связывается с теми блистательными успехами в науке, которые привели к чудесам технологии в наше время. Однако на пути ее применения в социальных дисциплинах стоят практически непреодолимые в настоящее время трудности. Эти трудности связаны, во-первых, с очень плохим пониманием нами социальных процессов, во-вторых, с неразработанностью адекватного математического аппарата, и, в-третьих, с недостаточным методологическим пониманием связи между математическими моделями и социальной реальностью. Этот последний пункт имеет большое значение, особенно в прогнозах и в доверии к ним со стороны потребителей этих прогнозов, в понимании ими природы ограничений, которые налагают модели.

Например, в конце лета – начале осени прошлого года мировую печать облетело сообщение, что московские математики предсказали скорый распад России. В сообщениях фигурировала фамилия известного российского математика Георгия Малинецкого, весьма уважаемого человека, решившего многие важные задачи в физике и промышленности. Мне не удалось добраться до первоисточника и, следовательно, я не могу точно сказать, в каких словах, и, используя какие модели, и с какими ограничениями, Малинецкий сделал такое громкое заявление. Но в январе 2009 года он выступил со статьей в журнале "Computerra" (13 января 2009), где изложил то, что было написано в газетах несколькими месяцами ранее. К сожалению, в этой статье тоже не было указано в точности, как именно были сделаны такие выводы, за исключением указания, что была использована модель динамической теории информации, построенная Д.С. Чернавским. На основании этой модели, как я понимаю, и было сделано вышеупомянутое заключение. Но при этом Малинецкий также указал, что "С математической точки зрения, принципиальное значение имело введение понятия фазового пространства возможных состояний системы и разработка способов описывать движение в этом пространстве. Размерность фазового пространства социально-технологических систем огромна. И поэтому мы не представляем всех вариантов поведения системы, всех возможностей ее развития. Поразительные возможности адаптации – индивидуальной, коллективной и прочей – многократно усложняют задачу. "Это очень важное уточнение. Оно фактически говорит, что предсказание невозможно. Фазовый переход состояния системы (выражаясь старым и неточным языком гуманистариетов – революция) детально исследуется в теории динамики сложных систем и хорошо предсказуем в математике, но плохо предсказуем в реальности. И точка невозврата (tipping point) может быть достигнута различными путями. Или по-другому: распад-то может произойти, но, как и когда, мы этого не знаем. Впрочем, Малинецкий указывает на пять причин, которые угрожают целостности России: 1) невероятный разрыв

в доходах граждан страны; 2) невероятный разрыв в валовом региональном продукте между разными регионами страны; 3) исключительно неразвитая инфраструктура, разделяющая регионы страны; 4) разлом поколений; 5) конфессиональный и национальный распад. Надо признать, что все это очень логично и можно согласиться с этими угрозами. Но затем следует вывод: "Расчеты позволили построить карту сценария распада России в случае инерционного развития событий без внешнего вмешательства. Видно, что Север, Восточная и часть Западной Сибири оказываются в зоне влияния США, Сахалин и Курилы "отходят" к Японии, часть Дальнего Востока – оказывается "под Китаем", в Поволжье возникает мусульманский анклав, около Кольского полуострова – Северо-Западная Республика. Чтобы избежать этой участи нашему отчеству потребуются исключительные усилия – сверхусилия." Так вот, что касается вывода, то я точно буду больше полагаться на нелюбимого в России Бжезинского, или другого специалиста в области международных отношений, чем на математически-идеологические соображения математика.

В своем отчете о Математической конференции, проходившей в Москве в той же "Computerra", но в другом выпуске (24 января 2008)¹ Малинецкий упоминает о другом докладе, сделанном много лет назад и представленном Советскому руководству, о возможном распаде Советского Союза, на который тогдашние руководители не обратили внимания. Но опять неясно, на каких математических основаниях были сделаны такие предсказания. Предсказаний о распаде Советского Союза было, на самом деле, несколько, но они использовали доступную статистику и их модели не были, строго говоря, математическими (я имею в виду, прежде всего, американского социолога-теоретика Р. Коллинза), а в докладе ЦРУ вообще использовались другие аналитические методы. К тому же ни одно предсказание не указывало на определенное время распада. Коллинз давал разброс в 10 – 15 лет (его сообщение появилось в самом начале 1980-х годов в его докладе в Колумбийском университете) и был очень удивлен, по его собственным словам, как быстро и неожиданно все случилось [6]. Все сказанное заставляет нас задуматься, что же в действительности математика нам дает.

Математические модели в социальных науках можно грубо разделить на две группы. Одна группа моделей построена на принципе взаимодействующих индивидов, обладающих теми или иными принципами, на основании которых они себя ведут. Скажем, в большинстве экономических моделей люди рационально добиваются своей выгоды при взаимодействии с другими людьми. Многие социологические модели также исходят из взаимодействующих индивидов, скажем модели Дж. Колмана (J. Coleman).

Другая группа моделей берет за основание агрегатные переменные, такие как ВВП страны, ВВП на душу населения, размер территории страны, продолжительность жизни, численность населения, его

¹ В этой статье есть очень много абсурдных заявлений самого Малинецкого и докладчиков, о которых он пишет. Разбор этих заявлений потребовал бы слишком много места, но в качестве примера можно привести такое: "Статистика, к примеру, показывает, что когда на душу населения приходится больше 3,5 кВт энергетических мощностей, то рождаемость падает ниже уровня воспроизводства населения". А буквально в следующем предложении, в том же абзаце, идут рассуждения об энергетике России. И хотя прямо не говорится, что в связи с ее ростом население России станет еще быстрее падать, но импликация достаточно отчетлива. Я ни на секунду не могу допустить, что математик Малинецкий не знает простых правил статистики – необходимости поиска промежуточной переменной в данном случае. Следовательно, он либо совершенно небрежен в том, что он говорит, что непристойно для математика, либо выполняет нужную ему идеологическую задачу, либо то и другое вместе. Эта небрежность, кстати, характерна для всех его работ по социальным вопросам, которые я видел. Она же характерна и для его коллег.

плотность и т.д., так сказать методологический холизм. Конечно, "чистых" моделей, относящихся только к одной или другой группе довольно мало. Но такое немного искусственное деление позволяет лучше видеть трудности и преимущества того или иного подхода к моделированию.

"Индивидуалистический" (или "атомистический") подход имеет то преимущество, что позволяет легче квантифицировать некоторые переменные, поскольку речь идет о взаимодействующих индивидах, обладающих определенными качествами. В демографии, например, многие вещи легко квантифицировать (деление людей по полу, возрасту, фертильность женщины, доход человека или семьи, горизонтальная и вертикальная мобильность и т.д.). Но если речь идет о ценностях конкретных людей, или их информированности и тому подобных психологических или интеллектуальных качествах, которыми обладают конкретные индивиды, мы попадаем в очень трудное положение. Но самый большой недостаток таких моделей – трудность учета структурных связей между индивидами, иначе говоря, эти взаимодействия между индивидами неравномерны, но зависят от положения индивида в обществе. В социологии это особенно очевидно: в зависимости от статуса одни и те же взаимодействия приобретают различный вес или вообще происходят по-другому, а, следовательно, от структуры рассматриваемого сообщества (группы) зависит результат взаимодействия. Это обычно изучается в моделях сетей (network analysis). С другой стороны, математический аппарат для таких "атомистических" моделей хорошо разработан и широко применяется в физических науках уже практически два века. Разработаны и новые методы, скажем в тех же моделях сетей.

Преимущества другого подхода в том, что в нем используются агрегатные данные, часто уже подсчитанные для других целей. Для социально-политических переменных, таких как свобода, демократия, солидарность, неустойчивость общества или государства, создаются индикаторы (косвенные показатели), по которым можно дать количественную оценку данной переменной – провести ее операционализацию, что является очень важным и трудным вопросом. Это очень модный вид анализа среди тех, кто занимается социально-политическими исследованиями. Многие читатели знакомы с такого рода моделями по всякого рода рейтингам о странах, которые часто публикуются в широкой печати – рейтинги коррупции, свободы для бизнеса, свободы слова и т.п. Надо заметить, что очень часто такие индексы вызывают споры, но другого пути операционализировать подобного рода переменные нет.

Особый вид моделирования представляют компьютерные имитации (симуляции).

Я хочу остановиться на одной теории, которая в последнее время получила широкую известность, особенно в некоторых кругах в России. Я имею в виду теорию исторических циклов П. Турчина (P. Turchin), профессора математики и популяционной динамики университета Коннектикута в США¹ Турчин рассматривает проблему возникновения, роста и гибели империй (точнее, больших государств). Существование та-

¹ Дальнейшее изложение мной теории Турчина основано главным образом на его книге Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton University Press: Princeton and Oxford, 2003 [11]. Страницы указаны именно по этому изданию книги. В другой своей книге (War and Peace and War. The Life Cycles of Imperial Nations. Pi Press: New York, 2006. 405 p.) Турчин излагает те же идеи для широкой публики, без математического аппарата. Поскольку в этой статье обсуждается применение математики в социальных науках, то я использую именно первую книгу. У Турчина есть также много опубликованных статей, часто с другими авторами. Но главные идеи остаются теми же.

кого цикла ни у кого не вызывает сомнений и было описано бесконечное число раз разными авторами, дающими обычно разные объяснения в отношении одной и той же империи. Любимый пример Турчина – объяснение распада Римской империи в 200-х вариантах. Турчин задается законным вопросом, нельзя ли найти более универсальное объяснение распада империй вообще, а не только Римской, и заодно понять, как вообще империи образуются. Турчин посвятил этому вопросу последние несколько лет, опубликовав целый ряд статей и две книги, "Историческая Динамика" и " Война и Мир, и вновь Война", и третья книга в соавторстве с С.А. Нефёдовым "Вековые Циклы" на подходе. Турчин много раз предостерегает читателя, что его теория построена для объяснения цикличности аграрных обществ и, что ее применение для современных обществ было бы, поэтому, неправомерным. Логика Турчина следующая: империи (или большие государства, как например, Франция) зарождаются либо на обломках старых империй (Франция), либо образуются на границах этнических разломов, благодаря солидарности населения, живущего по разные стороны этих разломов (Римская империя, Китай, Россия). С завоеванием территорий они приобретают дополнительные ресурсы (такие как сельскохозяйственные земли) и дополнительное население (а значит, дополнительные налоги или другие поборы) и в конечном итоге (не сразу) – дополнительных воинов. Население в результате дополнительных ресурсов живет лучше и увеличивается. Империя процветает. Однако только до определенного момента, когда ресурсы в результате увеличения населения или в результате слишком большой территории (слишком большие траты на поддержание государства) уже не в состоянии поддерживать тот уровень жизни, который был возможен раньше. Все государства обладают так называемой предельной возможностью в своих ресурсах (carrying capacity). В этот период процветания увеличивается не только население вообще, но также и элита. Когда государство подходит к пределу своих ресурсных возможностей, население и элита беднеют. Среди элиты начинаются распри и борьба за существующие в государстве посты. Население втягивается в эту борьбу, примыкая к разным группам элиты. Эти столкновения могут привести к гражданской войне или более "мягким" столкновениям типа "беспорядков", восстаний, волнений. Но важно то, что значительная часть населения и элиты погибает от внутренних вооруженных столкновений, голода, болезней. Государство коллапсирует (теряет контроль над населением) или погибает вовсе и на его месте возникает совсем новое государство. Весь период от возникновения империи до ее полного разрушения занимает несколько столетий. Если государство не погибает совсем в результате гражданской войны, то начинается новый цикл роста населения и элиты. Этот цикл обычно продолжается два – три столетия и потому называется "вековым циклом" (secular cycle). (В совместной работе с Чейз-Данном о синхронизации циклов на огромных пространствах АфроЕвроАзии он также говорит, что эти циклы могут длиться один век, т.е. три – четыре поколения). Таких циклов империя обычно насчитывает 3 – 4. Потом она слабеет и погибает. Такова голая логика.

Но, конечно, Турчин не строит свою теорию на пустом месте. Его теория, на самом деле, состоит из нескольких разных моделей, которые логически объединяются в стройную теорию.

Первая модель – это модель возникновения государства, точнее империи, потому что Турчина, как он сам говорит, интересует, как маленькое государство превращается в империю. Понятно, что процессом возникновения государства, и империи в частности, интересовались давно и историки и социологи. Можно найти большое количество работ по этому вопросу. Среди авторов, оказавших большое влияние на всю эту

область, следует назвать Т. Скокпол (Theda Skocpol), Ч. Тилли (Charles Tilly), Р. Коллинза и многих других. В частности, Турчин в этой своей модели начинает именно с анализа работ Коллинза, который предложил геополитическую модель возникновения империй.

Смысл модели Коллинза в том, что империя возникает в геополитически удачных местах (там, где благоприятствуют географические условия и протяженность границ, а также количество соседей государства-будущей империи). Главная переменная у Коллинза – размер территории. Она изменяется в результате успехов/неуспехов в войне. Величина территории положительно влияет на геополитические ресурсы (налоги и рекруты в армию), что в свою очередь влияет на успех в войне. Но величина территории также негативно влияет на логистику государства – расходы на удержание территории, грубо говоря. На этот момент указывают и другие исследователи, например П. Кеннеди [8]. Об этом, по крайней мере, косвенно, говорит, на мой взгляд, и Малинецкий (см. выше). Однако Турчин указывает, что это необязательно должно приводить к коллапсу государства. Модель Коллинза вербальная, и Турчин преобразовывает ее сначала в математическую, а затем проверяет поведение этой модели, и приходит к выводу, что она неудовлетворительна. У Турчина есть идея, что модель образования империи должна также показывать ее распад, вообще должна показывать осцилляции, периодические колебания. А из математической модели, которую он построил на основании вербальной модели Коллинза, это никак не следует: *"Как бы нелинейны различные функциональные формы ни были, мы все равно приходим к модели одномерного обычного дифференциального уравнения, которое не способно генерировать динамику подъема/падения и осцилляции вторичного порядка"* (выделено Турчиным) [11, р. 19]. Рассмотрев разные обратные связи, особенно связанные с логистикой, он делает заключение, что логистическая нагрузка государства, по крайней мере, так, как она фигурирует у Коллинза и Кеннеди, не должна вести к коллапсу государства. Поэтому мы должны искать другие переменные, чтобы понять наблюдаемые примеры коллапса империй.

Турчин рассматривает еще одну модель – модель компьютерной имитации (симуляции) территориальной динамики, сконструированной Арцзуни и Комлосом [5] для объяснения формирования системы европейских государств. Они представляют Европу как сетку квадратов. Сила государства здесь зависит от количества квадратов (территории), которое занимает государство (чем больше квадратов, тем больше сила) и от положения его периметра – количества государств на его периметре. Чем больше государств на периметре (или чем длиннее граница), тем слабее государство, потому что требуется больше ресурсов для защиты государства. Здесь, если внимательно посмотреть, несколько другая концепция логистической нагрузки. В этой модели пять переменных и их значения авторы находят путем проб и ошибок, чтобы их взаимодействия отражали реальную историю преобразования системы государств в Европе. Компьютерная имитация довольно хорошо подтверждает историческую динамику в Европе: она показывает, как из огромного количества мелких государственных образований получается приблизительно такая система государств, какой мы ее видим в настоящее время. (Практически та же модель используется С.Малковым, а также Д. Чернавским без всякой ссылки на первоначальных авторов модели.) Однако, замечает Турчин, "модель не предсказывает, что государства, достигнув очень большого размера, коллапсируют" [11, р. 23], тогда как исторические примеры говорят об обратном.

Поэтому следует найти такую модель, которая показывала бы такой цикл. В поисках механизма территориальной динамики политиче-

ских сообществ Турчин рассматривает разные работы по групповой динамике. Как он говорит, он "строит теорию в два этапа: сначала выводя групповую динамику из взаимодействий между индивидами и затем выводя динамику политического сообщества из взаимодействий между группами." [11, p. 47]. Поэтому он уделяет большое внимание идеям Ибн Халдуна (арабского мыслителя и государственного деятеля XIV века, который сделал свои наблюдения на основе своей работы в Северной Африке, на территории современных Марокко, Туниса, Алжира) о солидарности (асабийи), как одному из механизмов такого взаимодействия. Ибн Халдун говорит, что "асабийя растет и поддерживается на высоком уровне в небольших по размеру обществах, где способность к коллективному действию – ключ к выживанию. Вдобавок, такие общества производят только необходимые вещи и потому отсутствует коррозийный эффект роскоши на асабийю" [11, p. 40]. Идеи Ибн Халдуна особенно привлекают Турчина, потому что, говорит он, они позволяют легко перевести их в математическую модель и провести эмпирическую проверку. Однако, отмечает Турчин, описание Ибн Халдуна годится только для очень специфического общества, которое он хорошо знал, и вряд ли применимо для других обществ (например, значимость роскоши для асабийи в других обществах, видимо, не имела такого значения). Поэтому Турчин исследует и другие теории, в том числе теории Гумилева, Дюркгейма, социального капитала Патнама (Robert Putnam) и другие, и приходит к выводу, что "фортуна политических сообществ в первую очередь зависит от способности его элиты к коллективному действию. Однако, этническая солидарность (или ее отсутствие) между элитой и крестьянами также может быть очень важной в успехе или неуспехе политического сообщества." [11, p. 49]. Это – его гипотеза, которую он теперь собирается проверять.

Но до ее проверки он, на самом деле, выдвигает еще одну гипотезу, которую он называет "теория метаэтнической границы", суть которой в том, что этнические границы (или в другой терминологии "этнические разломы") являются инкубаторами групповой солидарности. Делаются несколько допущений: империи стратифицированы на два социально-экономических класса – элита, в руках которой находится власть, и крестьяне, производящие продукты; другое важное измерение – этническое, причем каждая империя имеет в своей сердцевине одну особенную группу, чья асабийя фактически ответственна за все успехи и неудачи империи. Один тип такой особенной группы – это просто элита, вторая группа – вертикально интегрированный в данной империи ее основной этнос, и третий тип – это ее горизонтально интегрированные элиты, которые властвуют над разными этносами этой империи. На основании этих допущений и строится теория, которая объясняет как возникает этно-политическая система: этническая группа, характеризующаяся высокой асабийей, расширяет подконтрольную ей территорию, увеличивает население и ассимилирует другие этнические группы, тем самым сама становясь метаэтнической группой. Но как возникает высокая асабийя? Во-первых, в результате конфликта с другими группами (обычно на границах). Во-вторых, соотношение плотности населения и предельной ресурсной возможности (carrying capacity) территории, на которой обитает данная этническая группа, влияет на асабийю. Низкая плотность населения при высокой ресурсной возможности вызывает меньше конфликтов внутри группы и, следовательно, повышает асабийю, и наоборот. Турчин утверждает, что это было эмпирически показано в его работе с Коротаевым 2003 г. [12]. На асабийю влияет также существование (или формирование) одной религии (или вообще идеологии) на пространствах империи.

На метаэтнических границах все три фактора (межгрупповой конфликт, плотность населения и сильные этнические различия) работают синергетически, что, как предсказывает теория, должно вести к сильной асабийи (солидарности) и весь процесс можно называть этногенезом. Турчин, считает, что эта теория может объяснить "расцвет-закат" империй, и чтобы быть в этом уверенным он создает математическую модель. Такая модель обязательно должна включать физическое пространство, что в свою очередь почти обязательно требует числовых решений или компьютерной имитации. Можно также решить эту задачу с упрощенной псевдопространственной моделью, что и решает сделать автор. Не углубляясь во все математические аргументы, что не является моей целью, скажу только, что Турчин просто примеривает разные возможности с тем, чтобы формулы и кривые удовлетворяли основным идеям сформулированной теории, показывали в частности как взаимодействуют указанные факторы. Важность математической трансляции сформулированной теории неопределима: "Даже несмотря на то, что мы сделали ряд невероятных упрощенных допущений, так что наша модель в лучшем случае является карикатурой на реальность, модель, тем не менее, оказалась способной на более сложное поведение, чем мы могли предполагать сначала. Особенно важно, что хотя модель подтверждает, что постулированный механизм может вести к циклам расцвета-заката империй, она также указывает, что возможны и другие типы динамики для различных значений параметров. ... Пограничные области должны быть маленькими по отношению к размеру империи, что определено логистическими ограничениями; если эти области не маленькие, то не возникнет динамика расцвета-заката. ... Другое неожиданное наблюдение состоит в том, что модель, кажется, не допускает повторяющихся циклов расцвета-заката или постоянной осцилляции. ... Наконец, еще одно преимущество трансляции вербальной теории в простые математические модели состоит в том, что мы можем быстро проверить эффекты различных допущений" [11, pp.67-68].

Я хотел бы остановить внимание читателя на методологических особенностях построения модели Турчиным, что является, вообще говоря, нормальной общепринятой практикой. А именно: формулируется сначала достаточно четкая теория, которая транслируется в математические формулы, которые, в свою очередь, меняются в зависимости от того, как эта формула себя ведет, т.е. выполняет ли она основную задачу теоретической концепции (в данном случае, расцвет-закат империи). Эта формула, если она удовлетворяет основному требованию, проигрывается на разные значения введенных параметров, чтобы посмотреть, каково будет поведение системы при изменении параметров. В результате такого анализа модели часто возникают ценные эвристические идеи. Я обращаю внимание на эти хорошо известные вещи, чтобы подчеркнуть интимную связь между положенной в основу теорией, моделью и наблюдаемой реальностью. Эти принципы в большинстве случаев игнорируются российскими коллегами Турчина. Но об этом подробнее чуть ниже.

После анализа поведения модели Турчин приступает к ее эмпирической проверке.

Беря данные из разных источников, он сопоставляет их с результатами поведения модели и считает, что полученные моделью траектории "выглядят очень похоже на траектории исторических политических сообществ" [11, p. 70]. При этом он, однако, добавляет: "Качественная похожесть между траекториями исторического сообщества и симулированными не является, конечно, доказательством, что теоретическая и эмпирическая динамики движутся одним и тем же механизмом. Вообще, для любого потенциального паттерна существует бесконечное число

механизмов, которые могут его произвести." (подчеркнуто мной – Э.Б.) [11, p. 71].

Итак, империи проходят три стадии в своем развитии: 1) формирование государства и этногенез центрального этноса, сопровождаемого первоначальной экспансией внутри этнически подобного субстрата; 2) пик территориальной экспансии, сопровождаемый созданием империи многоэтнического характера; 3) стагнация, упадок и коллапс (за которым иногда следует возрождение и другой имперский цикл) [11, p. 118].

Третья модель и касается этого упадка и коллапса. По сути, здесь рассматривается механизм циклов роста и падения численности населения. Сам автор называет ее структурно-демографической теорией (the demographic structural theory). Как сказано выше, приобретение ресурсов империей через завоевания ведет к экономическому процветанию и росту населения и элиты. Постепенно перенаселенность приводит к истощению ресурсов, к большому экономическому неравенству и обнищанию населения, к перепроизводству элиты и столкновениям разных групп элиты между собой. Социальное неравенство также подрывает солидарность в обществе (асабийю). В результате вооруженных столкновений внутри общества и, следовательно, значительного уменьшения населения и элиты освобождаются ресурсы (земля) и начинается новый цикл роста. Это – вековые циклы, длящиеся по два – три столетия. В этой модели отправной точкой опять является Ибн Халдун, который указывал на потерю асабийи и демографический и фискальный механизмы в качестве главных причин упадка государства. Но Турчин опирается также на Мальтуса, Рикардо, Голдстоуна (Jack Goldstone) и на свои собственные работы по популяционной динамике в биологии, а также на работы Нефёдова по историко-демографическим исследованиям. Он также специально делает замечание, что в огромной литературе по демографическому росту и его влиянию на социальный коллапс не отмечается прямой эмпирической зависимости между ними, что замечена только косвенная связь через влияние на социальные институты, которые и влияют на социальную стабильность. Это было отмечено Дж. Голдстоуном в его работе 1991 года [7]. Голдстоун использует количественные данные для доказательства своей теории, но не доводит ее до четкой динамической модели. Турчин и достраивает его теорию до такой модели, в частности он вводит эффект обратной связи политической нестабильности на динамику населения. Он подробно разбирает логику этой обратной связи и заключает, что политическая нестабильность может негативно воздействовать как на демографический рост, так и на продуктивную способность общества. Цель Турчина, как он ее формулирует, создать теорию, в которой популяционная динамика является эндогенным процессом, в отличие от Голдстоуна, у которого рост населения – главная причина социально-политических изменений – предстает как экзогенная переменная, т.е. как независимая переменная, влияющая на социальные изменения извне. Само изменение роста населения по Голдстоуну зависит от комбинации климата и болезней. Надо сказать, что такое изменение Турчиным теории Голдстоуна является критически важным, поскольку связывает воедино всю социальную систему и придает ей динамику. Теперь "есть не только связь между ростом населения и коллапсом государства, но и может быть также и обратная связь между коллапсом государства и ростом населения." [11, p. 121].

Сама математическая модель описывает демографически-фискальную зависимость. Строится она шаг за шагом. Сначала она исследует взаимосвязь двух переменных – плотности населения и аккумулярованных государством ресурсов на определенный момент. Следуя за

законом Д. Рикардо, описывающим уменьшение излишка продукта на человека с ростом населения (D. Ricardo's law of diminishing returns), и мальтузианской динамики населения, строится соответствующее дифференциальное уравнение. То же проделывается с построением дифференциального уравнения для государственных ресурсов. Эти ресурсы меняются в результате двух противоположных процессов – получения доходов государством и его расходов. Затем устанавливается обратная связь между населением и ресурсами государства. Принимается, что сильное государство имеет положительное воздействие на динамику населения. После построения всех нужных уравнений рассматривается динамика, вытекающая из них. Из нее в конечном итоге следует, что с ростом населения рано или поздно расходы государства перейдут черту, за которой государство не имеет возможности дальше функционировать (becomes insolvent), что означает коллапс. Как всегда, Турчин очень осторожен в своих выводах: "Я считаю, что это заключение является исключительно важным для динамики аграрных политических образований. Аргумент, основанный на этой модели, однако, не означает, что все государства везде обязательно коллапсируют в течение двух-трех столетий. Но эксплицитная модель позволяет нам рассматривать как различные черты реальности, которые опущены в модели, могут воздействовать на ее основное послание. ... я хочу подчеркнуть, что модель применима только к доиндустриальным обществам". Турчин учитывает, что было сказано Боузрупом (E. Boserup) в 1966 и 1981 годах: "традиционные общества имеют определенный набор технологий, который они могут использовать для интенсификации производства при увеличивающемся давлении населения". В конечном итоге однако, как отметил еще в 1998 году Вуд (J.W. Wood), "возможности дальнейшей интенсификации исчерпываются". Оба этих положения учитываются в допущениях, сделанных в модели [11, p. 126]. Турчин рассматривает также, какие возможности открыты перед государством для того, чтобы отодвинуть коллапс. Но это для нас в данной работе не так существенно.

К этой модели далее добавляется классовая структура (элита и крестьяне) и рассматривается, как это добавление воздействует на теоретическое предсказание государственного коллапса. В развитии этой теории он отдает должное Дж. Голдстоуну. С введением двух переменных (численности элиты и численности крестьян) вместо одной – численности населения, а также в силу того, что динамика этих переменных разная (порог ресурсов для поддержания домашнего хозяйства тех и других разный), модель усложняется, и динамика ее поведения становится другой, хотя и похожей. Проверка поведения модели показывает необходимость ее коррекции, для того чтобы она удовлетворяла теоретической логике, потому что "предсказанная динамика главным образом детерминирована теми допущениями, которые мы делаем в отношении элиты" [11, p. 131]. Чтобы быть ближе к "реальности" строятся три разных модели циклов элиты – для средневекового Магриба, описанного Ибн Халдуном, для элиты паразитического кочевнического общества и для китайских династических циклов.

Все модели структурно-демографической теории приводят к двум интересным выводам, говорит Турчин. В результате уменьшающихся излишков на труд рост населения в аграрных обществах неизбежно ведет к постепенному сокращению на человека излишка продукта, произведенного крестьянами. И тогда излишек становится недостаточным для поддержания государства. (Заметим, что это логически вытекает из закона Д. Рикардо.) Банкротство государства и его коллапс может быть предотвращен только, если численность населения держится в допустимых пределах, в которых расходы государства соответствуют его

доходам. Второй вывод касается ключевой роли элиты в динамике государства: элита может ограничить рост населения (крестьян), обирая их до предела, либо сама государственная машина прибегает к насильственным действиям. "В большинстве аграрных обществ, однако, как я думаю, численность элиты будет увеличиваться за пределы возможного уровня и приведет к коллапсу государства." [11, p. 138].

Характеристики элиты (скорость ее воспроизводства и способность извлекать доход) имеют большое влияние на период и амплитуду цикла расцвет-закат государства.

После всего этого, Турчин рассматривает эмпирическое применение данной теории. При этом, он подробно останавливается на работах своих предшественников (Дж. Голдстоуна, Д. Фишера (D.H. Fischer), С. Борша (S. Borsch)), и затем приступает к эмпирической проверке своей собственной теории, используя доступные данные по Европе (II тысячелетие нашей эры) и Китаю (с 200 г. до н.э. до 1710 г. н.э.), а также археологические данные по Римской империи, Ближнему Востоку и Северной Америке.

Турчин очень тщательно подходит к этой проверке. Он предупреждает, например, что вековые циклы не обязательно должны быть очень регулярными, т.е. восходящая и нисходящая фазы осцилляций населения должны происходить в течение многих человеческих поколений.

У Турчина было много предшественников – исследователей вековых волн в Европе и в Азии. И он не просто отдает им должное, но анализирует их работы. Тест для своей собственной модели он строит на реконструированных данных, созданных его предшественниками. Тестирование оказывается на самом деле едва ли не самым сложным делом. Оно строится практически целиком на реконструированных данных, которые вызывают сомнения у многих исследователей. Даже те исследователи, которые реконструировали эти данные, выражают большую осторожность и нередко пересматривают свои реконструкции. Но об этом немного ниже. Пока же следует указать, что, по мнению Турчина, наблюдаемые паттерны – роста и упадка населения с различной степенью периодичности в два – три столетия находятся в согласии с предсказаниями структурно-демографической теории, но есть возможность, что какая-то другая теория также может объяснить все эти факты, говорит он. Статистическая регрессия также указывает на то, что возможны оба направления воздействия – как плотности населения на политическую нестабильность, так и нестабильности на плотность населения.

Итак, представлены четыре модели: асабийя и метаэтнические границы, этническая ассимиляция, структурно-демографическая теория и геополитическая модель. Последняя фактически не поддалась строгой проверке. Комбинирование этих моделей в одну целостную теорию оказывается непростым делом, и Турчин предупреждает, что пока может быть построена только гипотеза их комбинирования. Теоретический подход с точки зрения динамических систем заставляет говорить о разных временных шкалах, на которых оперируют определенные механизмы. Например, напрашивается такая "естественная" шкала, имеющая непосредственное отношение к исторической динамике, как время человеческого поколения, в течение которого население увеличивается или уменьшается, элита обновляется, культура передается и модифицируется. Разные демографические циклы могут также накладываться друг на друга. Динамика асабийи более медленный процесс и испытывает более длинные циклы. Метаэтнические границы требуют 3 – 10 веков от начала до завершения. Сама империя может существовать 3 – 4 вековых цикла, иногда больше, иногда меньше.

Таким образом, взаимодействие между демографически-

структурным механизмом и механизмом асабии ограничивается в периоды политической нестабильности. Большие успешные империи разрушаются комбинацией упадка асабии и фазой децентрализации (политической нестабильности) векового цикла.

Затем, поскольку этнокинетические и демографические процессы происходят приблизительно в одной и той же временной шкале, их механизмы могут взаимодействовать более сложным и непредсказуемым образом: фаза векового цикла может воздействовать на величину и даже на знак скорости ассимиляции.

Возможны и другие взаимодействия разных циклов. Самое важное, однако, то, что мы можем наблюдать определенные паттерны в истории.

Окончание следует

Литература

1. Давыдов М.А. О потреблении в России в конце XIX – начале XX века. См. сайт Клиодинамика. URL: http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=179&Itemid=76
2. Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Долгосрочные макротенденции развития Мир-Системы и возможности их математического моделирования. Опубликовано на сайте Демоскоп Weekly. № 359-360. 1-18 января 2009 г. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0359/analit02.php>
3. Малков С. Российское завтра: социально-психологический портрет государственности. // Computerra. 13 января 2009. URL: http://www.computerra.ru/395612/?phrase_id=10634751
4. "СВОИ". Сайт. 15 авг. 2006 г. URL: <http://www.smisvoi.ru/content/?fl=555&sn=1236>
5. Artzrouni, M., Komlos J., The Formation of the European state system: a spatial "predatory" model. // Historical Methods. 1996. Vol. 29. pp. 126-134.
6. Collins Randall. Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse. // American Journal of Sociology. Volume 100. Number 6 (May 1995). pp. 1552 – 1593.
7. Goldstone Jack. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. University of California, Berkeley. 600 p.
8. Kennedy Paul. The Rise and Fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987. 478 p.
9. Smolin Lee. The Trouble with Physics. A Mariner Book Houghton Mifflin Company: Boston, New York, 2006. 392 p.
10. Turchin P. A Primer on Statistical Analysis of Dynamical Systems in Historical Social Sciences (with a Particular Emphasis on Secular Cycles) in Structure and Dynamics // eJournal of Anthropological and Related Sciences. vol. 1. issue 1. 2005. article 4.
11. Turchin P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton University Press: Princeton and Oxford, 2003. 245 p.
12. Turchin P., Korotayev A. Relationship between population density and internal warfare in prestate societies. 2003. Unpublished manuscript.
13. Tainter Joseph A. Plotting the downfall of society // Nature. vol. 427. 5 Feb. 2004. p. 488
14. Trefill James. 101 Things You Don't Know About Science and No One

Else Does Either. A Mariner Book Houghton Mifflin Co: Boston, New York, 1996. 355 p.

15. Woit Peter. Not Even Wrong. Basic Book: New York, 2006. 291 p.

УДК 341.222(57)

А.А. Киреев

Специфика дальневосточной границы России: теория и история

Specificity of Far East border of Russia: the theory and history

В статье рассматриваются особенности функционирования сухопутного участка дальневосточной границы России, оказавшие значительное влияние на историческое развитие прилегающего к нему региона. Содержание данных особенностей раскрывается автором с помощью понятия "широкая граница".

Ключевые слова: *государственная граница, российский Дальний Восток, теория границы, трансграничные отношения.*

In article features of functioning of an overland site of Far East border of Russia, made considerable impact on his-torical development of region adjoining to it, are considered. The contents of the given features are revealed by means of concept "wide border".

Key words: *border, the Russian Far East, the border theory, transboundary relations.*

Одним из характерных признаков "молодых" в историческом масштабе региональных образований, инфраструктура которых находится еще на стадии формирования, является особенно тесная, минимально опосредованная связь между средовыми (внешними) и внутренними параметрами состояния и развития региона. К числу подобных образований в полной мере может быть отнесен российский Дальний Восток (РДВ), современные политико-географические контуры которого сложились только во второй половине XIX в. Наглядным проявлением указанного состояния системы дальневосточного региона служит комплекс актуальных для него сегодня демографических, социально-экономических и управленческих проблем, в котором как аналитически, так и практически, крайне трудно четко разграничить международный, общероссийский и собственно региональный компоненты. Прямая и едва ли не синхронная взаимообусловленность вопросов, например, динамики иностранной миграции в дальневосточный регион и изменения его собственного демографического потенциала, делает их независимое, строго монографическое рассмотрение слишком абстрактным и, в конечном счете, бесплодным.

Выходом из этой ситуации, как представляется, может стать предварающий любого рода объяснения внутренних и внешних условий развития РДВ специальный анализ характера соединяющих их свя-

зей. Признание же важности подобного анализа закономерно обращает наше внимание на такое опосредующее все отношения дальневосточного региона России с его внешним окружением явление как региональная граница и, прежде всего, ее наиболее значимый сухопутный участок.

Тезис о значимости пространственных границ, а точнее их физико- и общественно-географического положения и конфигурации, для функционирования всякой региональной (социально-территориальной) системы в настоящее время уже не нуждается в особых доказательствах. Не менее общепризнанной составляющей исследования территориальных границ является выявление их политико-правового статуса. Так, огромная роль в истории РДВ справедливо придается тому факту, что значительная часть его внешнего сухопутного периметра совпадает с линией государственной границы России. Однако раскрыть весь содержательный объем этого известного факта, оставаясь в рамках географического, геополитического и политико-правового анализа региональных рубежей, по моему убеждению, невозможно. Данная задача может быть решена лишь при учете, по крайней мере, еще одного, часто игнорируемого, параметра дальневосточной границы – а именно ее неформального, общественного статуса, или, иными словами, режима ее функционирования на уровне негосударственных трансграничных отношений. Только установление специфики этого общественного статуса и его соотношения (и соответствия) с политико-правовым состоянием и пространственным расположением границы позволит получить ее интегральную и, следовательно, более адекватную типологическую характеристику.

Исходным пунктом настоящего исследования явилась гипотеза, согласно которой одним из главных факторов, определявших во второй половине XIX – начале XXI вв. содержание и характер связей РДВ с сопредельными странами Северо-Восточной Азии и тесно коррелирующего с этими связями комплекса "внутренних" проблем региона стали типологические особенности дальневосточного участка сухопутной границы России. При этом, данные типологические особенности наиболее полно могут быть выражены с помощью понятия "широкая граница". Понятие "широкая граница" позволяет дифференцировать интересующее нас явление от более известной (и нередко понимаемой в качестве единственно возможной) формы разграничения государств, которую можно обозначить как "линейная граница".

Рассмотрение предлагаемой автором типологии будет целесообразно начать с раскрытия типологических признаков "линейной границы", самым характерным примером которой служат рубежи европейской государств, оформившиеся в эпоху Нового времени в правовых условиях Вестфальской системы международных отношений. К важнейшим признакам "линейной границы", на мой взгляд, необходимо отнести следующие: четкая территориальная делимитация и демаркация сфер действия государственных суверенитетов; полный и тщательно регламентированный государственный контроль над линией границы; доминирование внутренних отношений в смежных обществах над их трансграничными связями; восприятие пограничных рубежей как постоянных.

Названные признаки границ "линейного" типа могут быть конкретизированы. Так, четкая территориальная делимитация и демаркация государственных суверенитетов предполагает достаточную идеологическую и юридическую разработанность и обоснованность самого понятия государственного (национального) суверенитета, а также наличие легитимных процедур делимитации и демаркации и необходимой для их реализации географической информации. Полный и тщательно регламентированный государственный контроль над линией границы подразумевает существование целого комплекса норм, упорядочивающих

режим военно-политического, торгового, миграционного и иного функционирования и охраны границы, и, что не менее важно, присутствие у государств-соседей человеческих, финансовых и организационных ресурсов для обеспечения действенности этих норм на всем протяжении данной границы. Доминирование внутренних отношений смежных обществ над их трансграничными связями, как правило, является прямым выражением высокого уровня национальной (или региональной) самодостаточности контактирующих общественных систем, включая значительную степень развития внутреннего рынка, единого правового, социально-политического и культурного пространства. Наконец, восприятие пограничных рубежей как постоянных связано не только с формальной гарантированностью сложившихся государственных границ всей системой международно-правовых отношений (принцип "нерушимости"), но и с их укорененностью в сознании самого приграничного населения, в его традициях и повседневном поведении.

Граница "широкого" типа отличается от "линейной" по всем рассмотренным выше параметрам. Признаками "широкой границы" являются: территориальная градуированность и взаимоналожение государственных суверенитетов; неполнота и слабая регламентированность государственного контроля над линией границы; доминирование трансграничных связей смежных обществ над внутренними отношениями в них; восприятие пограничных рубежей как временных, промежуточных. Под территориальной градуированностью государственного суверенитета в данном случае понимается неодинаковый объем осуществления последнего на различных входящих в состав государства территориях, его, как правило, "убывание" по мере движения от государственного центра к пограничной периферии. Этому феномену может сопутствовать взаимоналожение (взаимопроникновение) территориальных суверенитетов соседних государств и появление между ними разного рода буферных политических образований, находящихся в двойной зависимости. Неполнота и слабая регламентированность государственного контроля над "широкой границей" может проявляться как в недостаточной юридической и институциональной обеспеченности пограничного режима, так и в отсутствии у органов власти практических возможностей по его систематическому поддержанию. Характерное для "широкой границы" доминирование трансграничных общественных отношений над внутренними обусловлено обычно неразвитостью последних, и в особенности экономических центрo-периферийных связей, которая побуждает приграничное население компенсировать свою "обделенность" активизацией соответствующего взаимодействия с соседями, вплоть до формирования с ними новых, "симбиотических", общностей. Кроме того, для населения пограничных районов, также как и для властей соседствующих государств, как правило, свойственно восприятие "широкой границы" как временно-го и условного военно-политического и колониационного рубежа, определяемого в основном конкретной динамикой "соседских" отношений и мало зависящего от каких-либо абстрактных международно-правовых систем.

Несмотря на то, что сегодня "линейная граница" по существу приобрела значение своего рода мирового стандарта, переход к границам этого типа в глобальном масштабе, тесно сопряженный с процессами модернизации и вестернизации, очень далек от своего завершения. Во многих регионах мира разделяющие государства рубежи все еще фактически в большей степени соответствуют признакам связанной по своему происхождению с традиционным докапиталистическим обществом границы "широкого" типа. Как намерен показать автор данной статьи, к этому типу остается по сей день близок и дальневосточный участок сухо-

путной границы РФ.

Начало формированию дальневосточных границ России было положено еще в середине XVII в. выходом русских первопроходцев к побережью Тихого океана и берегам Амура. Дальнейшее продвижение русских на юг и юго-восток натолкнулось на ожесточенное военно-политическое противодействие Цинской империи. Хотя граница империи проходила более чем на 1000 км. южнее Амура¹, цинское правительство рассматривало Приамурье как сферу своего исключительного влияния [12, с. 141-142].

Ряд вооруженных конфликтов между китайскими войсками и отрядами казаков завершился в 1689 г. подписанием сторонами Нерчинского договора, который разделил владения России и Китая по р. Аргуни и проходившему к северу от Амура горному хребту, оставляя земли к востоку от р. Зеи неразграниченными. Впоследствии условия этого разграничения были в целом подтверждены Буринским договором 1727 г. [12, с. 180-182, 209-210].

Разграничение между Россией и Китаем, проведенное Нерчинским и Буринским договорами, и сохранявшее свою силу до середины XIX в., отличалось не только территориальной незавершенностью. Помимо сохранения в Приамурье обширного буферного пространства, принадлежность которого оставалась спорной, договоры 1689 и 1727 гг. не разрешили многих вопросов функционирования формально делимитированного участка границы. Этот участок долгое время не имел четкой демаркации на местности, что неоднократно приводило к взаимным противоречиям в толковании сторонами пределов реализации своих суверенных прав. Расплывчатость, неполная правовая оформленность российского и китайского суверенитетов в районе Аргуни и верхнего Амура, вместе со слабостью охраны проходивших здесь рубежей и неурегулированностью пограничного режима способствовали случаям перехода через российско-китайскую границу целых родов и племен местных жителей, менявших по тем или иным соображениям свое подданство. Кроме того, для правительств как Российской, так и Цинской империй было свойственно восприятие границы в качестве компромиссной и неокончательной, к вопросу о которой следовало бы вернуться при более благоприятных обстоятельствах. Вместе с тем, несмотря на время от времени возрастающую военно-политическую напряженность, данный участок границы постоянно оставался зоной активных контактов приграничного населения двух стран, которое, независимо от состояния межгосударственных отношений, было в высокой степени заинтересовано во взаимной торговле [12, с. 181-185, 208-214].

Общей предпосылкой описанного состояния российско-китайской границы в XVIII – первой половине XIX вв. была глубокая периферийность приграничных территорий в общественных системах Китая и особенно России, объективная оторванность этих районов от демографических, социально-экономических и социокультурных ядер обеих империй. Связь между центром и приграничьем, также как и существование самой границы в этих условиях поддерживались почти исключительно "сверху", т.е. на уровне военно-политических отношений.

В 60-х гг. XIX в. в истории дальневосточной границы России начинается следующий, второй, этап, продолжавшийся до 30-х гг. XX в. В результате подписания Айгуньского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров территориальное размежевание между Россией и Китаем завершается, и российско-китайская граница на Дальнем Востоке при-

¹ Примечательно, что точная фиксация и укрепление северной границы Цинской империи были осуществлены лишь в 70-х гг. XVII в., во многом как раз в ответ на появление в Приамурье русских [12, с. 114].

обретает в целом современные очертания. Необходимо отметить, что произведенное разграничение явилось не столько результатом предшествующего освоения сторонами земель юга Дальнего Востока, сколько следствием ситуативного обострения международных противоречий, появления непосредственной угрозы проникновения в регион таких колониальных держав как Англия и Франция. Разумеется, что подписанные при подобных обстоятельствах договоры не могли в короткие сроки качественно изменить характер пограничного взаимодействия двух стран.

В течение двух лет по заключении Пекинского договора российско-китайская граница на всем своем дальневосточном участке (от верхнего Амура до р. Туманган) получила довольно точно определенную демаркацию. Однако это не означало, что столь же точное и полное определение и разграничение получили суверенные права сопредельных империй. Причины такого положения вещей были различны и заключались как в добровольном "размывании" сторонами своего суверенитета, так и в юридическом несовершенстве достигнутых соглашений, а в некоторых случаях и в их произвольном и предвзятом толковании.

Пожалуй, наиболее заметным отступлением от принципов "линейной границы" был один из пунктов Пекинского договора, разрешавший свободную и беспошлинную меновую торговлю подданных России и Китая на протяжении всей пограничной линии. Основываясь на этом положении договора 1860 г., в 1862 г. представители двух государств подписали "Правила для сухопутной торговли", которые устанавливали беспошлинный порядок приграничной торговли на расстоянии 50-ти верст по обе стороны российско-китайской границы. Данные "Правила..." действовали затем в течение полувека, вплоть до своей отмены в 1913 г. [12, с. 254-255, 296]. Таким образом, российско-китайская граница длительное время в значительной мере не выполняла функции обеспечения экономической целостности и безопасности государств-соседей.

Другой особенностью российского суверенитета в приграничных районах Дальнего Востока был статус проживавших здесь китайских подданных. Айгунский и Пекинский договоры гарантировали оказавшимся после разграничения на территории России подданным Цинской империи неприкосновенность проживания и хозяйственной деятельности, не устанавливая каких-либо ограничений их дальнейшему переселению в регион. В результате численность оседлого и длительно пребывающего на РДВ китайско-подданного населения постоянно возрастала: если на 1858 г. оно составляло около 3,9 тыс. чел., то в 1869 г. насчитывало уже 12,8 тыс., в 1897 г. – 43 тыс., а в 1916 г. – 78 тыс. чел. [15, с. 85, 134]. Свободно приобретая в дальневосточном регионе землю¹ и недвижимость, китайские иммигранты, вместе с тем, обладали правами "экстерриториальности" и до 1883 г. были неподсудны российским судам. Обособленность существования китайской диаспоры еще более усиливалось ее высокой организованностью в виде самоуправляемых обществ, которые всесторонне регулировали жизнь своих членов вплоть до осуществления функций уголовного правосудия. Многие годы игнорируемые российскими властями, эти общества поддерживали негласные связи с государственными органами Цинской империи, а позднее Китайской Республики [20, с. 67-68].

Примером локального и, вместе с тем, наиболее полного ограничения российского суверенитета в приграничной полосе Дальнего Востока можно считать сохранение до конца XIX в. района компактного проживания китайско-подданных маньчжур в Амурской области. Населению этого маньчжурского анклава на левом берегу Амура близ впадения в

¹ До 1881 г. китайские и корейские иммигранты наравне с российскими подданными имели право на получение от казны 100-дес. надела [25, с. 97].

него Зеи, возникшего задолго до российско-китайского разграничения, согласно Айгуньскому договору 1858 г. было предоставлено право вечного проживания в данной местности с нахождением под юрисдикцией правительства Цинской империи. Впоследствии этот анклав разросся до 64 маньчжурских деревень, где оседло обитало несколько тысяч человек [10, с. 223; 23, с. 312].

Весьма слабым оставался в период с 1860-х по 1930-е гг. государственный контроль и над самой линией российско-китайской границы. Для налаживания регулярной охраны и функционирования протяженных рубежей обоим государствам остро не хватало финансовых средств и подготовленных кадров. В этих условиях российское правительство пошло по уже не раз проверенному в ходе создания в азиатской части страны укрепленных пограничных линий пути возложения охранных обязанностей на местное казачье население.

Охрана границы силами расселенных вдоль нее Амурского и Уссурийского казачьих войск действительно давала значительную экономии казенных средств и обеспечивала относительную защищенность приграничья от вторжений хунхузских банд. Однако добиться с помощью иррегулярных войск правильной организации пограничного режима было невозможно. Несшие пограничную службу казаки не имели ни профессиональной подготовки, ни мотивации, ни, порой, физической возможности для эффективного решения одновременно возлагавшихся на них задач таможенного, миграционного, паспортно-визового, карантинного и иного контроля. В итоге, в целом ряде аспектов, несмотря на принимавшиеся центральной и региональной администрациями меры, дальневосточная граница в продолжение всего дореволюционного периода оставалась прозрачной [5, с. 23-26; 17, с. 17-20].

С названными выше обстоятельствами была связана та интенсивность, с которой в период с 60-х гг. XIX по 30-е гг. XX вв. развивались российско-китайские трансграничные отношения. Как свидетельствуют исторические источники, уже в 60-е гг. XIX в. население по обе стороны границы было вовлечено в миграционный обмен и экономическое взаимодействие. Находившиеся в это время в тяжелом материальном положении уссурийские казаки нередко нанимались в батраки к своим китайским соседям. В 70-е гг. с повышением уровня жизни казачества эта практика стала уходить в прошлое, однако казаки по-прежнему в высокой степени зависели от китайского берега Уссури как источника товаров повседневного спроса [17, с. 17-18]. Посещение приграничных районов Китая с целями совершения купли-продажи, отдыха или развлечения оставалось обычным явлением казачьего быта вплоть до 20-х гг. XX в. [8, с. 72-73; 28, с. 276]. Определенное место в жизни казачества сохраняли и отношения с китайскими работодателями, которые приняли форму оказания услуг по охране и перевозке через границу коммерческих грузов [9, с. 81].

Еще более массовой, чем российская, в рассматриваемый период была китайская трансграничная миграция. Жители Поднебесной прибывали на РДВ поначалу как промысловики и торговцы, а позднее, с 90-х гг. XIX в., в качестве промышленных рабочих, а также сельхозработников и арендаторов. Последние оседали в основном в приграничной полосе, на душевых наделах, станичных и войсковых землях УКВ и АКВ. Только на территории УКВ, по неполным данным, в 1910 г. в "желтой", т.е. китайской и корейской, аренде находилось 7564 дес. земли [27, с. 79]. Общая же численность китайских, оседлых и временных, иммигрантов в дальневосточном регионе в 1910 г. достигла по некоторым оценкам 150 тыс. чел. [20, с. 66].

Экономическому взаимодействию жителей приграничья сопут-

ствовавали и устойчивые социокультурные контакты. Между казачьим и китайским населением существовали многолетние дружеские и даже брачные связи, многие казаки владели китайским языком. Исследователи отмечают наличие ряда китайских заимствований не только в материальной, но и в духовной культуре казачества [9, с. 81-82; 19, с. 75].

Значительная интенсивность трансграничных отношений между казачеством и китайским населением Маньчжурии была особенно заметна на фоне слабого развития социально-экономических связей между казаками и дальневосточным крестьянством. Развитию этих связей препятствовали как медленные темпы формирования на РДВ внутреннего рынка, так и сохранявшие свое значение до 1917 г. сословные барьеры. Сословные различия в образе жизни и хозяйственной деятельности казаков и крестьян региона усугублялись напряженностью в отношениях войсковых и общегражданской администраций, во многом спровоцированной проблемой т.н. "отвода Духовского". Подобное положение в начале XX в. побуждало многих публицистов обвинять дальневосточное казачество в том, что оно играет роль "проводника желтого влияния" в крае, одновременно препятствуя его плотному заселению и освоению российскими подданными [22, с. 102-103; 24, с. 77-78, 80-81].

Специфика функционирования российско-китайской границы в 1860-е – 1930-е гг. не может быть понята без учета некоторых особенностей сознания государственной администрации и, по крайней мере, части населения региона. До завершения русско-японской войны в различных strataх российского общества было распространено устойчивое мнение о неокончателности границ России в Азии. Это мнение зиждилось на представлении о кризисном состоянии китайской государственности и политико-экономической целесообразности закрепления России в Маньчжурии и на берегах незамерзающего Желтого моря. Прямым следствием такой установки являлось заметное пренебрежение интересами внутреннего развития РДВ и укрепления его рубежей. Поражения 1905 г. безусловно нанесли по этим экспансионистским ожиданиям сильный удар, но отнюдь не привели к полному отказу от них.

Все сказанное относительно состояния в рассматриваемый период российско-китайской границы с некоторыми оговорками можно отнести и к границе России с Кореей. Юридически установленная договором 1884 г., она отличалась такой же недостаточностью государственного контроля и проницаемостью и также способствовала появлению на российской территории многочисленной (до 100 тыс. чел. в 1917 г.) корейской диаспоры [26, с. 249], которая не имея в большей своей части российского подданства, тем не менее широко вовлекалась в экономические отношения с населением края [16, с. 80-83]. Среди особенностей же российско-корейской границы можно указать изначально более четкое территориальное разграничение суверенных прав сторон (не предполагавшее в частности создания каких-либо зон свободной торговли), и в основном однонаправленный характер трансграничных контактов, связанный с изоляционистской политикой Кореи, а позднее с оккупацией ее территории Японией.

Следует отметить, что за 70 лет, прошедших после заключения Пекинского договора, в состоянии дальневосточных границ России произошли определенные изменения. С 80-х гг. XIX в. российские власти все чаще начинают обращать внимание на то, что сложившаяся модель функционирования границы имеет свои негативные стороны. Практическим следствием этого стала целая серия законодательных и административных решений, направленных на ужесточение пограничного режима и укрепление российского суверенитета в Приамурье. В их числе можно упомянуть перевод китайских иммигрантов в юрисдикцию

российских судов (1883 г.), лишение иностранцев права селиться в приграничных местностях (1886 г.) и приобретать земли в Амурской и Приморской областях (1892 г.), запрещение нанимать иммигрантов на проводимые в крае казенные работы (1910 г.) [20, с. 67-68]. Параллельно с этим принимались меры по налаживанию иммиграционного учета, принятию оседлых иммигрантов в русское подданство, усилению контроля над китайскими и корейскими обществами [23, с. 162-168, 172-178; 25, с. 89, 103-104]. В 1900 г. ликвидируется маньчжурский анклав в Амурской области [10, с. 223-224]. В 1913 г. был отменен режим свободной и беспошлинной российско-китайской торговли в 50-верстной приграничной полосе [12, с. 296].

Однако и отзывы современников, и цифры официальной иммиграционной статистики говорят о том, что эффективность данной политики была незначительной. Жесткие запретительные и даже репрессивные меры государства по защите РДВ от иностранного проникновения не могли достичь своей цели в условиях слабости общественной структуры региона. Недостаточность внутреннего заселения и освоения Приамурья создавала вакуум, который неизбежно заполнялся постоянным притоком рабочих рук и товаров из-за рубежа, и в первую очередь из достигшей к концу XIX в. более высокого уровня демографического и экономического развития Маньчжурии. Достаточно сказать, что даже накануне Первой мировой войны рынок рабочей силы Приамурского края на 80% зависел от внешних трудовых ресурсов [23, с. 162].

Революционные события 1917 г. и установление на РДВ советской власти сами по себе не улучшили сложившегося положения. Более того, в период дезорганизации государственного управления, а затем строительства новой политической системы, дальневосточная граница становится еще более прозрачной, чем раньше. Возможно, что определенную роль в этом сыграло и характерное для большевистского руководства СССР в 20-е гг. стремление использовать дальневосточный регион в качестве плацдарма для экспорта революции в страны Восточной Азии. Как бы то ни было, пограничный режим на советско-китайской и советско-корейской границах оставался достаточно свободным, а иностранное присутствие в регионе весьма значительным: по переписи 1926 г. в Дальневосточном крае насчитывалось около 70 тыс. китайцев [6, с. 95] и 168 тыс. корейцев [18, с. 15].

Вооруженный конфликт на КВЖД в 1929 г. и японская оккупация Маньчжурии в 1931-32 гг. решительно изменили пограничную политику СССР на Дальнем Востоке. В 30-е гг. дальневосточная граница вступает в третий этап своей истории, продолжавшийся до конца 80-х гг. XX в. Его основным содержанием, на мой взгляд, стала попытка форсированного перехода от "широкого" к "линейному" типу границы. Судя по всему, начало этому процессу положило переосмысление советским руководством внешнеполитического значения дальневосточных рубежей страны. Отказ от миссии центра мировой революции в пользу концепции "осажденной крепости" отводил границе роль передовой оборонительной линии, нерушимой и непроницаемой преграды для любых враждебных проникновений. Задача обеспечения неприкосновенности собственных границ на Дальнем Востоке отныне приобрела для СССР большой политический вес, чем интересы внешней экспансии. Свидетельством этого стала продажа Маньчжоу-Го в 1935 г. КВЖД [13, с. 125], являвшейся с конца XIX в. главным символом и оплотом российского присутствия в Восточной Азии.

Иным, значительно более категоричным в 30-е гг. становится и понимание требований обеспечения государственного суверенитета. Проживающие в приграничье китайские и корейские иммигранты, в т.ч.

получившие советское гражданство, уже в силу своего происхождения начинают рассматриваться как потенциальные пособники японцев, как прямая угроза безопасности и целостности советского государства. Неустрашимость этно-расовой принадлежности иммигрантов правовыми средствами заставляет государство искать более действенные методы решения проблемы. В итоге в 1937 г. подавляющая часть китайского населения региона была выдворена в Китай, а корейского – депортирована в Казахстан и Среднюю Азию.

К концу 30-х гг. за счет дислокации на Дальнем Востоке крупных военных контингентов (до 570 тыс. чел. к 1939 г.), строительства укрепленных районов и усиления пограничной охраны дальневосточные границы СССР были поставлены под полный государственный контроль [1, с. 36; 2, с. 113-115]. При этом закрытие и милитаризация границы привели к тому, что она в значительной степени утратила свои социально-экономические функции. Таким образом, блок проблем общественного функционирования границы был просто "снят" с повестки дня.

Установление нового пограничного режима (по обе стороны и советско-китайской, и советско-корейской границы) разорвало плотную сеть трансграничных связей, сложившихся в предшествующие десятилетия. Кроме того, советское государство предприняло ряд мер по устранению социальных предпосылок для возобновления таких связей в дальнейшем. В 1933 г. 100-километровая полоса вдоль границы с Маньчжурией получила статус режимной зоны с ограничением права проживания в ней определенных категорий населения. В связи с этим в 1933 – 1934 и 1939 гг. из приграничной полосы Дальнего Востока в другие регионы страны были в массовом порядке депортированы социально и политически неблагонадежные лица, а также те, кто был замечен в каких-либо контактах с зарубежьем. Депортации, сократившие численность некоторых приграничных районов в 2 – 3 раза, нанесли особенно сильный урон амурскому и уссурийскому казачеству [1, с. 36; 29, с. 58-63]. Место выселенных заняли переселенцы из европейской части СССР.

Таким образом, в сравнительно короткий срок дальневосточные рубежи СССР по своим основным параметрам были превращены в границу "линейного" типа, в ее наиболее жесткой, милитаризированной форме. Несмотря на некоторые колебания, советское руководство оставалось верной этой пограничной политике и в последующем. Так, вновь получив в свое распоряжение после окончания Второй мировой войны КЧЖД и базу в Порт-Артуре, оно еще до середины 50-х гг. предпочло отказать от этих внешних опорных пунктов в пользу КНР [14, с. 89-91]. Ухудшение отношений с Китаем в 60-е гг., сопровождавшееся многочисленными пограничными провокациями, как казалось, подтвердило правильность внутренне-ориентированной, оборонительной стратегии СССР на Дальнем Востоке.

Если меры по военно-административному укреплению дальневосточной границы в период с 30-х по 80-е гг. XX в. можно оценить как достаточно успешные, то результаты изменения ее общественного статуса в это время оказались значительно более скромными. Развернутая с конца 20-х гг. политика интенсификации социально-экономического развития советского Дальнего Востока, включавшая в себя обеспечиваемое централизованным финансированием создание в регионе крупного индустриального и сельскохозяйственного производства и организацию массового переселения из европейских районов страны, вплоть до 60-х гг. проводилась в основном в соответствии с принятыми целевыми показателями. Однако позднее темпы ее реализации стали неуклонно снижаться [11, с. 23]. В итоге к концу советского периода в примыкавшей к границе южной части Дальнего Востока так и не удалось достичь не

только демографического, но и экономического баланса с сопредельными провинциями КНР. Безусловно, что огромную роль в этом сыграла объективная ограниченность всех типов ресурсов, которые советское государство могло направить на развитие своих восточных окраин. Однако среди причин такого итога нельзя не назвать и чрезмерную милитаризованность и закрытость дальневосточного региона, которые нанесли наиболее серьезный урон хозяйственному развитию именно приграничной полосы. Так или иначе, но, как показали дальнейшие процессы, низкая плотность демографического и экономического освоения приграничья явилась самым уязвимым местом "линейной границы", которая была создана на Дальнем Востоке в советский период.

Во второй половине 80-х гг. в исторической эволюции дальневосточных рубежей России наступает четвертый, современный, этап. Провозглашение в 1986 г. Горбачевым курса на ускорение развития дальневосточного региона в контексте его интеграции в экономические структуры АТР вылилось в принятие ряда весьма значимых по своим последствиям политических решений. В их числе, прежде всего, следует упомянуть советско-китайское соглашение 1988 г. о безвизовом пересечении границы, уменьшение численности сосредоточенных в регионе советских войск и начатый соглашением 1991 г. процесс урегулирования территориальных противоречий между КНР и СССР/РФ [2, с. 154-157; 3, с. 8].

Эти и некоторые другие шаги привели к резкому оживлению российско-китайской приграничной торговли и миграционного обмена: к 1993 г. торговый оборот (в сравнении с 1986 г.) увеличился более чем в 100 раз, а численность лиц, ежегодно пересекающих границу, достигла 1,5 млн. [3, с. 9]. Кроме того, Китай, наряду с другими государствами СВА (КНДР, Южная Корея, Япония) выразил заинтересованность в осуществлении крупных международных экономических проектов на приграничных территориях РДВ [4, с. 103, 106]. Однако очень скоро обнаружилось, что поспешное открытие РДВ внешнему миру создает для развития региона не только стимулы, но и серьезные риски. Степень либерализации условий трансграничного сотрудничества по существу превысила объективную способность региональной экономики участвовать в нем, в результате чего это сотрудничество грозило утратить свой взаимовыгодный характер. Модернизация пограничного режима в соответствии со стандартами развитых стран мира игнорировала фактически "развивающееся" состояние сопредельных территорий Китая и России, а также их значительное неравенство по широкому спектру социальных и экономических параметров.

Хотя к середине 90-х гг. XX в. Россия заняла более осторожную позицию в отношении международных проектов, которые (подобно "Тумангану") могли нанести тот или иной урон ее суверенитету и экономической целостности [4, с.144-147], российская пограничная политика на Дальнем Востоке по-прежнему остается для региона источником проблем. Несмотря на появление в 1990-е – начале 2000-х гг. определенной международной и национальной нормативно-правовой базы по вопросам пограничного взаимодействия, контроль российской стороны над функционированием границы с Китаем нельзя считать достаточным. Помимо большого числа преступлений, связанных с незаконным пересечением границы, контрабандой и уклонением от налогообложения, об этом свидетельствует отсутствие надежной и всеобъемлющей системы учета и регистрации иностранных мигрантов [21, с. 312-313, 316-320, 386-387], существование которой является непременным условием любого рода управления их активностью. На сегодня же значительная часть внутрироссийской и трансграничной экономической деятельности китайской диаспоры на РДВ находится вне поля зрения властей, что в

частности благоприятствует появлению различных теневых форм самоорганизации и самоуправления иммигрантов. Судя по всему, ведущее место среди причин слабости государственного контроля над ситуацией на границе и приграничных территориях в настоящее время принадлежит уже не столько его правовой необеспеченности, сколько недостатку институциональных механизмов, кадров и финансовых ресурсов.

Высокая степень экономической прозрачности российско-китайской границы способствовала тому, что одним из главных направлений интенсивно развивавшихся трансграничных связей стала формально неорганизованная "народная" торговля. В 90-е гг. в "челночную" торговлю (в основном с Китаем) было напрямую вовлечено около 30 тыс. жителей РДВ [21, с. 360], не считая значительного числа лиц, обслуживавших деятельность торговцев [10, с. 243-250]. Активность "челноков" явилась важнейшим фактором быстрого роста российско-китайской торговли, которая удовлетворяла большую часть потребительского спроса населения Дальнего Востока, необеспеченного отечественными товарами. Особую значимость трансграничная торговля получила в структуре занятости и потребления жителей приграничных районов региона. Здесь сформировались социальные группы предпринимателей и наемных работников, чьи экономические интересы и перспективы повышения материального благосостояния связаны с развитием скорее китайского, нежели российского производства и рынка. Складывание устойчивых трансграничных отношений и общностей служит одним из проявлений постепенного втягивания лишенного с начала 90-х гг. правительственной опеки РДВ в экономическое пространство КНР.

Несмотря на заверченный к 2004 г. процесс демаркации российско-китайской границы и заключенный между РФ и КНР в 2001 г. "Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве", в начале XXI в. стабильность разделяющих две страны рубежей все еще воспринимается как проблематичная. Декларирование "отсутствия взаимных территориальных претензий" на межгосударственном уровне [21, с. 83] отнюдь не является доказательством того, что этот вопрос потерял свою актуальность на уровне общественного сознания. Во всяком случае, в китайских СМИ продолжают появляться заявления о том, что проблема возвращения отторгнутых Россией у Китая территорий еще не решена [7, с. 48-49; 10, с. 154-155]. С другой стороны, неверие в то, что российско-китайская граница превратится в "границу вечного мира и дружбы", присуще значительной части населения РДВ. По данным опросов, проведенных летом 2003 г. в Приморье, Хабаровском крае, Амурской и Еврейской автономной областях, около половины опрошенных назвали китайскую политику источником угрозы интересам России и присоединились к мнению о наличии на РДВ китайской экспансии [21, с. 280-283]. Независимо от того, насколько обоснованы такие опасения, они безусловно вносят вклад в формирование в сознании дальневосточников представления о "временности" своего пребывания в регионе и являются одним из факторов, стимулирующих массовый отток его жителей в центральные районы России.

Подводя итог, можно отметить, что за последнее десятилетие XX в. в состоянии дальневосточной границы произошли кардинальные изменения, но результатом этих изменений, вопреки идеологии вызвавших их реформ, стал не прорыв в будущее, а достаточно полное воспроизведение ситуации начала прошлого века. Попытка перехода от "линейной" пограничной политики советского периода к "общечеловеческим" принципам международной открытости, сотрудничества и интеграции в конкретных условиях РДВ в значительной мере завершилась формированием традиционной для региона границы "широкого" типа. При этом,

если в начале XX в., в силу по крайней мере более высокого (в сравнении с Цинским Китаем) уровня индустриального развития России, "широкая граница" на Дальнем Востоке была еще способна обеспечить определенную сбалансированность обоюдных выгод сторон, то на рубеже XX – XXI вв. ее функционирование стало отвечать прежде всего интересам Китая, получившего возможность во многом беспрепятственной реализации на российской территории своего демографического, экономического и политико-управленческого превосходства.

Целью настоящего исследования было не только раскрытие того, в какой степени развитие такого региона как РДВ обуславливалось и обуславливается типологическими особенностями межгосударственной части его границ. Не менее важно, на мой взгляд, обратить внимание на постоянно проявляющуюся в истории РДВ проблему рассогласованности задач внешней и, как следствие, пограничной политики российского государства и объективных потребностей развития региональной общественной системы. Одной из главных производных этой проблемы и является столь характерная хроническая типологическая неадекватность дальневосточной границы стадияльному состоянию дальневосточного приграничья.

Литература

1. Абеленцев В.Н. Вехи истории амурского казачества в первой половине XX в. // Первая общероссийская научно-практическая конференция "Казачество как фактор исторического развития России". СПб., 1999. С. 35-37.
2. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI – XX вв. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М.: Наука, 2004. 600 с.
3. Безруков И.С. Горбенкова Е.В. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 208 с.
4. Бурлаков В.А. Проект "Туманган" и игра геополитических интересов в Северо-Восточной Азии в 90-е XX в. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2007. 224 с.
5. Буяков А.М. Казаки и охрана государственной границы в Южно-Уссурийском крае во второй половине XIX–начале XX вв. // Государственная служба российского казачества. Сб. мат. Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток: ППККГС, 1998. с. 22-27.
6. Витковская Г., Зайончковская Ж.. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М.: Гендальф, 1999. с. 80-120.
7. Гельбрас В. Китайский фактор внешней и внутренней политики России // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М.: Гендальф, 1999. с. 43-73.
8. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке // Труды ДВГУ. Сер. 3. Владивосток, 1929. № 9. Вып. 4. 115 с.
9. Иванов В.Д. Взаимоотношения уссурийских казаков с приграничным населением сопредельных территорий (вторая половина XIX–начало XX в.) // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток: ДВГМА, 1999. С. 75-83.

10. Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. Пер. с яп. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. 336 с.
11. Ивашинников Ю.К. Страны Япономорского региона и Китай. Экономическое развитие и экологические проблемы. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007. 172 с.
12. История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Кн. 1. Владивосток: Дальневосточное книж. изд-во, 1987. 424 с.
13. История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Кн. 2. Владивосток: Дальневосточное книж. изд-во, 1989. 452 с.
14. История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Кн. 3. Владивосток: Дальнаука, 2004. 344 с.
15. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII–начале XX вв. (1640–1917 гг.). М.: Наука, 1985. 260 с.
16. Киреев А.А. Корейские иммигранты и казачество на российском Дальнем Востоке: факторы и динамика взаимодействия (вторая половина XIX – первая треть XX вв.) // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. с. 78-86.
17. Киреев А.А. Уссурийское казачество и "желтый вопрос" // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, сотрудничество. 2001. № 2. С. 14-22.
18. Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во, 1993. 368 с.
19. Кутузов М.А. Уссурийские казаки: национальный состав социальной группы // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток: ДВГМА, 1999. С. 73-75.
20. Ларин А. Желтый вопрос // Родина. 1999. № 1. С. 66-71.
21. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
22. Лигин Ю. На Дальнем Востоке. М., 1913.
23. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. 370 с.
24. Отчет высочайше командированного на Дальний Восток по переселенческому делу товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1909.
25. Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке. 60–90-е годы XIX в. Владивосток: ДВО РАН, 2000. 304 с.
26. Приморский край: Краткий энцикл. справ. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1997. 596 с.
27. Труды Амурской экспедиции. Вып. 1. СПб., 1911. 288 с.
28. Труды Амурской экспедиции. Вып. 9. СПб., 1911.
29. Уссурийское казачье войско: история и современность / сост. В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток: Б. и., 1999. 120 с.

УДК 371.014.534.35(571.54)"19/20"

Г.Я. Тригуб

Общественная и частная благотворительность в городах Забайкалья в сфере народного образования (вторая половина XIX – начало XX в.)

The social and private philanthropy in the towns of Transbaikalia in the sphere of public education service (second half XIX – beginning XX century)

В статье рассматривается роль общественной и частной благотворительности в развитии системы народного образования в городах Забайкалья во второй половине XIX – начале XX века. Автор приходит к выводу, что в этой сфере органы городского самоуправления при поддержке местных меценатов в указанный период добились заметных успехов.

Ключевые слова: *городское самоуправление, Забайкалье, народное образование, общественная и частная благотворительность.*

In the article there is reviewed the role of social and private philanthropy in the development of system of public education service in the towns of Transbaikalia in second half XIX – beginning XX centuries. The author came to the conclusion that the bodies of municipal government and local philanthropists achieved appreciable successes in this sphere.

Key words: *municipal government, Transbaikalia, public education, social and private philanthropy.*

Образование было, пожалуй, одним из главных объектов общественной и частной благотворительности. Среди частных благотворителей были представители различных слоёв населения, однако ведущая роль, несомненно, принадлежала купечеству. В 1876 г. в Троицкосавске по инициативе купца М.А. Лушниковы открылось шестиклассное Алексеевское реальное училище с коммерческим отделением – первое в Забайкалье среднее учебное заведение для мальчиков. В августе 1897 г. на

средства купца М.В. Шишмакова была основана Троицкосавская женская приходская школа [3, с. 11–12]. В дальнейшем М.В. Шишмаков покровительствовал этому учебному заведению, которое стало носить его имя. Например, в 1904 г. он сделал взнос в размере 500 руб. на увеличение капитала Троицкосавской женской школы (НАРБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1/1025. Л. 61).

Первая верхнеудинская общеобразовательная женская школа, открытая в 1861 г. и спустя девять лет преобразованная в гимназию, помещалась в доме, пожертвованном верхнеудинским купцом Г.П. Фроловым [3, с. 11]. Особо можно отметить верхнеудинского мецената, купца П.А. Фролова, много сделавшего для развития города и народного образования. В 1901 г. он пожертвовал 10000 руб. на устройство здания городского училища, в 1902 г. – 1000 руб. на устройство физического кабинета в городском училище и 5000 руб. на постройку здания городского училища и ремесленного класса при нём (НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1823. Л. 5). Благое дело благотворительности не обошел стороной и его наследник – И.П. Фролов, пожертвовавший на образовательные нужды 43000 руб. [8, с. 29]. И.П. Фролов пожертвовал также дом для женской прогимназии. В 1896 г. им перечислено 10 тыс. руб. на содержание ремесленного класса при Верхнеудинском городском училище [14, с. 47]. В 1901 г. на устройство второклассной церковно-приходской школы и образцовой школы грамоты при ней купец И.П. Фролов пожертвовал 23500 руб. [8, с. 46]. Другой видный верхнеудинский меценат А.В. Овсянкин пожертвовал участок земли с домом в предместье за Селенгой для церковно-приходской школы, а также средства на содержание ремесленного класса при городском 3-классном училище и рукодельного класса при местной женской прогимназии [4]. Купеческий сын Ф.В. Машанов пожертвовал открывшейся городской библиотеке Верхнеудинска сочинения девяти писателей и подписку газеты "Нива" с приложениями на 1906 г. Благодаря его усердию и стараниям за Удой в предместье города была построена второклассная школа [14, с. 46]. Купцы А.К. Кобылкин и И.Ф. Голдобин в 1898 г. пожертвовали 3500 и 3000 руб. соответственно на переустройство 3-классного училища в 4-классное в связи с увеличением числа учеников в 2 раза. Как почётные попечители супруги И.Ф. Голдобин и Е.И. Голдобина (Кукель) выделяли средства на содержание Верхнеудинской женской прогимназии, Киренской женской прогимназии, церковно-приходской школы в предместье Верхнеудинска [8, с. 27, 29]. Ещё один меценат, Я.М. Домбровский, в 1909 г. передал Верхнеудинскому принадлежавшее ему деревянное здание для размещения народного училища (НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2955. Л. 6-7).

Много сделал для развития образования в родном Нерчинске купец М.Д. Бутин. На собственные средства в 1868 г. он открыл Софийское женское училище, пожертвовав каменное здание и значительную сумму на его развитие. По инициативе М.Д. Бутина в Нерчинске было открыто музыкальное общество, для которого он сделал первый взнос в 3000 руб. и предоставил для музыкальных занятий помещение. По завещанию М.Д. Бутина, скончавшегося в 1907 г., Нерчинск унаследовал роскошный дом Бутиных, огромный сад, здания магазинов с условием, что это имущество будет использовано городом для создания реального училища [26, с. 172; 9, с. 12]. Кроме того, Нерчинску переходило всё остальное имущество М.Д. Бутина, оцениваемое в 2 млн. руб. Половину вырученного капитала, оставшегося после уплаты долгов, было завещано использовать на содержание реального училища. За счёт другой половины и процентов с капитала надлежало содержать женскую прогимназию, открыть при ней приют для бедных девочек, содержать приходские школы Нерчинска, а также открыть ещё 10 школ в окрестных

деревнях [7].

Известна благотворительная деятельность купцов 1-й гильдии Я. Фризера и А. Новомейского, которые сыграли значительную роль в культурной жизни г. Баргузина. В течение ряда лет Я. Фризером были пожертвованы: 1600 руб. – на постройку училища, 1000 руб. – для постройки нового здания училища, 100 руб. – для оборудования ремесленного класса, 500 руб. – на общественную библиотеку, 300 руб. – Обществу вспомоществования учащимся. В 1912 г. он пожертвовал населению Баргузина принадлежавшие ему усадьбу и землю стоимостью в 7–8 тыс. руб. Абрам Новомейский и его сыновья являлись организаторами и благотворителями еврейско-русского училища в Баргузине. Ежегодно вместе с Я. Фризером они перечисляли училищу по 300 руб. [12, с. 142–145].

Периодически купцы организовывали благотворительные вечера. Как правило, на вечерах устраивалась продажа шампанского, вина, кофе, чая, открыток, цветов. Сбор поступал в пользу учебных заведений и учащихся. Например, в 1905 г. верхнеудинским купечеством был организован бал-базар в пользу прогимназии, к которому изготовили декорации, зал и кабинеты украсили цветной тканью и искусственной зеленью. Перед началом был дан концерт, затем состоялись танцы, была организована продажа лотерейных билетов, которые шли нарасхват. За один вечер собрали 2000 руб., которые пошли на постройку каменного здания для прогимназии и открытие в ней шестого класса [1].

Нередко лица, обладавшие значительным капиталом, содержали за свой счёт целые учебные заведения. На частные средства были открыты и содержались: 2-классная школа им. Фролова в Верхнеудинске, коммерческое училище баронессы Розен в Чите, женское училище на средства С. Шишмарева в Троицкосавске, три приходских училища на средства братьев Зензиновых в Нерчинске и др. [21, с. 27].

Городские самоуправления всемерно поощряли частную благотворительность, выражая благодарность от имени городского общества, а также ходатайствуя перед вышестоящими властями о награждении меценатов. Так, 15 сентября 1900 г. на очередном заседании Верхнеудинской городской думы была выражена благодарность А.В. Овсянкину. В приветственном адресе говорилось: "Нельзя обойти молчанием той пользы, которая принесена Вами личным своим участием делу народного образования...". От предложения установить его портрет в зале заседаний думы и учредить стипендии его имени А.В. Овсянкин отказался (НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1441. Л. 59-60). Верхнеудинская городская дума не оставляла без внимания также отца и сына Фроловых, выражая им неоднократно благодарность. В 1898 г. И.П. Фролов с высочайшего соизволения был удостоен звания почётного гражданина Верхнеудинска и награждён серебряной медалью на Станиславской ленте для ношения на шее, а городская дума в знак особой признательности его благотворительных заслуг решила повесить его портрет в зале заседаний. В память же о деяниях его отца, также удостоенного звания почётного гражданина, при Верхнеудинском реальном училище была учреждена стипендия "имени жертвователя Петра Аввакумовича Фролова", выплачивавшаяся за счёт частных пожертвований [3, с. 12-13]. Часто получали награды супруги Голдобины, много жертвовавшие на нужды Верхнеудинска. И.Ф. Голдобин был награждён званием почётного гражданина с правом ношения мундира с воротником, шитым золотом. Е.И. Голдобина (Кукель) неоднократно удостоивалась благодарности, в том числе императора, в 1898 г. получила вензельный знак ведомства императрицы Марии Федоровны для ношения на правой стороне груди, была пожалована за благотворительную деятельность в сфере образова-

ния подарком – браслетом и брошью с бриллиантами [8, с. 27; 14, с. 46]. Наследник И.Ф. Голдобина, купец 1-й гильдии Н.И. Голдобин в 1884 г. "по Всемилостивейшему соизволению" был удостоен золотой медали на Станиславской ленте для ношения на шее, в дальнейшем за свои заслуги награждался также орденом Св. Станислава 3-й степени, золотой медалью с надписью "За усердие" на Аннинской ленте для ношения на шее, орденом Св. Анны 3-й степени [14, с. 45-46]. Сын купца 2-й гильдии, мещанин Ф.В. Машанов за свои труды и усердие на ниве образования в 1897 г. был награждён серебряной медалью на Александровской ленте для ношения на груди в память царствования императора Александра III, а в 1904 г. получил грамоту за подписью Мефодия, епископа Забайкальского и Нерчинского [14, с. 46]. Собрание еврейской общины г. Баргузина избрало местных благотворителей Я. Фризера и А. Новомейского почётными членами еврейско-русского училища и удостоило чести разместить там портреты обоих [12, с. 142-145]. За своё служение обществу купец 1-й гильдии М.Д. Бутин удостоился звания потомственного почётного гражданина г. Нерчинска, орденов Св. Станислава 2-й и 3-й степени и Св. Анны 3-й степени, серебряных и золотых медалей ряда научных обществ (ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 1863. Л. 15; Д. 5512. Л. 9-13).

Не менее заметной, чем частная, была общественная благотворительность. Большое распространение в Забайкальской области получило участие её жителей в Обществах попечения о начальном образовании, деятельность которых наиболее ярко можно показать на примере г. Нерчинска. Устав нерчинского Общества попечения о начальном образовании был утверждён министром внутренних дел 30 мая 1890 г., а 25 ноября того же года состоялось первое собрание его членов под председательством городского головы. Был избран Совет в составе председателя, его заместителя, 5 членов и 5 кандидатов.

Первый год деятельности Общества совпал с визитом цесаревича Николая в г. Нерчинск, во встрече которого его члены принимали самое активное участие, обращались к нему с приветствием. Цесаревич высоко оценил общественную жизнь города и в знак особого благоволения к Обществу попечения о начальном образовании передал на его нужды 300 руб. через барона А.Н. Корфа, генерал-губернатора Приамурского края.

Ободренное высокой милостью наследника, Общество с большим воодушевлением продолжило свою деятельность. Советом в 1891 г. было разослано 245 писем с приглашением вступить в Общество. При этом они рассылались не только по Забайкалью, Приамурью, но и в другие регионы России, а также соотечественникам, проживавшим в Китае. В результате Общество, первоначально состоявшее из 97 жителей Нерчинска, пополнилось иногородними членами в количестве 287 человек. Это позволило пополнить капитал Общества, составлявший к его открытию 2038 руб. Членами Общества было дополнительно пожертвовано 1750 руб. Мещанское общество г. Нерчинска не поскупилось на дело развития начальной школы и уведомило через своего старосту А.Л. Клепикова, что оно готово пожертвовать 1000 руб. Городская управа передала в распоряжение Общества две вкладные книжки Нерчинского ссудно-сберегательного товарищества на стипендии. Кроме того, разными лицами в пользу Общества было пожертвовано 92 руб., на одежду и обувь беднейшим ученикам собрано 326 руб. 45 коп. Таким образом, Общество попечения о начальном образовании г. Нерчинска на 1 февраля 1892 г. располагало уже капиталом в 7000 руб. 8 коп. [17, с. 1-18]. Средства Общества пополнялись и в дальнейшем. Например, в 1894 г. Нерчинский мещанин М.М. Телятьев после смерти оставил капитал в деньгах, про-

центных бумагах, золоте и серебре, оценивавшийся в 2,5–3,5 тыс. руб. Проценты с этого капитала он завещал расходовать на покупку одежды и обуви беднейшим ученикам нерчинских училищ [18, с. 1-12]. На 1 января 1902 г. капитал Общества составлял 2570 руб. 90 коп., а на 1 января 1903 г. – 2611 руб. 51 коп., а с учётом капиталов стипендий, движимого и недвижимого имущества – 20278 руб. 30 коп. и 31336 руб. 87 коп. соответственно [20, с. 8-11].

Наличие средств позволяло Обществу осуществлять разнообразную и эффективную деятельность. Так, по решению собрания Общества, принятому в 1892 г., было открыто училище с ремесленными классами, на содержание которого выделено 750 руб. в год. Из этой суммы 400 руб. составляли расходы на жалование учителю, 100 руб. – на жалование законоучителю, 200 руб. – на наём квартиры, 50 руб. – канцелярские и другие расходы [17, с. 1-18]. В 1894 г. содержание опекаемого Обществом приходского училища, в котором обучалось 43 ученика, составило 839 руб. 6 коп. в год. По инициативе Общества в 1894 г. при училище была открыта переплётная мастерская, в которой 21 ученик овладевал навыками переплётного дела. В этом же году было принято важное решение – о строительстве нового здания училища, сметная стоимость которого равнялась 2000 руб. По 500 руб. для этой цели выделили из своих средств Общество и городское самоуправление, 1000 руб. пожертвовал почётный блюститель училища Е.М. Переломов. Помимо содержания приходского училища, Общество оказывало помощь и другим учебным заведениям города, а также беднейшим ученикам и ученицам. Например, в 1894 г. материальная поддержка была оказана 9 ученикам прогимназии, 52 ученикам уездного училища, четырёх приходских школ и школ грамотности (15% всех учащихся Нерчинска). Для них было приобретено 24 халата, 20 рубашек, 20 брюк, 21 шапка, 21 пара сапог, 45 пар валенок, 5 пар рукавиц, 3 кушака, 9 платьев и 2 шубы на сумму 227 руб. 73 коп. [18, с. 1-12].

Регулярно публикуемые отчёты о деятельности Общества способствовали тому, что все его члены, общественность города знали о том, чем занимался Совет, какие проблемы стояли перед Обществом, кто и какие средства жертвовал на развитие школ города. Данное обстоятельство обеспечивало широкое содействие начинаниям Общества.

Во многом благодаря общественной и частной инициативности и благотворительности к 1888 г. в Забайкальской области насчитывалось 74 начальных училища, где обучалось 2533 человека. Наибольшее количество начальных училищ находилось в Нерчинском округе – 21, в Нерчинско-Заводском их было 14, в Троицкосавском – 17, в Читинском и Верхнеудинском – по 11 в каждом [13, с. 177]. В 1895 г. в Забайкальской области существовало уже 313 начальных школ, в которых насчитывалось 9082 учащихся [11, с. 396]. Вместе с тем даже в начале XX в. большинство детей по-прежнему не имело возможности получить начальное образование. Рост числа учебных заведений не успевал за ростом населения. Вот как об этом сообщает инспектор народных училищ в докладной записке от 1 сентября 1905 г.: "Наступил учебный год. Вместе с ним наступили и мытарства детей, желающих учиться... Во всех 9 училищах, находящихся в г. Верхнеудинске, обучается до 1000 детей. Следовательно, 300–400 детей, хотя и стучатся в школьные двери, но напрасно. Получают отказы за неимением мест... А дети вместе с родителями все ходят и просят в школу. Такие просьбы, даже больше – мольбы, были и прежде, но теперь они особенно усилились в виду численного роста города" [25, с. 9]. По данным статистического бюро Читинской городской управы, в 1909 г. детей школьного возраста насчитывалось 4200 человек, из них в школах и других учебных заведениях города обучалось

1800 человек. Значит, за бортом системы образования находилось 2400 человек обоого пола, т. е. 57% всех детей школьного возраста [15, с. 43]. В других городах Забайкалья (и Дальнего Востока в целом) положение дел было аналогичным. Основной проблемой было недостаточное государственное финансирование системы начального образования.

Большие надежды по улучшению ситуации возлагались на реализацию закона "О всеобщем начальном образовании", принятого Государственной думой в 1908 г. В частности, на заседании Читинской городской думы в августе 1908 г. было намечено в ближайшие 10 лет открыть в городе ещё 48 начальных школ в дополнение к имевшимся 12 городским начальным училищам и 24 школам духовного и железнодорожного ведомства, что позволило бы охватить начальным обучением всех детей школьного возраста. Планируемые расходы из расчета 15 тыс. руб. на 1 школу на 150 мест предполагалось покрыть за счёт городских и государственных средств. Читинская городская дума наметила расходы на ближайшее десятилетие на открытие начальных школ в размере 100 тыс. руб. из городского бюджета. Предполагалось, что из государственного казначейства будет выделено 200 тыс. руб. [15, с. 42-43]. Однако эти планы не были реализованы по причине начавшейся Первой мировой войны.

Значительную помощь городские самоуправления, сословные общества, частные лица оказывали средним образовательным учреждениям. Например, в 1873 г. кяхтинское купечество выступило с ходатайством об открытии в г. Троицкосавске реального училища с коммерческими классами, пожертвовав на его открытие 9 тыс. руб. В итоге долгой переписки в 1876 г. решение об открытии реального училища было принято. Государственное казначейство в связи с этим обязалось выделять 12600 руб. в год. К тому времени капитал, пожертвованный кяхтинским купечеством, составлял 36960 руб. векселями и 282 руб. кредитными билетами. По решению торгующего в Кяхте купечества на счёт запасного общественного капитала были приняты также следующие расходы: дополнительные выдачи к жалованию директору училища Кехеру по 700 руб. в год в течение 5 лет; подъёмные всему преподавательскому и обслуживающему составу на общую сумму 5 тыс. руб.; расходы на содержание училища по январь 1877 г. в размере 6 тыс. руб. Торжественное открытие Троицкосавского реального училища состоялось 19 сентября 1876 г., в честь чего в Троицком соборе были отслужены литургия и молебен за здоровье императора (НАРБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 60. Л. 2, 3, 9, 51). Благотворительность кяхтинского купечества позволила также открыть в Троицкосавске женскую гимназию, на организацию которой были пожертвованы деревянный дом стоимостью 14250 руб., 10 тыс. руб., проценты с основного капитала и библиотека (НАРБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 275. Л. 156).

Появление в 1906 г. первого среднего мужского учебного заведения в Верхнеудинске также стало возможным благодаря благотворительности. Министерство просвещения, дав разрешение на открытие Верхнеудинского реального училища, отпустило средства на его содержание в весьма ограниченном размере. Их едва хватало на организацию учебного процесса, а требовалось ещё помещение для училища. Проблема была решена, когда верхнеудинский купец П.А. Фролов пожертвовал свой двухэтажный каменный дом под училище. Дополнительные средства на содержание реального училища дали добровольные пожертвования граждан и плата за обучение [25, с. 9-13].

Очевидно, что без материальной помощи попечителей, благотворителей и общественной помощи учебные заведения Забайкалья едва ли могли бы функционировать в полной мере. Так, содержание Верх-

неудинской женской прогимназии в 1890 г. обходилось в 5500 руб. Из городской казны выделялось 3185 руб., 900 руб. давала плата за обучение, 500 руб. составляло пособие от почетной блюстительницы, 300 руб. приносили частные пожертвования и лишь 700 руб. поступало из государственного казначейства (**НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 750. Л. 14, 15**). В 1892 г. на содержание учебных заведений Верхнеудинска из городской казны отпускалось 5781 руб. 58 коп. (в то время как в 1878 г. всего 1767 руб.). Указанные средства распределялись следующим образом: Иркутской учительской семинарии – 100 руб., 1-му приходскому училищу – 800 руб., 2-му приходскому училищу – 650 руб., 3-му приходскому училищу – 799 руб. 96 коп., женской прогимназии – 2919 руб. 58 коп. (**НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 924. Л. 4-3**). По данным отчёта директора народных училищ Забайкалья В. Попова, в 1912 г. на открытие каждого начального училища выделялось из казны 500 руб. Для полноценного его функционирования было необходимо изыскивать еще 140 руб. в виде частных пожертвований, чаще общественных сборов с населения [**22, с. 42-47**].

В городах Забайкалья были созданы и успешно работали специальные благотворительные общества, оказывавшие социальную поддержку учащимся из бедных семей. Они оплачивали полностью или частично учёбу учеников из бедных семей, обеспечивали их учебной литературой, одеждой, оказывали единовременную материальную помощь [**16, с. 142-143; 21, с. 96**]. В Верхнеудинске, Троицкосавске и Баргузине такого рода благотворительное учреждение именовалось Обществом вспомоществования бедным учащимся. С 90-х гг. XIX в. в областном центре существовало Общество вспомоществования учащимся в читинских гимназиях и прочих учебных заведениях. В Нерчинске заботу о социальной помощи учащимся взяло на себя, как уже отмечалось, Общество попечения о начальном образовании.

Аналогичную поддержку оказывали своим членам сословные общества. Например, Верхнеудинская мещанская управа вносила плату за обучение детей из необеспеченных мещанских семей, и при ухудшении материального положения мещане обращались в управу с прошениями об освобождении от платы за обучение (**НАРБ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 11**). В 1899 г. на собрании управы были учреждены 10 стипендий им. А.С. Пушкина по 10 руб. для детей малообеспеченных граждан (**НАРБ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 17. Л. 1**).

Учреждение стипендий практиковали также городские самоуправления. Например, Читинская городская дума в память о 100-летнем юбилее Н.В. Гоголя учредила стипендии его имени и в марте 1909 г. рассматривала два прошения – дочери умершего канцелярского служащего Е.И. Стерьховой и студента 2-го курса медицинского факультета Томского университета Н.Г. Новоселова, которые нуждались в предоставлении городских стипендий для продолжения учёбы в вузах [**10, с. 18-27**]. В г. Верхнеудинске по случаю празднования 300-летия дома Романовых были учреждены две стипендии по 150 руб. для обучающихся в высших учебных заведениях (мужском и женском), а также стипендия имени И. Сусанина в городском 4-классном училище (**НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2768. Л. 166**).

Ещё одна форма благотворительности, к которой прибегали городские самоуправления, как правило, тоже по случаю празднования знаменательных дат, – это выписка книг для учебных заведений в учебные библиотеки. Выписывались книги духовного содержания, художественная литература (Андерсен, Твен, Гоголь, Пушкин, Дефо, Диккенс), книги по отечественной истории, исторические очерки о русских царях (Михаиле Фёдоровиче, Петре Великом, Александре II), литературу-

ра по географии и естествознанию (НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2648. Л. 13-16.).

Предметом особой заботы являлось обеспечение школ Забайкалья квалифицированными педагогическими кадрами и улучшение положения учителей. В официальном письме от 21 июня 1866 г. Главного управления Восточной Сибири забайкальскому военному губернатору отмечалось, что "дело обучения в приходских школах идет неуспешно, главным образом, из-за недостатка учителей, достаточно подготовленных к педагогическому служению. Зачастую на учительские места допускаются лица не только не подготовленные, но и совершенно невежественные, а иногда с испорченной нравственностью... – чиновник, уволенный со службы, семинарист, исключённый за дурное поведение" (НАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1643. Л. 3). В связи с этим Главное управление Восточной Сибири предложило учредить совместными усилиями в г. Иркутске учительскую семинарию для подготовки учительских кадров для приходских училищ. Для изыскания средств предлагалось городским, сельским и инородческим обществам вносить по 50–150 руб. в год для развития семинарии, а также отправлять собственных стипендиатов для обучения (НАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1643. Л. 6).

Разумеется, одной семинарии было недостаточно для подготовки учителей в столь обширном крае. В 1900 г. открылась учительская семинария в г. Чите, в 1917 г. было получено разрешение правительства открыть учительские семинарии в Верхнеудинске и Сретенске. Учителей также готовили специально созданные дополнительные классы в женских гимназиях и епархиальном женском училище. При городских училищах были организованы годичные педагогические курсы, на которых обучали учителей начальных училищ [13, с. 181].

С целью укрепления правового, социального, материального положения учителей 14 августа 1907 г. было образовано Общество взаимопомощи учащим и учившим в Забайкалье, которое являлось отделением Всероссийского учительского союза [5]. В газете "Забайкальская новь" от 22 августа 1907 г. был опубликован Устав Общества. Главными задачами провозглашались: защита правовых интересов учителей, удовлетворение духовных потребностей, улучшение материального положения, организация доступной юридической, медицинской помощи, государственное страхование. Устав Общества предусматривал организацию кассы взаимопомощи для оказания срочной социальной помощи нуждающимся учителям [6].

В результате принятых мер количество учителей в Восточной Сибири резко возросло и в начале XX в. составляло 2565 чел. Увеличилась заработная плата. Так, по данным 1917 г., "старшие учителя двухклассных училищ получали жалованье по 700 руб., а младшие – по 530 руб. в год. В виду дороговизны жизни каждый из них получал добавочные средства в 150 руб. в год" [13, с. 181].

В Забайкальской области, как и в целом в Сибири и на Дальнем Востоке, не хватало не только квалифицированных учителей, но и специалистов в других областях, особенно с высшим образованием. Благотворительные общества помогали решать эту проблему путём оказания помощи студентам, выходящим из Сибири и Дальнего Востока, обучающимся в столичных вузах России. К ним относились учрежденные в 1884 г. по ходатайству иркутской интеллигенции Общество для пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам, учащимся в вузах Москвы, и Общество вспомоществования учащимся в вузах Санкт-Петербурга и Москвы сибирякам [2; 24, с. 85]. Инициатива иркутян была поддержана интеллигенцией других городов Восточной Сибири. Так, в 1885 г. членами Общества вспомоществования учащимся в вузах Санкт-Петербурга и

Москвы сибирякам являлись в Иркутске – 101 чел., в Красноярске – 14, в Забайкалье – 16. За период с 1885 г. по 1891 г. в его рядах состояло 733 чел. [19, с. 17]. Взносы членов Общества, сборы пожертвований, деньги, вырученные от проведения спектаклей, литературных вечеров, составляли средства, которые шли на оказание помощи студентам. Правда, со временем активность жителей Восточной Сибири постепенно снизилась. Можно предположить, что причины были в довольно высоких взносах (6 руб. в год) и в отсутствии ощутимых результатов деятельности. В 1893 г. в Обществе вспомоществования учащимся в вузах Санкт-Петербурга и Москвы сибирякам числились всего 58 чел., а в Обществе для пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам, учащимся в Москве, из 254 членов осталось 49 чел. [19, с. 96].

Существенной помощью неимущим студентам были казённые и частные стипендии и премии. В центральных вузах практиковалось назначение именных стипендий: императора Александра II, известного ученого-историка С.М. Соловьёва, мецената С.М. Третьякова, председателя Совета Министров С.Ю. Витте и др. Стипендии могли быть регулярными и единовременными, их средний размер составлял 250–300 руб. в год. В Московском университете, помимо 600 различных стипендий, выдавались премии за успешные работы, сочинения, пособия [23, с. 51, 89, 123].

Известны случаи, когда именные стипендии учреждались благотворителями в честь памятных событий. Так, в память о заключении Айгуньского русско-китайского договора 1858 г. кяхтинское купечество решило за свой счёт в течение 15 лет содержать и обучать на китайско-маньчжурском отделении восточного факультета Санкт-Петербургского университета двух стипендиатов, которые должны были избираться из наиболее способных учащихся Иркутской гимназии без различий вероисповедания и происхождения. Эти стипендии стали носить имя графа Н.Н. Муравьева-Амурского (НАРБ. Ф. 92. Оп. 3. Д. 120. Л. 23). Одним из таких стипендиатов был Алексей Кормазов, выходец из Кяхты. В счёт именной стипендии Н.Н. Муравьева-Амурского 20 сентября 1861 г. ему были выданы кормовые и прогонные деньги в сумме 321 руб. 71 ³/₄ коп. серебром для поездки из Кяхты до Санкт-Петербурга, а также уплачено 528 руб. за год обучения (НАРБ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 418. Л. 6, 9, 11). Стипендиатом мещанского общества г. Читы являлся студент Санкт-Петербургского высшего художественного училища Бархин. 20 мая 1907 г., заслушав на общем сходе благодарственное письмо стипендиата землякам за ежемесячную стипендию в размере 20 руб., мещанское общество удовлетворило просьбу Бархина о продолжении выдачи стипендии ещё на один год, до окончания курса обучения [7].

Таким образом, общественная и частная благотворительность в сфере образования носила различные формы и была довольно значительной. Прибегать к помощи меценатов органы самоуправления городов Забайкалья были вынуждены вследствие недостаточного финансирования системы образования государством и ограниченности городских средств. На начало XX в. в уездном городе на образование выделялось в среднем 1,85 коп. на одного жителя, а в областном – 0,8–1,0 коп. [21, с. 26]. Однако полностью решить проблемы образования за счёт благотворительности не представлялось возможным.

Литература

1. Вернеудинский листок. 1905. 26 янв.
2. Восточное обозрение. 1884. 3 мая.
3. Голубев Е.А. Былого память воскрешая: Историко-краеведческие очерки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2004. 288 с.
4. Дамбаева З.Ф. Был голова на месте // Правда Бурятии. 1996. 13 мая.
5. Забайкальская новь. 1907. 21 авг.
6. Забайкальская новь. 1907. 22 авг.
7. Забайкальская новь. 1907. 22 мая.
8. Замула И.Ю. Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875 – февраль 1917 гг.). Иркутск: Изд-во "Облмашинформ", 2001. 208 с.
9. Земли родной минувшая судьбина. История города Нерчинска в документах ГАЧО. Чита, 2003.
10. Известия Читинской городской думы январь-июнь 1909 г. Чита: Б. и., 1909.
11. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) / АН СССР. Дальневост. отд-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока; Редкол.: А.И. Крушанов (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1991. 471 с.
12. Кальмина Л.В. Сибирский золотопромышленник и меценат Яков Фризер // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 142-145.
13. Константинова Т.А. Народное образование в XVIII – начале XX века // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: В 4-х т. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2000. С. 175-182.
14. Купечество города Верхнеудинска // Троицкое слово Забайкалья: Духовный историко-краеведческий альманах. 2005. № 4. С. 44-47.
15. Обзор деятельности за четырёхлетие 1906–1909 гг. Читинского городского управления. Чита: Б. и., 1910.
16. Обзор Забайкальской области за 1910 г. Чита: Б. и., 1911.
17. Отчёт за 1891 г. Общества попечения о начальном образовании г. Нерчинска. Год первый. Нерчинск: Б. и., 1892.
18. Отчёт за 1894 г. Общества попечения о начальном образовании г. Нерчинска. Чита: Б. и., 1885.
19. Отчёт Общества вспомоществования учащимся в вузах Санкт-Петербурга и Москвы сибирякам. 1893–1894 гг. СПб.: Б. и., 1895.
20. Отчёт Общества попечения о начальном образовании в Нерчинске за 1902 и 1903 гг. Чита: Б. и., 1904.
21. Паликова Т.В. Культура городов Прибайкалья (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Часть 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1999. 117 с.
22. Памятная книжка Забайкальской области за 1912 год. Чита: Б. и., 1912. 27 с.
23. Сборник сведений о стипендиях, пособиях и премиях, находящихся при Московском университете. М.: Б. и., 1910. 237 с.
24. Севостьянова Е.В. Общественная инициатива и культурная жизнь Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: Диссертация... канд. ист. наук. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1998.
25. Семина Г.М. Из истории города Улан-Удэ: Документы и фотографии. – Улан-Удэ: Священный Байкал, 1995. 32 с.
26. Швец Е.Г. Забайкальское купечество во второй половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2002. 259 с.

УДК 796.81(5-012)

Р.В. Гвоздев

Образ зверя в воинских искусствах народов Восточной Азии

Animal image in military arts of East Asia`s tribes

В статье рассматривается влияние образа животного как покровителя воина и охотника на физический и психологический аспекты воинской подготовки. Изучение данной проблемы позволяет автору выявить сходные элементы в боевых искусствах народов Восточной Азии.

Ключевые слова: *воинские искусства, Восточная Азия, образ, ритуал, традиционная культура.*

In the article influence of animal image as protector of warrior and hunter on physical and psychological aspects of warrior training is considered. The similar elements in military arts of East Asia`s tribes are revealed.

Key words: *military arts, East Asia, an image, the ritual, traditional culture.*

Исторически интерес человека к поведению животного был естественным. Если рассматривать сферу единоборств, то, прежде всего, людей интересовало поведение животного в схватке, в которой один обязательно был охотником, а другой жертвой. Умение нападать и защищаться, выслеживать и маскироваться было, прежде всего, вопросом жизни и смерти не только для животного, но и для человека. Подражание повадкам животного условно можно разделить на две составляющие. Первая повторяет внешние формы, такие как манера передвижения, поведение в схватке. Вторая перенимает боевой дух животного, его бескомпромиссность и решительность в экстремальной ситуации. Воин перед сражением мог, как бы воплотиться в зверя. Именно с перевоплощением связан обычай одевать звериную шкуру. Сравнение охотника или воина с хищником имеет очень древние корни и находит своё отра-

жение в фольклоре.

Позднее китайские мастера боевых искусств разработали так называемые звериные стили ушу. Но корни этих стилей уходят в глубокую древность. Они вышли из ритуальных танцев, посвящённых тотемным животным.

У народов Сибири и российского Дальнего Востока можно проследить влияние образа зверя на воспитание воина по трём видам источников. Это игры, ритуальные танцы и фольклор. Игра с детства сопутствовала воспитанию человека. Понятия война и охота были тесно взаимосвязаны. Поэтому для того, чтобы стать воином, достаточно было получить охотничьи навыки. Вообще роль игры в жизни наших коренных народов трудно переоценить. Даже у взрослых при проведении реального поединка использовалась игровая терминология. При выяснении способа проведения спрашивали: "В какую игру станем играть?" Одной из самых популярных игр была, конечно же, игра "в охоту" [4, с. 254]. Например, удэгейцы играя в медвежью охоту, получали практические навыки владения копьём и рогатиной. Мальчик, исполняющий роль медведя выбирался из числа наиболее крепких. Он надевал медвежью шкуру и копировал своим поведением повадки животного. Иллюстрирующие охотников мальчики вначале будили и вызывали "зверя" из берлоги, затем кололи его копьём. В их задачу входило прижать "медведя" копьями к земле. Переодетый в медведя мальчик старался поломать копьё и повалить охотников. Также проводились игры в охоту на кабана. Полученные таким образом навыки закреплялись во время совместных учебных поединков. Для защиты от укусов копьё применялись травяные панцири [4 с. 255].

Хорошим примером включения зверя в воспитание охотника воина может служить медвежий праздник. Праздник начинался с медвежьих игр, во время которых медведя водили по улице и смельчаки упражнялись в искусстве борьбы со зверем. Каждый из участников старался проявить как можно большую ловкость в этом состязании. Вот как описывает единоборство с медведем Шренк Л.И.: "...воспользовавшись минутой, когда страшный зверь поднялся на задние ноги, один гилык бросается к нему спереди и изо всех сил стискивает шею руками. В тот же самый момент другой связывает морду. Одновременно кидаются на зверя сзади, опутывают ему петлями задние ноги, оттягивают их назад и крепко держат, прижимая к земле... Благодаря такому быстрому и единодушному образу действий медведь в мгновение ока оказывается совершенно обезоруженным... Окончив всё это, гилыки разом отскакивают от медведя и в один миг распускают все узлы и петли, которыми они с таким искусством опутали его лапы и морду" [9, с. 71]. У арктических охотников на морского зверя существовала игра "Уккаль" – соревнование в бросании гарпуна. Проводилась она на "Празднике Благодарения Кита". Целью для метания служил череп гренландского кита или чучело нерпы. Если гарпун не втыкался, а падал плашмя, бросок не считывался. Сделавший неудачный бросок выбывал из дальнейшего соревнования [9, с. 44]. В целом, подвижные игры имели практическую направленность, так как из юноши, прежде всего, должен был получиться хороший охотник. У эскимосов молодой человек не мог жениться до тех пор, пока не стал настоящим охотником.

В фольклорных сюжетах содержится информация о родстве людей и животных. Тотемное животное, например медведь или тигр считалось покровителем рода. В случае, когда зверь убивал человека, ему мстили по обычаям кровной мести [2, с. 158]. Указывается, что в трудной ситуации зверь приходит на помощь человеку. У нивхов медведь спасает от голодной смерти заблудившегося охотника. Человек, в свою очередь,

помогает освободиться попавшему в западню тигру. Отношение охотника к зверю преисполнено уважением. Зверь считается равным. Например, нивхи даже называли медведей "горными людьми". А в мифах тунгусо-маньчжуров брак мужчины и животного приносит промысловую удачу [8, с 179]. Животное не убивали без причины, а, убив, просили прощения, дабы его душа не мстила охотнику. В фольклоре встречаются описания воспитания человека животным. Как правило, это животное являлось тотемным покровителем. В одном эскимосском предании волк научил мальчика быть сильным и ловким. Обучение продолжалось до тех пор, пока сам волк не смог одолеть своего ученика: "Тут появился огромный волк. Каксагсюк очень испугался и пустился было бежать, но зверь быстро догнал его и, обвив хвостом, швырнул на землю... Тогда волк сказал: "Если ты хочешь быть сильным и отважным, ты должен каждый день приходиться ко мне"... С каждым днем мальчик чувствовал, что становится сильнее и сильнее, и по дороге домой он сшибал ногами уже целые валуны и, катаясь по земле, жонглировал тяжелыми камнями. Наконец, однажды волк не смог свалить Каксагсюка с ног, и тогда он сказал "Ладно, достаточно. Ни один человек не сможет теперь тебя победить" [4, с. 242]. С этим воспитанием связано и перевоплощение человека в зверя. Воин в момент схватки принимал звериное обличие, то есть ощущал себя зверем, входя в своего рода транс. У него исчезали барьеры в виде страха или физической усталости. Современные сравнительные выражения, такие как "львиная храбрость" или "медвежья сила", возможно, пришли к нам из тех времён, когда человек действительно обладал возможностями внутреннего перевоплощения [3, с. 114].

В ритуальных танцах также сохранились некоторые элементы подражания животным. Танцы тесно связаны с промысловыми культурами. В праздничных танцах также присутствует элемент перевоплощения. О влиянии образа животного в воспитании воина можно судить не только по играм или элементам фольклора. У народов Сибири сохранились некоторые системы боевой подготовки, связанные с животными. В первую очередь это национальные виды борьбы. Победителю соревнований в тувинском "хуреше" присваивали следующие титулы: "шонор" – сокол, "харциг" – ястреб, "бургат" – орёл. Нам известен богатырский танец орла, исполняемый борцами. Он выполняется дважды. Перед началом соревнований его танцуют все борцы, а в конце победитель.

На схватку борцов выводят секунданты ("моге салыкчызы"; или "моге салыкчылары"). Борцы одетые в специальную одежду "шодак" (содак). Это короткая куртка, которая закрывает руки, плечи и верхнюю часть спины; трусы, затянутые поверху ремнями, и мягкие сапоги. Перед началом схватки борцы исполняют своеобразный танец "деви́г", после чего демонстрируют публике разнообразные броски через бедро, подсечки, подножки, броски с захватом ног руками и другие эффектные приемы. Для победы необходимо заставить соперника коснуться земли любой частью тела, кроме одного колена. Победитель обязательно помогает побежденному подняться с земли и проводит по его спине правой рукой, как бы стряхивая с него пыль. Затем он опять исполняет "деви́г".

О "деви́г" следует сказать несколько подробнее, в "хуреш" он считается не только видом разминки, но и хорошим средством психофизической тренировки. Тувинские педагоги считают, что танец "деви́г" каждый тувинский мальчик должен осваивать с малых лет:

"Во время деви́га руки должны быть выше плеч. Борец должен руками подражать маховым движениям орла, бегом изображает отрыв орла от земли, при этом показывает, как он расправляет крылья – величаво "парит крыльями", демонстрирует красоту богатырского телосложения, доброту своего характера, уважение к сопернику, к зрителям. После

окончания танца три раза хлопает по бедрам (два раза с внутренней и один раз с внешней стороны бедра) – это означает, что мужчину ждет три состязания – по борьбе, стрельбе и скачкам. Это и есть первая часть ритуального танца, его исполняют все борцы в начале состязаний.

Вторую часть танца исполняют только двое борцов, которые будут бороться, но здесь они хлопают два раза (по внутренней и внешней стороне бедра), что означает: "мы вдвоем будем бороться на совесть, без хитрости и подлости". Выпрямившись, как орел, расправив крылья-руки, изображая взлет птицы от земли, каждый борец, танцуя, подходит к секунданту. Правую руку кладет на плечо секунданта, пританцовывая, делает три небольших, мягких плавных шага вокруг своей оси по заходу солнца, а левой рукой приветствует зрителей. Потом происходит смена положения рук, делает те же танцевальные движения в другую сторону – снова приветствует зрителей. После этого обе руки, складывая ладонями вниз, кладет на плечо секунданта.

Третья часть ритуального танца. После команды "Ее-ве!" танцуют "девиг" метров 10-15, затем поворачиваются вокруг своей оси на 360 градусов; делая три шага, описанные выше, два раза хлопают по внутренней и внешней стороне бедра с мыслями: "давай бороться честно и начистоту". Поздоровавшись рукопожатием, каждый борец отступает на два шага назад, а затем правой ногой делает шаг вперед выпадом, правым локтем опираясь на бедро, принимает твердое опорное положение. Это означает, что он готов к схватке. Только после этого жеста и начинается борьба "хуреш", так как раньше не применялись специальные сигналы для начала борьбы. [7, с. 24].

У кочевых народов Сибири существовал культ коня. В жизни ряда народов Южной Сибири (бурят, тувинцев, алтайцев, хакасов и некоторых других) большое значение имела лошадь. Там существовал даже своеобразный культ боевого коня, о чем свидетельствует их эпос. В фольклорных текстах постоянно говорится о неразделимости судьбы богатыря и его коня. Так, у алтайцев существует поверье, согласно которому боевой конь должен пасть в битве, а не позорно умереть от старости или в плену.

Искусство подготовки боевого коня и искусство верховой езды в бою еще сравнительно недавно являлось важнейшей частью традиционной культуры упомянутых народов. Хорошо подготовленный конь умел в бою в нужный момент заслонить хозяина от стрел, быстро лечь на бок, встать на дыбы и лягать вражеского коня вместе с его седоком. Если не хватало пищи, воин рассекал вену своей лошади ипил сырую кровь, чтобы утолить голод и жажду, а затем перевязывал рану жильной ниткой.

У народов-всадников лошадь была не просто средством передвижения, а как бы частью воина. Поэтому народная мудрость гласила, что "всадник и конь должны слиться воедино". Соответственно, среди этих народов как в Сибири, так и в сопредельной Монголии, существовали системы воинской подготовки, которые объединяли в одно целое приемы верховой езды (джигитовки), бой голыми руками и владение холодным оружием, в том числе такими неперемненными атрибутами всадников как кнут и аркан. Среди бурятских родовых групп хонгодоров и булагатов такая система известна под названием "Хара Моритон" ("Черные Всадники") По легендам это боевое искусство восходит к божественным героям – Ажирей Бухэ и Харам цагай-мэргэну, которые привели свои конные дружины из Монголии в Прибайкалье, где защищали местное население от враждебных соседей. Система "Чёрные всадники" была основана на имитации движения лошади. Удары ногами производились наподобие брыкания назад, вбок или в прыжке с опорой на руки. Защитные блоки напоминали движение передними копытами [4, с. 294].

По словам человека, прошедшего обучение по системе "Хара моритон", тренирующиеся целыми днями носились по сопкам подражая коням, и должны были уметь выдерживать удары кнутом. В систему психофизической подготовки входило единоборство с боевым конём, причём, изначально приёмы оттачивались на жеребёнке и лишь по мере совершенствования переходили к тренировке с взрослой лошастью. Один раз в пять лет проводился экзамен, на котором проверялось умение всадника "слиться" со своим конём. Оценивалось не только качество джигитовки всадника и владение оружием. Лошадь должна была уметь заслонять всадника от пешего и конного врага, отражать копытами нападение, а также, помогать раненому всаднику взобраться на неё [4, с. 295]. Кроме системы "Чёрных всадников" сейчас существуют различные конные состязания признанные национальными видами спорта.

Интересно, что, как и в китайском искусстве единоборства, многие приемы и движения в традиционной бурятской системе "Черные Всадники" были построены на имитации движений различных животных, главным образом – лошади.

Конь – постоянный спутник и соратник кочевника в воинском деле, играл важную роль и в процессе психофизической подготовки "Черных Всадников", одним из составных элементов которой было единоборство с боевым конем, причем приемы единоборства отрабатывались сначала на жеребенке, потом тренирующийся мог постепенно совершенствовать свое искусство, наращивая нагрузки". В "Хара Моритон" существовал специальный экзамен для проверки умения всадника "сливаться со своим конем". В программу этого экзамена, который устраивался один раз в пять лет, входило то, что определяет само понятие "боевого коня". Демонстрировалось умение коня закрывать всадника от конного и пешего "врага", отражать нападение ударами копыт, умение коня помочь раненому хозяину взобраться на него. Всадник демонстрировал различные приемы "джигитовки" с оружием и без него, и многие другие умения, важные в стародавние времена, но ныне забытые.

Ещё одним навыком охотника, находившим применение в схватке было искусство метания мавута. Пользоваться арканом детей учили с самого раннего возраста. Начинали с небольшого арканчика, длина которого постепенно увеличивалась по мере роста ребенка. Вначале его бросали на неподвижную цель: воткнутые в землю рога или чурку, на лежащую на земле палку. Например, в чукотской игре "элю-лы-читылыт" ("поймать деревянную чурку") один из игроков бросает на плотный снег деревяшку или кусочек оленьего рога величиной не более пальца, а другой своим арканом пытается поднять эту чурку со снега. В другой чукотской игре "вопканелёчеты-лыт" ("поймать арканом лося"), игроки пытаются заарканить закрепленный на палке и раскачиваемый предмет.

Выработав определенные навыки, дети переходили к живым мишеням – набрасывали аркан на собак или молодых оленей. До наших дней сохранилось большое количество игр, в которых роль животных исполняют сами дети, тем самым одновременно обучаясь накидывать аркан и уворачиваться от него. У долган, ненцев и чукчей есть такая игра, в которой один из участников бежит с оленьими рогами в руках, а группа других, бросая свои арканы, пытается эти рога добыть. Еще в одной игре один из участников постоянно передвигается с места на место, а другие пытаются его заарканить. В играх чукчей и коряков иногда участвуют две пары, в каждой из которых один является "оленем", а другой "всадником". Одна пара преследует другую, при этом "всадники" поочередно пытаются заарканить друг друга. В ряде игр аркан бросают на землю, пытаясь поймать непрерывно передвигающегося игрока за ногу [2, с. 265].

Китайские единоборства известны своими подражательными стилями. Эти, пожалуй, наиболее зрелищные виды ушу объединены в одно большое направление "сяньсинцюань" – "Кулак образа и формы". Сейчас существует огромное количество звериных стилей, которые с трудом поддаются классификации. Большую часть их составляют стили, подражающие хищным животным: тигру, леопарду, змее, орлу, богомолу и другим. Другая часть взяла в качестве примера вполне мирных представителей животного мира: обезьяну, журавля, собаку. Кроме этого существует стиль дракона – мифического животного. Подражание животным имеет очень древние корни. Истоком этих стилей служит тотемизм. Некоторые стили ушу так никогда и не стали боевыми, да они и не претендовали на этот статус. К ним относятся "Кулак формы утки" ("ясинцюань") или "Кулак коровы" ("нюцюань") и многие другие. Древняя магия и ритуальные танцы донесли до нас традицию. Но этот процесс не был прямолинейным. Начиная с XVIII века, некоторые танцы, посвящённые животным, становились единоборствами, теряя свою связь с культовыми обрядами тотемизма. С другой стороны часть боевых систем настолько сильно сливалась с народными праздниками, что переставала считаться боевой. В качестве примера стиля, находящегося на грани между боевым искусством и народным танцем можно привести "Кулак льва" ("шицюань"). Два человека облачённые в одежду и маску льва исполняли традиционный танец, в котором присутствовали многочисленные удары ногами и различные акробатические трюки. В конечном счёте, танец сводился к сцене, называемой "лев играет с жемчужиной". В схватку за жемчужину вступали несколько "львов" [6, с. 46]. Здесь уже танцы заканчивались и требовались боевые навыки. Таким образом, интерес мастеров единоборств к поведению животных был связан с традицией. Следует упомянуть животных, появление которых в стилях ушу связано с буддизмом. Такие животные как бык, тигр, конь, крокодил, черепаха, змея и орёл являлись воплощением буддийских божеств и их постоянных спутников. С даосизмом связывают таких животных как белый тигр и зелёный дракон [5, с. 78]. Даосизм, сыгравший большую роль в развитии ушу, связывает образ животного с понятием "естественности" ("цзыжань"). Таким образом, следование формам животного можно рассматривать как следование естественности. Китайский медик Хуа То, создатель самого известного подражательного комплекса "Игры пяти животных" ("уцинъси") был последователем даосизма. Этот комплекс был создан на основе гимнастических и дыхательных упражнений даосов и направлен на растягивание и скручивание тела [5, с. 60].

Главной целью при создании того или иного стиля в ушу служило не простое копирование повадок животных, а особенности функционирования в них энергии "ци". В роли критерия для подражания выступало основное качество, присущее животному. Так, тигр ходит мягко, а бьёт лапой жёстко. Стиль "тигра" характеризуется низкими стойками, скользящими переходами и разрывающими ударами "лапой тигра". Для тренировки ударов специально укрепляются кончики пальцев. Журавль не обладает большой физической силой, его оружие клюв, а маховыми движениями крыльев он сбивает атаку противника. Стиль "журавля" отличается плавными уходами. Основательница этого стиля Фань Цинянь так сформулировала его основные принципы: "Пусть твои руки летают, как веера; убирай руку мягко, как вата; выбрасывай руку быстро, словно пускаешь стрелу". Для нанесения ударов используется "клюв журавля" – сложенные щепотью пальцы рук. "Клюв" использовался также для щипков.

При обучении звериным стилям особое внимание уделялось вживанию в образ животного. Например, осваивая стиль обезьяны, человек

вначале просто подражал её поведению, ужимкам. Освоив этот этап, ученик переходил к следующему. Он пытался, что называется "отойти от формы" ("лисин"). Отход предусматривал внутренне слияние с копируемым объектом. Итогом работы было духовное прозрение. Неофит, учающийся этому стилю, не просто двигался, как обезьяна, но и ощущал себя обезьяной. Только теперь начиналось обучение непосредственно кулачному искусству [5, с. 64]. Надо сказать, что понятие "стиль" в ушу не является монолитным. В рамках одного стиля существовало несколько его разновидностей.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в основе звериных стилей ушу и воспитании охотника-воина лежат сходные по своей сути представления. Связь человека и тотемного животного прослеживается в воспитании воина у народов Сибири и Дальнего Востока. В Китае в основе так называемых "животных" стилей ушу лежат те же анимистические верования. Речь идёт о психологическом слиянии животного и человека. Человек как бы воплощается в звере. Что касается технической стороны, то она основана главным образом на копировании повадок животных.

Литература

1. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. 360 с.
2. Манздяк А. С. Воинские традиции народов Евразии. М.: АСТ 2002. 381 с.
3. Маслов А.А. Боевая добродетель: секреты боевых искусств Китая. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 222 с.
4. Маслов А.А. Танцующий феникс. Тайны внутренних школ ушу. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 321 с.
5. Самбу И.У. Тувинские народные игры. Кызыл, 1978. 137 с.
6. Фетисова Л.Е. Традиционный нивхский фольклор: жанровый состав и своеобразие. //Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 173-190.
7. Фролова А.Н. Этнопедагогика детства коренных народов Северо-Востока России. Магадан, 2001. 158 с.
8. Ушницкий В.В. Система воспитания воина в традициях северных и восточных народов. // Здоровый образ жизни: обычаи и традиции народов Якутии. Якутск, 2001. С. 21-35.
9. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Спб., 1903. Т.3. 143 с.

УДК 94(571.6):623.4

Е.А. Багрин¹

Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII веке²

(по материалам письменных источников)

Regional features of fire-arms usage in Siberia and the Far East in XVII century
(according to the written sources)

Статья посвящена использованию огнестрельного оружия русскими на территории Сибири и ДВ. Она рассматривает различные его виды и особенности употребления. В статье так же затронуты аспекты снабжения огнестрельным оружием, его починки и правового владения. Рассматривается вопрос проникновения русского огнестрельного оружия к аборигенному населению.

Ключевые слова: военное дело, история оружия, российский Дальний Восток, Сибирь.

Article is devoted to the fire-arms Russian service people in the Eastern Siberia in XVII century. In article features of the use and the characteristic of its basic kinds are considered. The author has considered supply and security questions of military fire-arms, and as its penetrations to the opponent.

Key words: military science, history of the weapon, the Russian Far East, Siberia.

В Западной Сибири оснащение служилых из-за близости центра было лучше. Тем более что царское правительство во II половине XVII века пыталось ввести там военное устройство на европейский лад, вводя новые воинские категории (например, рейтары, драгуны) и регламентируя их вооружение. Присылалось и требуемое оружие. Например, в описи "горелого ружья" Тобольска было "двадцать один ствол пищальных и мушкетных, двадцать три ствола карабинных, пять сот осмнадцать стволов пистольных (такое количество пистолетов как раз предназначалось для рейтар – Авт.)" [6, с. 349]. Но даже служилые Западных районов Сибири, несшие конную службу, часто вместо карабинов имели на воо-

¹ Окончание. Начало в № 1 за 2009 г.

² Работа выполнена по гранту РФФИ 06-06-96000. Используемые в статье материалы основаны на изучение источников касающихся территорий Прибайкалья, Забайкалья, Приамурья и Северо-востока России. Данные из регионов Западной и Южной Сибири использованы лишь для сравнения, и восполнения недостающей информации. Реалии военного дела в различных регионах Сибири и ДВ имели как общие характерные черты, так и определенную специфику.

ружении обычные пищали. К примеру, плененные калмыками конные казаки Тобольска имели следующий набор вооружения: "мы Федка и Матюшка из засеки к ним вышли; и те Калмыки ружье, пищали и сабли и луки и ножи все обрали" [9, с. 377].

За выданную государством пищаль, порох и свинец нес ответственность не только сам боец, но и его поручители. Правительство требовало от начальных людей, чтобы: "зерню и карты и всякою проигрышною игрой служилые и торговые и промышленные и всяких чинов люди потомуж не играли, и служилые б люди государева денежного и хлебного жалованья и пищалей и с себя платья не проигрывали" [3, с. 373]. Царские запреты имели под собой прямое основание. Так в 1655 году служилый Охотского острога Гаврилко "испроиграл зерню государево жалованье, порох и свинец и пищаль" [4, с. 5].

Начальным людям предписывалось регулярно проверять наличие огнестрельного оружия и боезапаса у подчиненных. Однако условия, когда большинство служилых основное время проводили вне острога, выполняли различные "службы" (сбор ясака, сопровождение казны и т.д.), охотились и вели хозяйство не позволяли осуществлять данные предписания. Поэтому проверка происходила обычно перед походом. Например, в 1654 году "сыну боярскому Олексею Бедареву и десятнику казачью Васке Бугру" предписывалось: "ратных Ленских служилых и новоприборных охочих промышленных и гулящих людей, которые у него собраны ныне на Ленском волоке, пересмотреть всех на лицо конных и пеших с ружьем, и у них зелья и свинцу, и учиня полк, велеть тем служилым и новоприборным людям выбрать меж себя ясаулов" [3, с. 25].

Правительство стремилось создавать запас огнестрельного оружия в казне острогов для вооружения вновь прибираемых на службу бойцов и замены вышедшего из строя оружия. Якутскому воеводе М. Лодыженскому в Наказе 1651 года предписывалось: "а что с ними с столником и воеводою с Михайлом Лодыженским и с дьяком Федором Тонково послано с Москвы для тамошних Сибирских прибылых всяких служб триста пищалей, и им Михайлу и Федору велети те пищали, для всяких тамошних Сибирских служб, держати в государеве казне; а у которых будет у служилых людей на боях иноземцы пищали отобьют, и про то будет сыщетца допряма, что у них те пищали иноземцы на боях отбили, и тем служилым людям, у которых на боях иноземцы пищали отобьют, и новоприборным казаком, которые на выбылые в убитые места прибраны будут, а после тех убитых казаков пищалей не останетца, давати государевы пищали из казны, чтоб те служилые люди на службах без пищалей не были, а будет тех пищалей, которые с ними на Лену посланы, будет мало и вперед без пищалей быть не уметь, и им столнику и воеводе и дьяку писати о том ко государю к Москве, и государь велит о том свой государев указ учинити, и пищалей к ним с Москвы пришлют, сколько пригоже" [3, с. 314].

При оставлении службы служилые должны были сдавать государственное оружие. Но за много лет службы оно так "приживалось" к хозяевам, что этого практически никто не делал. И царскому правительству приходилось издавать указы, напоминающие о необходимости его сдавать: "тем выбылым стрельцом и пешим казаком мушкеты и пищали из нашия великого государя казны были даны ли? И будет даны, те мушкеты и пищали велели сыскать у сотников и атаманов, и у пятидесятников, и порутчиков, и у жен их и у детей, или у кого те мушкеты и пищали объявятца, и отдавать тем людям, кто в их места верстаны, чтоб однолично никто без ружья не были" (Указ в Тобольск 9 марта 187 года) [6, с. 350].

При утере оружия или при приведении его в негодность служилые

должны были восстанавливать свою боеспособность за свой счет: "которое ружье попорчено, и то ружье починить, а которые люди мушкеты и пищали истеряли, а тем людям по выпискам довелось быть в драгунех, и им то ружье сыскать, а будет не сыщут, и им вместо того потеряного ружья купить им на их деньги новые пищали, чтоб однолично без ружья не было; а кто скажет, что мушкеты и пищали взяли или купили у них начальные и иные какие люди, и те мушкеты и пищали у тех людей взять безденежно" (Указ в Тобольск 22 сентября 188 года) [6, с. 356].

Но при всех стараниях власти обеспечить остроги запасом вооружения из-за острого дефицита вооружения практически все боеспособное оружие, как правило, было "за роздачей". Поэтому служилые стремились получить огнестрельное оружие при любой возможности. И. Курбатов 1657 году захватив в плен "воровских" илимских казаков, отдал их оружие своим людям: "А что взято у Ивашки Павлова и у Сенки Белоуса с товарищи их борошнисуку и оружия, и то поделили промеж собою для того, чтобы им впредь повадно было ходить за такими ворами" [4, с. 90]. В розыске о злоупотреблениях нерчинского воеводы Федора Воейкова в 1685 году отмечался факт отбора албазинскими казаками огнестрельного оружия у крестьян: "которое де было им пашенным крестьяном давано из казны великих государей ружье для приходу воинских Богдойских людей, и то де ружье Албазинские казаки у них пашенных крестьян отымали; и он де Федор, ..., им пашенным крестьяном говорил: толко де станут впредь казаки у них ружье отнимать насильно, и велел им пашенным крестьяном против казаков противитца и ружья им не давать" [11, с. 8].

Недостаток вооружения служилые отчасти восполняли покупкой оружия на свои средства. Так, в 1684 году казачий десятник Любим Федоров, описывая свою службу в Селенгинском остроге отмечал, что "подымались де они на,, службу в Мунгальскую землю собою и всякими своими подъемами, займучи, должася в кабалы и дав на себя крепкие записи с уговором и с порукою круговую, покупали хлебные запасы, порох и свинец и пищали и всякое приступное боевое ружье" [10, с. 214].

Оружие, купленное на свои деньги, оставалось собственностью бойца, в его полном распоряжении. Албазинский казачий десятник, попавший в плен к китайцам, передал с ушедшими для своей жены "ружье" с поручением: "покрученники мои ушли с ружьем, а ружье мое, и ты ружье возьми и продай" [9, с. 239].

При ведении боевых действий оружие убитых государственное и личное поступало в "государеву казну". Но там оно, как правило, не задерживалось, выдаваясь тем, кому оно было необходимо. Интересны отписки А. Байтона 1688 года из осажденного Албазинского острога, касающиеся судьбы оружия павших казаков. На запрос: "сколько на лицо в Албазинском и сколько в разных городах побито и померло и оружие умерших у всякого казака Государское и казачье оружие" [13, с. 182]. От А. Байтона был получен пространный ответ: "А что оружие Государское прибрано в казну умерших казаков триста тридцать самопалов, сто девяносто гладково оружия целова, в том же оружии много старово, самопалов, сто девяносто гладково оружия целова, в том же оружии много старово, самопалов сорок шесть свалино без приправу, десять пищалей без замков, шестнадцать ломаных пищалей и многим служилым людям кто по осадное время к нам в Албазин не приплывает без оружия и оружие испорчено и тем многим давано и переменено, потому что место здесь у крайна,, и то оружие собрал я бродючи о костылях с казаками вместе вместе будучи в худых душах заставляли собирать", ..., "а что умерших казачьих оружие у казаков осталось по их сказке иным за долги оставлено, а иных умерших осталось и целовщина, просят казаки,

... .., что оружие у них от умерших объявилось до указа Великих Государей и до Вашей милости, оружие у них в казну не имал, потому что тем головы свои кормят, а прибрать в казну оружие портитца и положить некуда, а у ково сколько объявилось в том сказки дали" [13, с. 184-185].

Впрочем, недостаток оружия в острогах, ощущался практически всегда. Как правило, запас оружия в "государевой казне" был невелик, все боеспособные пищали и мушкеты находились на вооружении служилых. Часть оружия, изнашивалась и выходила из строя и его надо было менять, часть пропадала в ходе боев вместе с убитыми служилыми. И для "новоприборных" служилых оружия не доставало. К тому же, оружие часто требовалось для вооружения промышленных и крестьян в случае серьезной опасности. Вот характерные примеры просьб из острогов о присылке оружия. Нерчинский воевода Федор Воейков в 1682 году отписал о состоянии казны Даурских острогов: "а великого государя в казне в Нерчинском остроге пушек и пороху и свинцу мало, а которое мелкое ружье осталось от воеводы Офанасия Пашкова, и то ружье все перержавело, а иное попорчено и рваное и к стрельбе то ружье негодитца, и мне из Нерчинского острогу пушек и пороху и свинцу послать нечего, и Нерчинских казаков за малолюдством", "а в Албазинском де остроге Русских людей ныне малолюдство, и в осадное время от неприятельских Китайских воинских людей в Албазинском остроге сидеть не с кем, и Албазинского острогу и великого государя казны и аманатов оберечь некем и нечем, потому что де пушек и пушечного снаряду и мелкого ручного ружья, пищалей и пороху, и свинцу в Албазинском остроге немного; а которое мелкое ручное ружье пищали в Албазинском и есть, и те де пищали худы и ненадежны, на стрельбе розрывает и людей портит" [9, с. 229]. В 1683 году сын боярский Иван Поршеников отписал из Селенгинского "что в Селенгинских острогах конечное малолюдство, наряду пороху и свинцу гораздо мало, а мелкого запасного ружья нет" [9, с. 243].

Тот же Ф. Воейков отмечал, что "которые промышленные небольшие люди в Нерчинском, и у тех промышленных людей ружья нет" [9, с. 229].

Албазинские крестьяне в челобитной 1682 года обращали внимание, что "ружьем и порохом и свинцом в Албазинском остроге скудно, какова пора, нам и принятца будет не за что" [9, с. 205].

Такое же положение было и на Северо-востоке. Казачий десятник Василий Тарасов в 1686 году отмечал, что в Анадырском зимовье "служилых людей мало, оружия и зелья и свинцу нет" [9, с. 351]. Приказчик Петр Ярыжкин в 1677 году писал из Охотского острога якутскому воеводе: "и ты государев воевода Андрей Афонасевич послал бы к нам на выручку в Охотский острожек казаков наскоро, и пороху и свинцу и мушкетов и куяков, чтоб нам, сидячи в Охотском, голодную смертью не помереть и побитыми не быть" [6, с. 280].

Подобные отписки характерны не только для окраинных острогов, но и для острогов расположенных значительно ближе к центральной России. Например верхотурский воевода Михаил Толстой в 1683 году докладывал, что "а на Верхотурье де ружья нету; а у которых стрельцов ружье есть, и то худо и починить и стрелять из них нельзя" [9, с. 393]. А приказчик Пышминской слободы подотчетной Верхотурью, писал М. Толстому, что "в Пышминской слободе от воинских людей, каково будет время, сидеть будет в осаде не счем, ружья и зелья мало, всего одиннадцать мушкетов; и прежде сего из Пышминской слободы сослано на Верхотурье для починки четыре мушкета, и те мушкеты с Верхотурья в Пышминскую слободу не присланы, ..., а у крестьян ружья своего никакого нет" [9, с. 364]. В 1652 г. красноярский воевода Михаил Скрябин писал, что "в Красноярском остроге оставаютца за теми службами во все

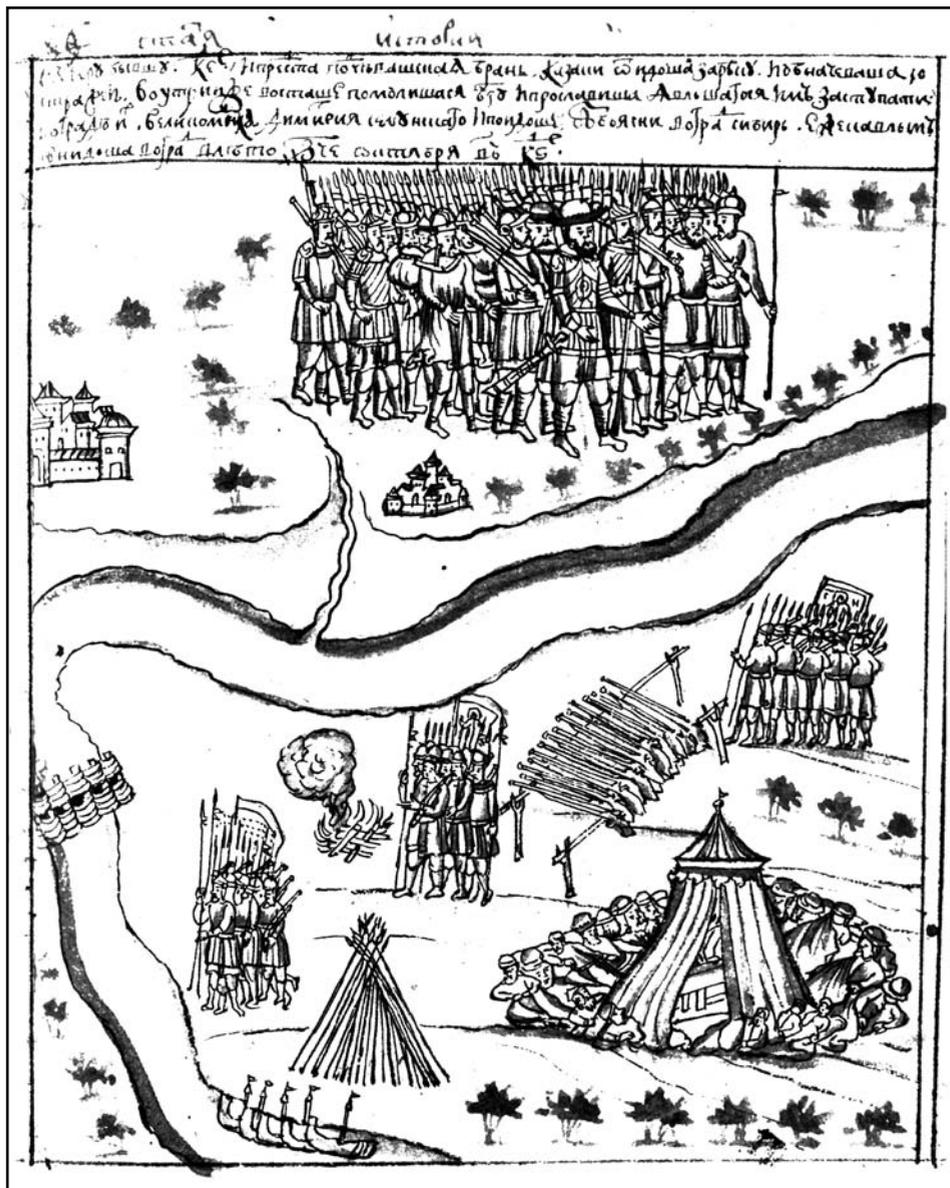

Рис. 1. Пример укладки пищаей во время ночлега.
(Миниатюра из Ремезовской летописи)

лето толко человек с пядьдесят и менши, и у тех, господине, служилых людей ружья нет болши половины, а в государеве казне нет ни одной пищаля" [3, с. 384]. В 1662 году из Тюмени били челом, что " в, ...казне на Тюмени ружья, самопалов, нет, и у служилых людей самопалов нет, которое старое ружье и есть, да пороху переменить нечем и на время всяким жилецким людем в приход воинских людей дать нечего" [4, с. 289].

Недостаток огнестрельного оружия усугублялся еще тем, что в большинстве острогов попросту отсутствовали кузнецы, способные не то что сделать новое оружие, но и попросту починить старое. Что и не мудрено, так как в производстве одной пищаля участвовали несколько специалистов. (хороших кузнецов способных производить огнестрельное оружие и в Европейской России было немного, и вряд ли они рвались за Урал, так

как они и дома вполне были обеспечены работой). Например, по отписке из Нерчинского острога 1682 года, "в Нерчинском остроге Бронных и оружейных мастеров нет, а бронный мастер преж сего прислан в Нерчинской острог Коземка Федоров, тот Бронной мастер стал дряхл, и стар слеп и с оружейною починкою не сможет" [8, с. 210]. В 1676 году Якутский воевода отписал, что: "в Якутском, государь, остроге кузнечной мастер один человек, ссыльной Новгородец Тимошка Гаврилов, которой,, прислан а Якутской в посад, а взял его Тимошку в Енисейском, едучи в Якутской, околничей и воевода князь Иван Петрович Борятинской во 175 году, и тот, ... , Тимошка стар и увечен, и бил челом,, велеть его за старость и за увечье от кузнечного дела отставить", "а без бронных мастеров, ... , и кузнечных мастеров в Якутском остроге никоими мерами быть не мочно, потому что город украинной, и служилые люди, которые посылаютца из Якутского на твой великого государя службы, попорченного ружья починить не умеют и вновь делать некому" [6, с. 136-137]¹.

Не очень благоприятная ситуация была и в куда более благополучных городах Западной и Южной Сибири. В 1679 году из Тобольска писали что, "бронных де и иных никаких ружейного дела мастеровых людей опричь кузнецов, нет а кузнецы де бронного дела и ружья починивать и вновь делать не умеют; а у стрельцов де и пеших казаков, которых верстаны вновь в выбылые оклады, у многих ружья нет; а по ведомости в Сибирском Приказе, в Тобольску бронному делу умеют Литовского списку да пашен казаки Стенка Волохов, Симонко Захаров, и кузнецы добрые в Тобольску и на Тюмени есть же" [6, с. 349]. А из Красноярска в 1665 году жаловались, что "в Красноярском же, ... , остроге в государеве казне ружье, мушкеты, что в прошлом во 172 году с Москвы присланы, дорогою переломаны и замки перепорчаны, и многое старое ружье у служилых людей от стрельбы перепорчано, а пищальных, ... , и замочных мастеров в Красноярском остроге никого нет, и починивать к нынешнему воинскому времени некому", "и пищальных, ... , и замочных мастеров прислати бы, ... , без замотчанья, чтоб, ... , было кем ружье, ство-

¹ Царское правительство, пытаясь решить проблему нехватки оружия и специалистов по его обслуживанию, издавало предписания по распределению мастеров оружейников из более благополучных острогов в бедствующие места: "велено в Томску и Томского разряду в городах, и на Лене в Якутском, в Илимском, и в Даурах, и тех городов в уездех, в острогах и в слободах пушки и затинные пищали и мелкое ружье, которое попорчено, починить и пушки устроить все в станки; а которое мелкое ружье попорчено, а починить его нельзя, и то ружье поделатъ снова городовыми кузнецы и бронными и иными мастеровыми людьми; а будет где к тому делу кузнецов и бронных мастеров нет, и для того дела по самой нуже иметь кузнецов и бронных мастеров из Енисейска и из иных Томского розряду городов и острогов, и у служилых людей у детей боярских и у иных чинов всякого ружья их досматривать по часту, чтоб пушки и затинные пищали и мелкое ружье и у всяких чинов служилых людей ружье ж их к службе было добро".

Мастерам, отправляемым в новые места (как правило на время), за время своего пребывания предписывалось обучить своему делу набранных специально для этого людей: "выучить, бронному и кузнечному делу учеников, взяв из казачьих и из стрельцких детей, и быть в городах и острогах новым кузнецом и бронным мастером сверх прежних и жалованных кузнецов и бронных мастеров, по сколько человек доведется; а покаместа ученики бронному и кузнечному делу учатца, и им давать из твоей великого государя казны корм тем, кто будет выучитца, по четыре денги человеку на день или против того по торговой цене хлебом; а как те ученики бронному и кузнечному делу у присыльных и туточных кузнецов и бронных мастеров выучитца, и присыльных кузнецов и бронных мастеров отпустить в те города кто откуда взят", "а учеником и прежним кузнецом и мастером ружье починивать и вновь делать с великим раденьем, а на то дело железо и уклад купить, а деньги давать из твоей великого государя казны".

Интересно, что вновь обученным не предполагалось государственное жалованье, кормиться же им предлагалось выполняя работы по найму: "а за то ружейное дело и починки вместо денежного и хлебного и соляного жалованья новым кузнецом и бронным мастером у всяких чинов Русских людей ружье починивать и вновь всякие бронные и кузнечные дела делать из найму; а оброков с них новых кузнецов и бронных мастеров с того их дела не иметь" [6, с. 135-136].

лы и замки, починить и государеве бы нынешней такой великой службе без мастеров порухи не было" [5, с. 40, 50].

Большинство народностей, с которыми приходилось сталкиваться русским, не имели собственного огнестрельного оружия. Часть из них, увидев преимущества "огненного боя", стали использовать его в своем военном деле, а часть не взяла его на вооружение. Народности Прибайкалья, Забайкалья, Якутии, Приамурья и Северо-восточных районов в ходе столкновений с русскими захватывали довольно значительное количество пищалей и мушкетов. Якутский воевода в отписке царю указывал, что в 1677 году "тунгусы, ..., изменили, Гортиканского роду Некрунко с товарищи, и служилых людей пятидесятника Устина Панфилова с товарищи, 37 человек, не допустя идучи на Ламу до Охоцкого острожку, на дороге побили и вашу, ..., товарную и зелейную казну и ружье их и платье и всякой борошень взяли" [9, с. 353]. В 1685 году у Учюрского зимовья тунгусы "встретили Албазинских служилых и промышленных людей, которые шли с Уди реки в Якуцкой острог нартами, 15 человек, да Якуцкого служилого человека Фадья Ванюкова; и тех де служилых и промышленных людей родники его Учюрские Тунгусы убили до смерти,, и ружье, и мягкую рухлядь, и платье, и котлы, и топоры взяли и поделили по себе" [9, с. 355]. В Якутский воевода Иван Приклонский писал о действиях Ивана Курбатова в Анадырском острожке в 1679 году, что ""Юкагири его Ивановых полчан служилых людей 16 человек побили до смерти, и твою великого государя товарную казну и их служилых людей ружье и рухлядь взяли" [9, с. 342]. Подобные отписки об уничтожении отрядов русских служилых встречаются достаточно часто. Но в бою захваченное оружие аборигены практически не использовали¹.

В 1656 году А. Степанов в отписке указывает, что гилыки, уходя от преследования, бросали казачье оружие за ненадобностью: "Оничка Логинова с товарищи тридцать человек, ..., служилых людей Гилыцкие люди побили, а живот их и ружье розделили по себе; и я Онофрейко под юртами находил многие казачьи признаки, ружье и всякий борошень" [4, с. 82]. В 1684 году "оленный тунгус" Канашанко на допросе в Охот-

¹ Напротив, в Западной и Южной Сибири кочевые племена охотно вооружались русскими винтовками и пищалами, о чем не раз отмечалось служилыми в различных донесениях. В 1676 году "в Сибирский приказ из Приказу Казанского дворца писано, что по Сибирской де дороге, за Уралом, от города Уфы в дальних местах, объявились у многих Башкирцев пищали винтовки многие, да и по городовую де сторону Уфы у Башкирцев пищали есть же, и пищальной де стрельбе изучились, а лучную стрельбу покинули" [6, с. 331]; в 1678 году Ф. Арапов, прибывший из Кунгурской слободы, "и видел де он Фролко, что Татаровя и Башкирцы лошадей кормят и луки и стрелы делают, и ружья де у них много, у всякого человека пищали по две и по три (в другом документе – пищали винтовки)" [6, с. 350; 7, с. 40]. Тобольские казаки посланные в "Казачью Орду" в 1695 году отметили применение татарам в бою огнестрельного оружия "наехали на нас Казачьи Орды воинские люди человек шестьдесят, и учили по нас из ружья и из луков стрелять, и убили Татарского кашевара, а другого ранили, и пожитки наши со вьюшными лошадми ограбили без остатку" [9, с. 377].

Впрочем, обычно число кочевников вооруженных огнестрельным оружием по отношению к общему количеству воинов было небольшим, например, у татар пришедших в Ирбитскую слободу "с Иски озера" в 1662 было "четыреста человек, а куячного де люду пятьдесят человек, а оружья де у них тридцать пищалей" [4, с. 294].

Как ни странно русское оружие у кочевых племен появлялось не путем захвата ими его в бою. Русские сами охотно его продавали, не смотря ни на какие запреты. Не останавливала даже возможность того, что из этого же оружия в них же и будут стрелять. Красноярский воевода М. Скрябин писал в Томск в 1652 году, что "как де Киргизы, и Тубинцы, и Алтырцы и Керелцы обсеклись в городке от Красноярского острогу в дву днищах на речке Енике, и у них де объявилось в то время тридцать пищалей, винтовок Русских, да пятнадцать пищалей Калмацких с жаграми, а пороху де и свинцу у них много ж", "и они де говорили, что де им то ружье и порох и свинец привозят из Томского города всякие люди и меняют с ними на товары, а иные Калмацкие пищали привозят из Калмаков, и при нем де Степане они стреляли по целе многожды и убивали в цель, как и Русские люди" [3, с. 383].

ском остроге на вопрос о судьбе захваченного у убитых служилых оружия сказал, что: " казачье оружие розломали и перековали на стрелы, толко де то оружие розделили на многие роды" [10, с. 23]. В 1676 году якутский воевода, говоря о вооружении аборигенов, так же указывает на отсутствие в их распоряжении огнестрельного оружия "а иноземцы государь, Якуты и Тунгусы куяки, и палмы, и копыя, и топоры, и ножи сами делают, и для твоих государевых служб у Якутов в твою,, казну служилым людям куяки емлют; а огненного, государь, ружья, пищалей и пороху и свинцу у иноземцев у Якутов и у Тунгусов нет" [6, с. 331].

Едва ли не единственным упоминанием об использовании аборигенами русских пищалей находим в отписке 1651 года служилого Второва Катаева в Якутск о действиях против юкагиров: "и посылал он Василий меня на государеву службу в поход с служилыми и промышленными людьми, а служилых и промышленных людей людей послал со мною 48 человек на государевых изменников на Алазейских Юкагирей, которые в прошлом во 158 году государю изменили, служилых людей Сидорка Филимонова да Пятелку Балезина убили, и государеву казну пограбили, и сами из аманатов убежали, и служивых людей пищали поносили", "и они изменники Юкагири в те поры почали из острожку из пищалей и из луков вороты и бойницы по нас стрелять" [3, с. 284; 12, с. 194].

Часть огнестрельного оружия ,захваченного у русских, приносилась аборигенами в Китай, где оно очень ценилось. Так, вернувшиеся в 1684 году из китайского плена промышленные рассказали, что "шли де с Зеи реки в Албазинский острог служилых людей пять человек, и тех де служилых людей Тунгусы на дороге побили, и принесли де те Тунгусы в тот новый город пищаль гладкую" [10, с. 82].

Маньчжуры были единственным противником русских, использовавшим на войне собственное огнестрельное оружие. В ходе столкновений они высоко оценили русские пищали и мушкеты, имевшие кремневый замок, и старались заполучить их при любой возможности, главным образом как военный трофей. Например, албазинские казаки под руководством Г. Мыльника, плененные превосходящими силами маньчжур, рассказали что, " взяли де его Гришку Мыльника с товарищи в полон и ружье де у них к себе все побрали" [9, с. 234]. Трофейное оружие поступало на вооружение маньчжурских бойцов. Нерчинский воевода в отписке 1685 года в Енисейск отметил, что "приходило де той Китайской силы под Албазинский острог водою на 100 бусах, а в бусе де было человек по 40 и по 50, с луками и с сулемами, ..., а с пищалями де было в том же вышеписанном числе человек со 100, а те де пищали взяты у русских людей, которые служилые люди были на реках на Зее и на Силинбе и на Хамуне и на Уде" [11, с. 112].

Впрочем, русские всегда имели преимущество в "огненном бое". В данных о вооружении маньчжур служилые подчеркивали незначительный процент вооружения "богдойцев" огнестрельным оружием. В 1683 году Нерчинский воевода Ф. Воейков отписал в Енисейск, что "приезжали в Албазинский острог Китайского богдохана людей сотников и пятидесятников и всяких воинских людей с тысячу человек и болши конницы, с протазаны, и с праперы, и знаменами и с невеликим огненным оружием" [9, с. 228]. А в отписке А. Байтона 1687 года в Нерчинск было отмечено, что " под Албазин де приходило китайского войска боевых людей 3000 человек да работных с 1000. А воинских де припасов было с ними 56 пушек да мелкого ружья пищалей з 200. А пушки де льют и делают никанцы, а выучились де они от немцев, которые и ныне есть в Китайском государстве" [14, с. 195].

В руки русских служилых так же попадало трофейное маньчжурское оружие. Казаки Ерофея Хабарова, защищавшие Ачанский городок,

отписали в 1652 году, что " у которых у них Богдойских людей у лутчих воитинов огненно оружие было, и тех людей мы побили и оружие у них взяли", "да у них Богдоев отбили семнадцать пищалей скорострельных, а те их пищали по три ствола и по четыре ствола вместе, а замков у тех скорострельных пищалей нет, да у них же отбили две пушки железные" [3, с. 366]. Подобные трофеи отправляли в Москву, где живо интересовались воинским делом нового противника. Ф. Головин во время переговоров 1689 года собирал все возможные сведения о производстве в Китае огнестрельного оружия: "да их же, езуитов, великий и полномочный посол спрашивал: от кого они, китайцы, учение себе имеют и употребляют в войне пушек и иного огненного оружия. Езуиты говорили: то учение у них издавна от приезжих иноземцов и от япончиков, которые во всем воинском поведении уподобляются еуроплянам" [14, с. 603]. Интерес к появлению огнестрельного оружия в Китае был вызван еще тем, что оттуда "огненное оружие" поступало на вооружение различным монгольским племенам, регулярно конфликтовавшим с русскими на границе. Например, в январе 1687 года служилые из под Удинска доносили об одном из монгольских тайшей что, "у Батур-контайши в полку есть 2 пушки да и мелкого ружья есть многое число, а возят де те пушки на телегах", "и пушки де у Батур Контаязия есть, а привезены ис Китай сего лета. А иные де пушки есть деревянные, а к тем де пушкам ядра льют ис чюгунного железа. А порох делают сами, а свинец к мелкому ружью привозят ис Китай" [14, с. 273-274].

Итак, можно подвести следующие итоги. В Сибири и на Дальнем Востоке в XVII веке использовались такие виды огнестрельного оружия, как пищаль, мушкет, винтовка, карабин, пистолет. Подавляющее большинство служилых были вооружены пищалями с кремневым замком. Мушкеты из-за тяжести и оснащённости фитильным замком употребляли значительно реже. Винтовка имела широкое хождение как личное оружие, в отличие от пищали и мушкета, которые были "государевым" имуществом. Карабины и пистолеты из-за дороговизны были на вооружении у очень ограниченного количества бойцов. Определенную роль на выбор используемых видов оружия оказывало стремление иметь универсальное оружие, которое было возможно использовать и в бою и на охоте.

Правительство стремилось следить за тем, как используется, где и в каком состоянии хранится посылаемое им оружие. При всем стремлении Москвы полностью обеспечить служилых пищалями и мушкетами, постоянно ощущалась их нехватка. Не хватало и кузнецов, способных починить пришедшее в негодность оружие. В связи с этим, часть служилых вооружалась за свой счет.

В ходе столкновений русских с аборигенным населением в руки последнего попадало значительное количество огнестрельного оружия, но по ряду причин по прямому назначению оно им не было использовано, в отличие от кочевых народностей, приходивших в Западную и Южную Сибирь, которые активно использовали русское огнестрельное оружие.

Приамурье послужило зоной столкновения русских с маньчжурами имевших собственное оружие "огненного боя". Русский кремневый замок послужил своеобразным открытием для маньчжур, пользовавшихся фитильными пищалями.

Приведенная в статье информация, конечно же далеко не полна. Кроме письменных источников, обширные данные дают материалы музейных коллекций, археологические находки, а так же изобразительные источники (миниатюры летописей и икон). Только сочетание всех этих видов источников может дать наиболее полную и достоверную информацию об огнестрельном оружии первопроходцев.

Литература

1. Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI-XVII вв. // Исторические записки. Т.4. М., 1938. С.258-285.
2. Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 3-59.
3. Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб, 1848. 557 с.
4. Дополнения к актам историческим. Т. 4. СПб, 1851. 416 с.
5. Дополнения к актам историческим. Т. 5. СПб, 1853. 510 с.
6. Дополнения к актам историческим. Т. 7. СПб, 1859. 374 с.
7. Дополнения к актам историческим. Т. 8. СПб, 1862. 350 с.
8. Дополнения к актам историческим. Т. 9. СПб, 1875. 353 с.
9. Дополнения к актам историческим. Т. 10. СПб, 1867. 504 с.
10. Дополнения к актам историческим. Т. 11. СПб, 1869. 312 с.
11. Дополнения к актам историческим. Т. 12. СПб, 1872. 423 с.
12. Митько О. А. Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Выпуск 1. Новосибирск, 2004. С. 165-206.
13. Паршин В. Поездка в Забайкальский край. Ч. 2. Приложения. М., 1844.
14. Русско-китайские отношения в XVII веке. Т.2, 1686-1691, Составитель Демидова Н.Ф., Мясников В.С., М.: Наука, 1972. 834 с.
15. Симбирцева Т.М. Дневник генерала Син Нью 1658 г. Первое письменное свидетельство о встрече русских и корейцев. // Проблемы истории, философии и культуры. 13. 2003, 2. С. 336-343.

УДК 325.25:930.8(57)"1920/1930"

*С.И. Лазарева, А.Н. Шпилёва***Вклад восточной ветви российской эмиграции
в сохранение отечественной культуры
(20-30-е гг. XX века)****The contribution of east branch of the Russian emigration
to preservation of domestic culture (20-30th of the XX century)**

В статье предпринята попытка дать общий обзор основных аспектов культурной жизни первой волны российской эмиграции в Китае. Особое внимание авторы работы уделяют "женской ветви" литературы дальневосточного зарубежья.

Ключевые слова: *Дальний Восток, Китай, культура, литература, российская эмиграция.*

In the article there is an attempt to give the general review of the basic aspects of a cultural life of the first wave of the Russian emigration in China. Special attention authors of work give to "a female branch" of literature of Far East abroad.

Key words: *the Far East, China, culture, the literature, the Russian emigration.*

Наибольший интерес для науки представляет наследие первой волны российской эмиграции в Китае. Часть его имеет лишь историческую ценность, другая же, относящаяся к литературе, философии, искусству, имеет непреходящее значение и продолжает обогащать русскую культуру и сегодня. Поэтому исследования отторгнутых от России пластов культуры, переоценка сложившихся представлений о ней являются актуальными и адекватными реалиям нового времени.

Российская эмиграция, оказавшаяся в 20 – 30-е годы в Маньчжурии, родилась из политических потрясений в России начала XX века. Однако по своей сути она не была просто политической. Проблемы политической борьбы не являлись главными для беженцев. Они были заняты борьбой за выживание на чужбине. Поэтому идейные противники советской власти в среде эмигрантов, как считает ряд исследователей, были "песчинками в море" [7; 9]. По разным источникам активной политической деятельностью занимались от 3 до 5 % эмигрантов [2, с. 12]. Основная же часть эмиграции, и в первую очередь – интеллигенция, стремилась делом служить Отечеству, не испытывая при этом желания заниматься политикой.

Оказавшись в чужой, незнакомой стране, не зная языка, культуры, обычаев, русская эмиграция не рассматривала себя как группу лю-

дей, спасшихся от политических преследований. Наоборот, они хотели ощущать себя полноценной и неотъемлемой частью России. Как нигде, русская интеллигенция противилась ассимиляции, стремилась поддерживать русский дух и образ мысли. Немалое содействие ей оказали соотечественники, жившие в Маньчжурии ещё со дня постройки КВЖД. Эти первые переселенцы сохранили в своей среде прочные традиции культуры и просвещения старой дореволюционной России, научной и благотворительной деятельности и к 1917 году прочно вросли корнями в почву края.

По мнению многих исследователей, русских эмигрантов 20 – 30-х годов нельзя сравнивать с теми, кто покинул Родину в поисках лучшей доли, какими бы мотивами они не руководствовались. Для них эмиграция стала не только способом физического выживания, а приобрела характер культурной миссии. Определяющим для русской интеллигенции, считавшей себя хранителем и носителем национальной культуры, оставался морально-нравственный стимул поведения, осознание собственной, если не мессианской, то, несомненно, исключительной миссии. Служение "русской идее" понималось ими достаточно широко.

Во-первых, они считали своей главной задачей сохранение в изгнании накопленных духовных ценностей, исторической памяти, национального опыта с тем, чтобы не прерывалась связь времён и поколений, чтобы сохранилась основа для будущего возрождения России вне зависимости от того, суждено ли было им вернуться домой или умереть на чужбине.

Во-вторых, они считали своим долгом познакомить народ страны проживания с достижениями отечественной мысли и культуры в различных областях человеческого знания [13, с. 99, 100].

Было ещё и желание думать и творить свободно. "Выехавшие из России осознали себя носителями великой русской культуры, создававшейся веками, – пишет исследователь деятельности эмигрантов П.Е. Ковалевский. – Они хранили её, умножали её, развивали, несли в мир и знакомили с нею другие народы" [6; 9; 13]. Сама великая культура и русский язык способствовали сохранению в их нелёгкой жизни национального чувства, препятствовали растворению и забвению в чужой среде. "Не будем проклинать изгнание, а будем трудиться во славу будущей России", таков был девиз эмигрантов-интеллигентов [6, с. 21, 22].

Для эмигрантов культура была важнейшей составной частью их национального самосознания, мироощущения образованного русского человека. Все достижения в литературе, художественном и научном творчестве, отмеченные печатью особой русской индивидуальности, находили выход в рамках таких институтов, как школы, вузы, книги, журналы, театр, церковь. Для продуктивной творческой жизни в изгнании нужны были "производители" и "потребители" культурных ценностей. Эмигранты жаждали читать, смотреть, слушать произведения, созданные представителями русской диаспоры. "Из двух Россией", – пишет Марк Раев, – возникших вследствие политических событий, именно Россия за рубежом, которая проявила твердую и недюжинную доблесть, продолжая быть Россией, оказалась более "подлинной" и более продуктивной в культурном отношении" [9, с. 16]. Культурная жизнь, отмеченная особой духовностью, не затихала ни на один день. Сами трудности (политическое давление, материальные лишения, бытовые и языковые неудобства и многое другое), оказалось, служили стимулом к творческой активности.

Наиболее крупным очагом русской культуры в Маньчжурии был Харбин, где сильнее всего ощущалось влияние русских. Это было вызвано, на наш взгляд, следующими факторами: оторванностью дальне-

восточной окраины от западных центров, а также наличием здесь базы культурной

общественной жизни, заложенной русскими ещё при строительстве КВЖД, т.е. до 1917 года; ведущей ролью родного русского языка, как средства общения, при разнообразном этническом составе этого русско-китайского города; компактностью проживания русских в городе и по всем населённым пунктам линии КВЖД.

С прибытием беженцев из России население города увеличилось до 300 тысяч человек. Город жил насыщенной и содержательной духовной жизнью. Русское население было грамотным, тянулось к культуре. Хорошие материальные условия привлекали сюда квалифицированные кадры работников в различных отраслях производства и культуры. Харбин играл важную роль во взаимодействии русской и китайской культур. Здесь шёл интенсивный процесс обмена практическим и технологическим опытом в различных отраслях хозяйства. Общеобразовательные русские и русско-китайские школы, частные гимназии, больницы, русские магазины, названия улиц на русском языке – все это благотворно воздействовало на русских эмигрантов, которые внесли живую культурную струю в жизнь Харбина. Были открыты новые театры, опера, оперетта, симфонический оркестр, Высшая музыкальная школа, выходили десятки русских газет, журнал "Рубеж". Пополнилась академическая среда: открылся юридический факультет, политехнический институт и т.д.

Находясь в центре многих политических событий, Харбин сумел сохранить свой российский облик, стал средоточием культурной и просветительской деятельности дальневосточного русского зарубежья. Этот китайский город дал уникальную возможность российской высокообразованной интеллигенции, не разделявшей идеалы революции, сохранить классическую русскую культуру с её гуманистическим пафосом и духовно-нравственными ценностями, пронести её через трудные десятилетия, подарить России богатство своей культурной ветви.

Насыщенной и плодотворной была литературная и издательская жизнь русского зарубежья. Здесь жили и работали такие известные поэты и писатели, как Н. Федорова, Н. Ильина, В. Перелешин, Д. Бурлюк, Вс. Иванов, Е. Яшнов, С. Алымов, А. Несмелов, более молодые литераторы-эмигранты: В. Обухов, М. Волин, Л. Андерсен, Л. Хаиндрова, Н. Резникова, Г. Сатовский, Б. Юльский, Л. Ещин, Буткевич, Н. Шелохов, О. Скопаченко, В. Янковская, В. Логинов, Е. Рачинская. Некоторое время в Харбине жили и работали писатель Е. Замятин, поэты В. Матвеев, Н. Дворжецкий и др. У каждого из них была своя судьба, но объединяло их одно: они очень тяжело приживались на чужбине, находя утешение в своих произведениях, сохраняя и оберегая русскую культуру в изгнании. Были и другие писатели. Описывая тёмные и мрачные стороны местной жизни, подогревая в себе и других ненависть к Китаю и китайцам, они не замечали необыкновенного трудолюбия китайского народа, его нелегкую жизнь и борьбу с угнетателями. Их произведения полны пессимизма, тоски, безысходности и упадничества. К ним относятся писатели и поэты Н. Борисов, М. Ершов, М. Щербаков, Л. Астахов, Н. Новицкий, Н. Астахов и другие.

В литературной среде Маньчжурии было много талантливых писательниц и поэтов, волею судьбы оказавшихся по ту сторону Родины. О многих из них не осталось письменных свидетельств. К счастью, архивные страницы харбинского "Рубежа" сохранили талантливые строки Марианны Колосовой, Виктории Янковской, Ирины Лесной, Лариссы Андерсен и других.

Интересна и ярка событиями судьба Лариссы Андерсен – поэтессы

и танцовщицы восточной ветви русского зарубежья. Ей сейчас 90 лет, живёт во Франции в маленьком городке Иссанжо. Благодаря приморской журналистке Т. Калиберовой, подготовившей к изданию в 2006 году вторую книгу стихов нашей соотечественницы "Одна на мосту", читатели и исследователи получили возможность познакомиться с творчеством этой незаурядной женщины, "по-русски лиричным и искренним, в то же время пронизанным воздухом Китая" [1, с. 2].

Марианна Колосова. О её творчестве стало известно в 1968 году, когда поэтессы уже не было в живых. Ю.В. Крузенштерн-Петерец, правнучка великого мореплавателя, некогда харбинская, позже – шанхайская, затем – калифорнийская журналистка вспоминала в статье "Чураевский питомник" в парижском журнале "Возрождение" (№ 204): "Иногда вечера "Чураевки" посещала известная на Дальнем Востоке поэтесса М. Колосова. Только она и Арсений Несмелов "кормились" в Харбине стихами. Колосова, впрочем, кормилась ими впроголодь" [10, с. 214, 215]. В 1928 году в Харбине у Колосовой вышел первый сборник стихов "Армия песен". На чужбине ей удалось издать четыре сборника: 1930 г. – "Господи, спаси Россию!", 1932 г. – "Не покорюсь", 1934 г. – "На звон мечей", 1937 г. – "Медный гул". Само название сборников говорит о том, что поэзия М. Колосовой занимала в литературной жизни Харбина совершенно особое место. В середине 30-х годов она делает попытку печататься в прояпонском ежемесячнике "Луч Азии", но для этого издания она была слишком русской поэтессой. В Харбине Колосова выходит замуж за А.Н. Покровского и в 1935 году семья переезжает в Шанхай. Чтобы выжить, она открыла для русских эмигрантов платную библиотеку, но это не спасало от нищеты. В 1958 году она уезжает в Чили, вновь пытается организовать работу библиотеки. В отрыве от Родины она теряет себя как поэтесса. Родина оторгла, а чужбина не приняла и не поняла её. Подтверждением тому являются слова писателя В. Набокова в интервью корреспонденту "Иностранной литературы" в 1995 году: "Эра эмиграции закончилась во время Второй мировой войны. Старые писатели умерли, русские издатели тоже исчезли, и, что хуже всего, общая атмосфера ссыльной культуры с её великолепием, мощью и чистотой, с её чуткой способностью к отражению жизни рассеялась, оставив горстку русскоязычных изданий с худосочным талантом и провинциальной интонацией" [5].

Елена Недельская. Харбинская поэтесса. Детство провела в Самаре, потом – Харбин, замужество. Первые стихи написала в 10 лет, будучи учащейся гимназии им. генерала Хорвата. Они сразу же были опубликованы в школьном журнале. "Писать – для меня радость ни с чем несравнимая", - высказывалась она о себе в "Рубеже" [11, с. 6]. Её любимые поэты: Пушкин, Лермонтов, Блок. Она идеалистка со своей любовью к природе, людям, "душе человеческой". Её стихи искренни, ненадуманно, словно глоток родниковой воды. В 1940 году в Харбине вышел первый сборник стихов Елены Недельской "У порога", в 1943 году увидел свет второй сборник "Белая роща". В конце 50-х годов они с мужем уехали из Харбина в Австралию. В 1978 году, за два года до смерти, вышел третий сборник её стихов. Излечиться от ностальгии по Родине Недельская так и не смогла. Свидетельство тому всё её творчество.

Небольшой анализ "женской ветви" поэзии дальневосточного зарубежья позволяют авторам сделать вывод о том, что поэтессы, несмотря на малочисленность в творческих кругах эмигрантов, оставили заметный след в литературе. В своих художественных исканиях они смогли особенно трепетно передать любовь к Родине, острое чувство тоски по ней и постоянное стремление быть ближе к родной земле. Это веские аргументы в пользу того, чтобы авторы продолжили изучение литера-

турного наследия представительниц русского зарубежья.

Многие писатели, художники, композиторы, очутившись в изгнании, в своих мемуарах признавали, что им "действительно не хватает российского пространства, шири воздуха", что их пугает новая, незнакомая среда.

Почти 400 тыс. изгнанников оказались в Китае. Многие из них умерли на чужбине. Другие нашли в себе силы вернуться на Родину. А третьи, осознав крах своих расчётов и иллюзий на скорое возвращение к родным очагам, пришли к осознанию необходимости устраиваться в чужой стране согласно её традициям и условиям быта, не теряя при этом своей культурной и этнической самобытности. Поэтому на протяжении долгих лет предпринимались меры для сохранения национальных традиций и языка в чужеродной среде. Старшему поколению эмигрантов потребовалась большая изобретательность, большой такт, чтобы найти те формы образования и воспитания, которые бы позволили новым поколениям, не знаям России, сохранить к ней духовную привязанность.

После того, как отгремела гражданская война, пошли на убыль политические страсти, русская эмиграция уже другими глазами смотрела на Советскую Россию. Имя А.С. Пушкина поневоле стало для неё связующим звеном с потерянной Родиной. Зародившийся в 1925 году в Эстонии "День русской культуры", сочетаемый с днем рождения Пушкина – 8 июня, уже в 1926 году отмечался в 20 странах. Для русских эмигрантов, развеванных по всему свету войной, он был духовной потребностью, напоминанием, что они – русские. Русские прихожане шли в церкви, все были объединены чувством братского родства, трудности забывались, переполняла гордость за принадлежность к земле, которую так неповторимо воспел великий поэт. Бывшая эмигрантка Е. Таскина вспоминает: "Несмотря на скудный бюджет организаторов и трудное материальное положение большинства эмигрантов, "День русской культуры" неизменно отмечался в торжественной волнующей обстановке, напоминая россиянам об их принадлежности к волнующей русской культуре. После выступления лидеров эмиграции устраивались концерты, на которых звучала русская музыка, исполнялись народные русские песни и танцы, в перерывах проводились конкурсы и благотворительная лотерея" [12, с. 150].

В Китае с годами пушкинский праздник стал не только национальным русским, но и китайским знаменательным событием в культурной жизни, так как пушкинские строки находили отклик в сердцах людей. Этому весьма способствовали китайские переводчики, а также то обстоятельство, что в качестве зрителей, а нередко и непосредственных исполнителей музыкальных и театральных представлений, активно участвовали китайская общественность и население [8, с. 66-69].

Подводя некоторые итоги исследуемой темы, можно сделать вывод о том, что русская культура восточного зарубежья и, прежде всего – литература, стала формой выражения русского культурного идеала, получившего всемирное признание. В эмиграции литература приобрела еще более существенное значение для сохранения её национальных особенностей, поскольку богатый русский язык и образная речь являли признаки принадлежности к великой нации. Русское слово, устное и печатное, связывало изгнанников между собой.

Конечно, литературная жизнь в Харбине, Шанхае, Даляне, Мукдене, Тяньцзине была менее организована, чем в Париже или Праге. Но и в них русские поэты и писатели в изгнании формировали и поддерживали различные союзы, комитеты, творческие союзы и кружки. К примеру, было открыто Восточное отделение Союза русских писателей и журналистов.

Как и вся русская эмиграция, её литературная общественность была идейно неоднородна. Одни лояльно относились к советской власти, объясняли свое изгнание досадной случайностью и стремились вернуться на Родину (Вс. Иванов, Л. Хаиндрова), другие разделяли цели белого движения и ненавидели коммунистов (Б. Юльский, М. Колосова), третьи сторонились политики (А. Несмелов, В. Перелешин, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов). Верные офицерской чести, обладавшие врожденной интеллигентностью последние были русскими поэтами-патриотами, любящими Россию.

Живя и занимаясь творчеством в тяжелых материальных и моральных условиях, испытывая повседневный идеологический прессинг, особенно в условиях японской экспансии в Китае 30-х годов, лучшие представители дальневосточной диаспоры сохранили традиции и национальную культуру – неотъемлемую часть общей российской истории и культуры.

Перед современными исследователями стоит непростая задача: восполнить пробел в истории отечественной культуры XX века, вернуть на Родину культурное наследие дальневосточной эмиграции с тем, чтобы русская национальная культура обрела характер целостности, а поколения россиян познакомились с неизвестными пластами русской культуры, оказавшимися вне России, но всегда остававшимися в духовной связи с ней.

Литература

1. Андерсен Л.Н. Одна на мосту. М.: Русский путь. Библиотека-фонд "Русское зарубежье", 2006. 483 с.
2. Боханов Е. Такая разная эта эмиграция // Книжное обозрение. 1993. № 36.
3. Великая Маньчжурская империя (К 10-му юбилею). Харбин, 1942. 783 с.
4. Вопросы школьной жизни. 1925. № 1.
5. Три интервью с В. Набоковым // Иностранная литература. 1995. № 11. С. 232-248.
6. История российской интеллигенции. Материалы и тезисы научной конференции. М., 1995. 285 с.
7. Квакин А.В. Общее и особенное в положении русской диаспоры первой волны. Тверь: ТГУ, 1992. 44 с.
8. Лебедева Н.А. Пушкин в Китае. // Россия и АТР. 1999. №2. С. 66-69.
9. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919 – 1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 295 с.
10. Рубеж. Владивосток, 1995. № 2.
11. Рубеж. Харбин, 1940. №24.
12. Русский эмигрантский альманах "Россия". Шанхай, 1926.
13. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. 742 с.

УДК 93(470.4) | 297

*Л.А. Королева, А.А. Королев***Татары-мусульмане Среднего Поволжья
1940-е – 1980-е гг.****Tatars-Moslems of the Centre Volga Region. 1940-1980.**

В статье анализируются условия, в которых протекала деятельность мусульманских религиозных объединений в СССР, в целом, и Среднем Поволжье, в частности; приводятся социально-демографические характеристики мусульман-татар Среднего Поволжья в 1940-е – 1980-е гг.

Ключевые слова: *ислам, татары, СССР, Среднее Поволжье, социально-демографические характеристики, 1940-1980 гг.*

In the article conditions in which activity of Moslem religious associations in the USSR proceeded, as a whole, and the Centre Volga region, in particular are analyzed; socially-demographic characteristics of moslems-Tatars of the Centre Volga region are resulted in 1940-1980.

Key words: *Islam, Tatars, the USSR, the Average Volga region, socially-demographic characteristics, 1940-1980.*

На территории СССР исторические области распространения ислама охватывали три основные зоны: Средняя Азия и Казахстан, Кавказ, Поволжье и Приуралье. В 1940-1990-х гг. главным районом проживания татар, одной из основных наций, исповедовавших ислам, в России являлся Волго-Уральский регион, включавший Среднее Поволжье и Южный Урал (3414 тыс. (83,8% татарского населения РСФСР) в 1959 г. и 4010,7 тыс. (81,2% татарского населения РСФСР) в 1989 г.) [6, с. 158]. Поволжские татары, за исключением небольшой этнической группы кряшен (крещеных татар), являются мусульманами-суннитами. В отличие от мусульман Кавказа, Средней Азии и Казахстана, мусульмане Среднего Поволжья характеризовались длительным сосуществованием с православными, главным образом, русскими, серьезной европеизацией быта и отдыха, включенностью некоторых элементов русской культуры, в том числе языка, в собственную культуру.

В Татарской АССР мусульманский культ исповедовало около 45-52% населения [1, с. 314; 3, с. 72]. В Пензенской (татары – 5,4% всего населения), Ульяновской (татары – 12% всего населения), Самарской (Куйбышевской) (татары – 3,5% всего населения) областях ислам был второй по численности религией после православия.

Основной состав верующих мусульман – мужчины и женщины пожилого и преклонного возраста от 55 лет и старше, главным образом, крестьяне-колхозники. Именно верующие мусульмане мужского пола

преклонного возраста, сельчане, являлись главными "проводниками" веры. Верующий с. Татарский Шелдаис Пензенской области 80-летний И. Уразгильдяев подчеркивал: "Если мы, старики, не требовали бы от своих младших членов семьи, не настаивали бы на соблюдении религиозных обрядов, последние бы совсем не выполнялись. ... Многие наши молодые колхозники не знали бы времени празднования религиозных праздников, ... если бы мы, старики, не напоминали бы им об этом" (ГАПО Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 103).

Тенденция преобладания граждан преклонного возраста среди верующих нашла свое отражение и в составе мечетных "двадцаток". Подавляющее количество членов "двадцаток" являлись малограмотными людьми, с образованием в пределах 4 классов, не судимые ранее, получавшие пенсию, имевшие различные правительственные награды, т.е. люди достаточно уважаемые. В середине 1970-х гг. в "двадцатки" мечетей Пензенской области входило 185 мужчин, из которых 175, т.е. 95%, были в возрасте старше 60 лет (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 77. Л. 55). В Куйбышевской области влияние "двадцаток" было невелико в деятельности объединений, т.к., по замечанию уполномоченного Совета, "двадцатки" в мусульманских религиозных обществах "никакой роли не играют", "числятся лишь формально, вопросы, связанные с управлением мечетями, решаются на собраниях всех верующих, поскольку каждое религиозное общество объединяет жителей только одного села" (ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 21; Д. 9. Л. 47).

В послевоенные годы отмечалось оживление в деятельности верующих мусульман. В это время около 15-20% от всех посещавших мечеть составляли демобилизованные. "Прибывшие из армии более молодые возрасты населения, традиционно соблюдая свое уважение к старшим, и под влиянием их начали посещать мечети", – отмечал уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 108). Под возрастание количества верующих, увеличение жертвоприношений и различного рода финансовых пожертвований после войны была подведена своего рода "идеологическая база" – отдать долг Аллаху, который хранил и помогал верным последователям веры в лихую годину. Посещение демобилизованными мечетей значительно укрепляло авторитет веры и привлекало в храмы молодежь. Данная практика была вскоре прекращена уполномоченными на местах, поскольку все это способствовало значительному подъему религиозности татарского населения.

В 1940-1950-х гг. мусульмане весьма активно подавали прошения об открытии мечетей в Среднем Поволжье, особенно в послевоенный период. Так, только в 1946 г. на имя уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.Д. Горбачева поступили ходатайства об открытии мечетей из 17 татарских селений (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 111). Уполномоченный Совета при Совете Министров Татарской АССР Г. Сафин в 1957 г. получил 28 заявлений и встретился с 50 верующими по поводу открытия молитвенных помещений в 21 населенном пункте республики, в 1958 г. – 17 заявлений из 12 мест (НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 4. Л. 100-101). Инициаторами обращений в партийные и государственные организации с ходатайствами об открытии культовых зданий выступали, в первую очередь, люди пожилого возраста. Так, организаторами подачи заявления об открытии мечети в с. Алеево Неверкинского района Пензенской области являлись Я.И. Салихов, 66 лет, отец бывшего председателя колхоза; А.Б. Бексалиев, 65 лет, бывший мулла; Х.А. Рахматулин, 75 лет, отец председателя сельсовета (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 5. Л. 26). Причем, данные послания отличались особой эмоциональностью и многословием. В апреле 1956 г. на имя

председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина и первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева поступили заявления от "уполномоченного от коллектива верующих граждан" с. Средняя Елюзань Пензенской области И.А. Альбекова: "Мы, старики, ... решили обратиться к Вам, с убедительной просьбой дать соответствующее распоряжение, кому следует, на открытие в селе ... мечети № 1 прихода для совершения богослужб нам, труженикам сельского хозяйства, вкладывавшим свой труд десятками лет. Даем обязательство возместить все расходы, связанные с подачей телеграмм... Надеемся, что наша просьба тружеников полей не останется пустым гласом вопиющего в пустыне" (**ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 18. Л. 269-об**).

Порой верующие пытались в своих посланиях даже привести серьезную, с их точки зрения, аргументацию в пользу открытия культовых зданий. Например, мусульмане (418 чел.) с. Старое Зеленое Старо-Кулаткинского района Ульяновской области следующим образом пытались убедить "Комитет по религиозным культурам при Совете Министров РСФСР" в необходимости "оказать верующим гражданам мусульманской веры дать возможность в отправлении религиозных обрядов": "Всем ясно, что всякая религия имеет свои глубокие корни в народе, что искоренение ее не проходит безболезненно. Наши молитвы не мешают работе, потому что первая часть утренний намаз – до начала работ, второй – в обеденный перерыв, а третий – вечером, т.е. после работы. Мы обращаемся к Вам разрешить в открытии мечети и прихода, будем молиться и просить всевышнего, чтобы царил мир во всем мире" (**ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 33. Л. 70-71**).

Наиболее распространенными религиозными обрядами у средневожских мусульман являлись отпевание (джаназа), религиозное бракосочетание (икях), наречение имени (исим), обрезание (сунет). Уполномоченный Совет по делам религии при Совете Министров Татарской АССР И.А. Михалев объективно сообщал в столицу в 1961 г., что "крещение детей, наречение имени новорожденным, обрезание, венчание, отпевание покойников, соблюдение постов и других религиозных обрядов среди значительной части населения остается массовым явлением" (**НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 7**). Аналогично складывалась ситуация во всех регионах Среднего Поволжья. Так, в 1960 г. из 977 похороненных татар на кладбище в г. Казани над 75% был совершен религиозный обряд (**НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 8**). В Куйбышевском регионе в 1964 г. совершался обряд наречения имени у 60% новорожденных, почти 100% похорон проходило по-мусульмански и т.д. (**ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 41. Л. 29**). В сельской местности уровень обрядовой религиозности был значительно выше, чем в городах. Например, если в г. Казани в 1963 г. обряд наречения имени был совершен только над 0,5% новорожденных, обряд венчания совершили 3% пар; в г. Чистополе Татарской АССР 7% родившихся младенцев прошли обряд наречения имени, 10% пар совершили обряд венчания, то в с. Курманаево Октябрьского района Татарской АССР над 59% родившихся детей был совершен обряд наречения имени, 93% зарегистрировавших брак совершили обряд венчания; в с. Степное Озеро 82% новорожденных прошли обряд наречения имени, 72% пар совершили обряд венчания (**НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 168**).

Религиозные браки и обряд наречения имени совершались гражданами татарского населения, в основном, в возрасте до 35 лет, занятыми общественно-полезным трудом, подавляющее большинство которых составляли колхозники и рабочие. Зачастую религиозные обряды совершались представителями интеллигенции, в том числе учителями школ, коммунистами и комсомольцами.

Практически среди всего татарского населения продолжал совершаться обряд обрезания мальчиков, который выполняли нелегальные резак. Если в Казахстане, Средней Азии, по сообщениям представителей власти, данный ритуал тщательно скрывался, то, например, в Пензенской и Куйбышевской областях все проходило празднично, с привлечением обширной родни.

Начиная с 1950-х гг. в связи с изменением вектора государственно-религиозной политики уполномоченными Совета по делам религиозных культов и республиканскими и областными исполкомами председателям райисполкомов татарских сел направлялись закрытые письма, обязывавшие активизировать проведение практических культурно-просветительских мероприятий именно в дни мусульманских праздников, принимать активные меры по снижению религиозности населения, учитывать всех совершавших обряды и т.п. (НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 14. Л. 212-228; ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 569-611; ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 15. Л. 27-36 и т.д.). Как следствие, начинает распространяться практика (особенно в Куйбышевской области) приглашения для совершения обрядов бракосочетания и наречения имени не мулл, а обычных верующих или стариков-бабаев с тем, чтобы это не стало достоянием гласности, те "действовали попеременно, с тем, чтобы избежать ответственности и налогового обложения" (ГАСО Ф. 4089. Оп. 1. Д. 11. Л. 89).

Тем не менее, на местах в конце 1950 – начале 1960-х гг. отмечалась тенденция более активного участия молодежи в праздничных молениях. В дни особо почитавшихся религиозных праздников в сельской местности Пензенской, Куйбышевской и Ульяновской областей наблюдалось посещение мечетей молодыми людьми в возрасте от 17 до 35 лет; среди молившихся молодежь составляла до 35% (ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 96. Л. 188; ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 52, 108, 162; ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 5 Л. 30-35; Д. 30. Л. 165). Молодые люди, как беспартийные, так и комсомольцы, и коммунисты, под влиянием авторитета старших родственников и односельчан участвовали в молениях и старались исполнять установленные обряды. На встречах с уполномоченным Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.Д. Горбачевым подростки с. Средняя Елюзань в 1950 г. заявляли, что "вступать в комсомол – большой грех" (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 252). В 1966 г. в Казанской мечети на гаид-намазе среди верующих около 20% составляла молодежь, в Чистопольской мечети количество молодых людей среди молившихся доходило до 30% (НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 212). Куйбышевский уполномоченный отмечал, что в дни мусульманских праздников учащиеся приходят в школу в приподнятом настроении, празднично одетыми, при этом он здраво замечал, что "большинство из них, несомненно, далеко стоят от веры, Корана не знают, но стремятся подражать старшим" (ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 13. Л. 9).

Следует отметить, что с 1950-х гг. молодежь Среднего Поволжья начала проявлять интерес к религиозному образованию. Значительную работу в данном направлении проводили местные имамы, заблаговременно объявлявшие о приеме в медресе и готовившие к поступлению желавших учиться юношей. Кроме высоких духовных побуждений к поступлению в духовные учебные заведения молодых мужчин побуждали и вполне прагматичные расчеты. Так, служители культа в любом татарском селе в исследуемый и современный периоды представляли собой наиболее состоятельные и уважаемые круги. И село Средняя Елюзань Городищенского района Пензенской области, крупнейшее татарское село в Европе, фактически стало постоянным поставщиком служителей мусульманского культа в исследуемый период. За первую половину

1970-х гг. из этого села поступили учиться в духовное медресе в г. Бухару 5 выпускников местной средней школы; в 1975 г. заявил о своем желании сделать духовную карьеру член ВЛКСМ Р.М. Мальков, 1956 г.р., окончивший Средне-Елюзанскую среднюю школу (**ГАПО Ф. 148. Оп. 1. Д. 5235. Л. 66; Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 108**). В тех условиях это был просто вопиющий факт слабости всей атеистической работы: во всем СССР данное село было единственным по такому количеству молодежи, которая предпочла бы духовное образование светскому.

Мусульманские нормы, пускай даже в виде традиции и привычки, оказывали значительное влияние на поведение людей в повседневной жизни. Например, часто в дни религиозных празднований и по пятницам верующие не выходили на работу. Так, на "Курбан-байрам" в 1948 г. в селах Нижняя Елюзань, Средняя Елюзань, Верхняя Елюзань Городищенского района; Старый Карлыган, Суляевка Лопатинского района Пензенской области "прогуливали" не только рядовые колхозники, но и руководство, наряды не выдавались и т.д. В колхозе "Прогресс" того же сельсовета на третий день религиозного праздника колхозники собирались, но не работали, "ссылаясь на различные болезни", и в итоге на погрузку картофеля вышли только четыре женщины.

В 1949 г. празднование "Курбан-байрама" в Куйбышевской и Пензенской областях приняло столь широкий размах, что уполномоченные Совета забили тревогу. Да и было от чего волноваться. Когда уполномоченный Совета по Куйбышевской области "поинтересовался" у председателя Камышлинского райисполкома Фахретдинова о причинах таких "больших прогулов" и ответных действиях советских и партийных органов, последний ответил: "Праздновали неплохо, и мы им не мешали" (**ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 12. Л. 14**). В колхозах "Двадцать первая годовщина Октября" с. Исикеево Неверкинского района Пензенской области, им. В.И. Ленина с. Новое Ермаково, "Кзыл-Кряше" с. Старое Ермаково, "Дамир" Красноярского района Куйбышевской области и других населенных пунктах данных регионов в дни праздника "Курбан-байрам" на полевые работы не вышел ни один колхозник, в том числе и руководители (**ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 12. Л. 12-13; ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д.1. Л. 570**). В 1955 г. заведующий клубом с. Благодаровка Челно-Вершинского района Куйбышевской области Я. Галлеев во время "Уразы-байрам" просто вывесил объявление на сеялке в поле: "На работу не выходите, у нас праздник "Ураза-байрам" (**ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 24. Л. 91-92**).

Со второй половины 1960-х гг. случаи уклонения населения от выхода на работу по религиозным мотивам, в том числе и в дни религиозных праздников, в Среднем Поволжье практически прекратились. Однако даже в середине 1970-х гг. в дни религиозного поста "Уразы" закрывались в некоторых селах под различными предлогами, например, ремонта, столовые, пищеблоки на полевых станах, не работали клубы и библиотеки. Во время поста сокращалось количество детских завтраков, которые заказывались в школах учениками, особенно в старших классах (**ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 253**).

Особой проблемой сельского татарского населения Среднего Поволжья, особенно женского, было здравоохранение. Дело в том, что многие женщины-татарки в силу религиозных предрассудков не посещали медпунктов, не обращались к врачам, считали это неприличным, предпочитая бабушек-знахарок. Крайне редко сами приходили в медпункт, в лучшем случае вызывали медицинских работников на дом. На роды домой, как правило, приглашали не акушерку, а бабушку-повивалку. Еще хуже в средне-волжских татарских селах складывалась ситуация с болезнями туберкулезом. Основная их масса не лечилась, утверждая, что это

заболевание – "болезнь от бога". В связи с этим работники медицинских пунктов проводили особую разъяснительную работу среди женщин, выступали с лекциями и т.д. (ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 125. Л. 67).

Женщины-татарки по религиозным убеждениям уклонялись от посещения кино, собраний, концертов и т.д. По мнению уполномоченного Совета по Пензенской области, "феодално-байские" обычаи в отношении женщин были очень сильны: "Родители запрещали своим дочерям не только ходить в клуб, участвовать в художественной самодеятельности и выполнять общественные поручения, но даже не разрешают выходить одной вечером из дома на улицу, ходить к соседям и своим подругам. Родители разрешают только сходить вечером на девичьи деревенские посиделки, однако, и в этом случае девушку от дома до посиделок и по возвращении домой обязательно сопровождают ее мать или кто-то из ее взрослых родственников" (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 412). Даже в середине 1960-х гг. в сельской местности Пензенского региона отмечались случаи, "когда замуж родители выдают свою дочь за молодого человека, которого она и в глаза не видела, и не была до этого знакома, а, следовательно, вопреки ее желанию" (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 419). В Куйбышевской области, по замечанию уполномоченного Совета П.И. Алексина, женщина-татарка не имела права участвовать в похоронах своих близких, посещать мечеть могли только девушки до 14 лет или женщины старше 60; во многих населенных пунктах Шенталинского района сохранились еще и такие старые традиции, что при встречах мужчин с женщинами или девушками-татарками, в лучшем случае женщины отворачиваются, а в отдельных случаях женщины закрывают свое лицо"; во время урока ученицы вынуждены были стоять у доски вполборота к учителю, чтобы не показывать полностью своего лица, "женщины верующих татар ... ест оставшуюся пищу после мужчины" (ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 26. Л. 24-25; Д. 30. Л. 166-167). Поскольку женщинам запрещалось посещение мечети, они собирались в частных домах моления осуществляли "четыре Корана", т.е. более грамотные женщины (это было распространено в Куйбышевской области) (ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 37. Л. 65). Как правило, девушки по окончании школы выбывали из комсомола.

Татарские семьи в сельской местности средне-волжского региона были многодетны. Тем не менее, уполномоченный Совета по делам религий по Пензенской области для себя объяснял это следующим образом: "Многие татарские семьи многодетны только потому, что в этих семьях женщине-татарке по национальным и религиозным обычаям фактически препятствуют использовать данное ей законом право самой решать, нужно ли ей иметь ребенка или прервать беременность" (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 46. Л. 281). Средняя величина татарской семьи Поволжья в период 1970-1980-х гг. составляла 4-3,7 человека, "значительно отличаясь по величине от семей коренных народов Средней Азии (средний размер 5, 7-6, 6 человека) и несколько превышая семью народов западноевропейской части бывшего СССР (3 – 3,3 человека)" [7, с. 288-321].

Мусульманские семьи были сравнительно стабильны. Так, уровень разводов в Татарстане в среднем в 1,5-2 раза ниже, чем в среднем в Российской Федерации, на Украине, в Прибалтике. "В наибольшей степени традиционные установки на недопустимость разводов присущи представителям старшего поколения. Фактором, скрепляющим семейно-брачные отношения, является и тесная родственная связь" [6, с. 339]. Несмотря на предписания ислама и в отличие от других мусульманских народов СССР, ранние браки, в общем, не были характерны для мусульман Средне-волжского региона. Более того, татары в целом вступали в брак позже остальных народов Поволжья [2, с. 37-38; 4, с. 122]. Тата-

ры Среднего Поволжья однозначно выступали за моногамный брак в соответствии с советским законодательством. Как следствие, татарское население в Среднем Поволжье в отличие от других национальных общностей, стабильно увеличивалось на протяжении всего исследуемого периода. Среди татар рождаемость была в 1,4 раза выше, чем среди русских [6, с. 507].

Таким образом, в Среднем Поволжье, которое относится к регионам традиционного влияния ислама, уровень религиозности был заметно выше среднего в СССР.

Контингент мусульман Среднего Поволжья был представлен людьми всех возрастных групп, но, в основном, преклонных лет, проживавших в сельской местности, занятых в сельскохозяйственном производстве. Именно граждане-пенсионеры мужского пола выступали наиболее активными проводниками веры Аллаха в обществе. В сельской местности религиозность мусульман была выражена значительно по сравнению с городом. В послевоенный период наблюдался приток верующих за счет демобилизованных солдат. В 1960–1970-х гг. фиксируется повышение образовательного ценза и омоложение верующих мусульман, что соответствовало общему росту уровня образованности и общему омоложению населения СССР.

Женщины-татарки, по положениям Корана, принимали минимальное участие в общественной жизни своих населенных пунктов. По окончании школы девушки-татарки, как правило, прекращали свое членство в комсомольских организациях.

В силу религиозной ограниченности не все мусульманское население Среднего Поволжья пользовалось услугами здравоохранительных органов, что в первую очередь касалось мусульманок. Особенно плачевно складывалась ситуация с гинекологическими и легочными заболеваниями.

Количество верующих мусульман на протяжении исследуемого периода оставалось достаточно стабильным, что, по мнению уполномоченного Совета по делам религий по Пензенской области, свидетельствовало о том, "что убыль верующих, которая происходит в результате естественного движения населения, восполняется религиозниками за счет привлечения вновь к религии людей из более молодых возрастов" (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 14, 51, 107).

Практически в полном составе, по собственной воле или под давлением ближайшего окружения, в том числе и комсомольцы, и коммунисты, верующие мусульмане-татары Среднего Поволжья соблюдали религиозные праздники и обряды. Высокий уровень соблюдения мусульманских обрядов доказывал стабильность ислама как формы общественного сознания, его способность адаптироваться к изменяющимся социальным и политическим условиям действительности. Однако не стоит преувеличивать "качество" или глубину религиозного чувства верующих. В результате государственно-партийной конфессиональной политики и идеологического прессинга, с одной стороны, объективного воздействия мирового процесса секуляризации, с другой стороны, религия в СССР была отеснена на окраину общественной жизни и общественного сознания, что, в свою очередь, определяло уменьшение количества верующих, причем, главным образом, в молодых, социально активных группах населения с достаточно высоким образованным цензом. Тем не менее, подраставшее татарское поколение активно вовлекалось в религиозную практику.

В исследуемый период особую социальную привлекательность, в том числе и материальную, приобрело духовное образование. Подача документов выпускниками сельских средних общеобразовательных школ

Среднего Поволжья в медресе стало почти нормой вопреки всем предпринимавшимся профилактическим и, порою, репрессивным мерам.

Ислам является весьма объемной по директивности системой социального регулирования. Практически все сферы жизни мусульманина признаются религиозно важными. Исламская религия выполняла регулятивно-поведенческую функцию, что по-своему, примитивно понимало верующее население и выступало за активное приобщение к вере молодежи. Сами мусульмане-верующие говорили: "... Мы все ходим в мечеть, и наши дети будут ходить в мечеть. Мы без религии не можем. Она помогает людям, приучает их к дисциплине и порядку. Вот ... начнется "рамазан", и все мужчины бросят курить и пить водку. Разве это плохо?" (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 409). В семье с рождения исподволь или активно внедрялось в сознание молодежи, что исламская религия является носителем общечеловеческих норм нравственности, гуманизма, личной морали, и, напротив, отрицание Аллаха ведет к аморальному поведению и безнравственности. Юношам и девушкам внушалось, что прочным может быть только брак, основанный на принципах мусульманства. В контексте вопроса следует согласиться с Л.Р. Сюкияйненем, утверждавшим, что "одним из сильнейших факторов, негативно повлиявших на развитие мусульманской культуры в России, искажение и даже утрату многих ее элементов, была десятилетиями проводившаяся государственная политика агрессивного атеизма, последствием которой стали отсталость религиозных институтов и сравнительно низкий уровень знаний самих мусульман" [5, с. 54].

Применительно к Среднему Поволжью объективно подходит характеристика уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.С. Попова: "... Религиозным движением охвачено более 50% всех мусульманских населенных пунктов. В отношении роста религиозного движения среди мусульман можно сказать, что он, видимо, еще будет..." (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 51). Ценности ислама отвечали обыденным запросам верующих, и, в принципе, способствовали укреплению семьи, ведению здорового образа жизни, формирования трудолюбия и т.д. Татарское население Среднего Поволжья стабильно возрастало, и, как следствие, не уменьшалось и количество мусульман-верующих.

Литература

1. Давлетшин Т.Д. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. Казань: Иман, 2002. Ч. II. 224 с.
2. Зорин Н.В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Казанский университет, 1981. 200 с.
3. Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход. Сборник статей / Научн. ред. Кимитака Мацузато. Саппоро; М.: РОССПЭН, 2007. 198 с.
4. Козлов В.И. Динамика численности населения. Методология исследования и основные факторы. М.: Наука, 1969. 208 с.
5. Мусульмане изменяющейся России. М.: Институт Российской истории РАН, 2002. 336 с.
6. Татары. М.: Наука, 2001. 583 с.
7. Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи 1979 г. М.: Финансы и статистика, 1984. 366 с.

УДК 940. 54

Н.П. Рябченко

К оценке исторического значения Второй мировой войны: взгляд из XXI века

**To an estimation of historical meaning of the Second World War:
a sight from the XXI century**

Автор рассматривает основные причины и обстоятельства возникновения Второй мировой войны, в том числе "замыкание" мировой экономической системы в годы кризиса 1929-1933 гг., обострение противоречий ведущих капиталистических государств, их общую заинтересованность в уничтожении коммунизма. Влияние войны на человечество проявилось в огромных людских потерях, массовых миграциях населения, социальных изменениях, включая дальнейшую эмансипацию женщин. Потребности ведения войны вызвали необходимость распространения промышленного производства на новые страны и территории, способствовали появлению ряда важных изобретений и открытий, включая ракеты и использование атомной энергии.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, историческое значение, оружие.*

The Author examines principal causes and circumstances of occurrence of the Second World War, including "short circuit" of global economic system within crisis of 1929-1933, an aggravation of contradictions of the leading capitalist states, their common interest in destruction of communism. Influence of war on mankind was shown in huge human losses, massive migrations of the population, social changes, including the further emancipation of women. Requirements of the war have caused of diffusion of industry on the new countries and territories, promoted occurrence of some the important inventions and opening, including rockets and use of an atomic energy.

Key words: *The Second World War, historical meaning, weapons.*

История – это движение человечества во времени и пространстве. Оценить значение какого-либо события глобального уровня, а Вторая мировая война как раз и является таковым, значит определить, какое

место оно занимает на траектории этого движения, как повлияло на него, и какие важные для понимания особенностей исторического развития моменты мы можем для себя при этом уяснить. Масштабные события истории это и обретенный опыт, который позволяет человечеству более уверенно ориентироваться в ее потоке.

Вторая мировая война неразрывно связана с Первой мировой войной. Она возобновила борьбу многих прежних противников, а своим продолжением имела "холодную войну", еще на сорок с лишним лет продлившую воцарившуюся в мире враждебность. Дистанция, отделяющая нас от военных лет, позволяет по-новому увидеть проблемы, связанные с войной, и попытаться понять их значение. Но прежде следует остановиться на вопросе о причинах и обстоятельствах ее возникновения, чтобы выяснить побудительные мотивы, ввергнувшие человечество в эту мировую бойню.

Довольно убедительным выглядит объяснение, когда возникновение войны связывают с агрессивностью правящих кругов Германии и Японии. Однако это не была только традиционная, свойственная в те годы этим государствам агрессивность, или спонтанное ее проявление. Хорошо известна ее связь с экономическими, политическими и социальными причинами. Экономический кризис 1929-1933 гг. показал, что произошло серьезное "замыкание" мировой хозяйственной системы, и она уже не могла выйти из состояния перепроизводства, несмотря на государственное вмешательство и широкий размах общественных работ. В США, где принимались такие меры, безработица все равно была очень велика, и колебалась в пределах 10 млн. человек. Дж. Гренвилл в "Истории XX века" пишет, что "администрация Рузвельта удалось справиться с упадком и найти должное применение человеческим ресурсам практически лишь после того, как в Соединенных Штатах заработала оборонная промышленность" [3, с. 174].

В не менее тяжелом положении оказались другие капиталистические государства. Вплоть до начала войны для них также были характерны застои и кризисные явления в экономике. Только рост военных расходов способствовал улучшению экономической конъюнктуры, как бы подсказывая выход из тупика. Япония, Германия, а вслед за ними весь капиталистический мир ринулись по этому губительному пути, неизбежно ведущему к вооруженному столкновению мировых конкурентов [17, с. 253-256, 266-272].

Германия и Япония особенно сильно ощущали узость своего внутреннего рынка, недостаток сырьевых ресурсов, а также несправедливость мирового экономического порядка, при котором все больше доминировал американский спекулятивный капитал, и видели выход во внешней экспансии. Но само направление экспансии отвечало общим интересам капиталистического мира, стремящегося к уничтожению коммунизма. Гитлер еще в 1925 г. в книге "Моя борьба" заявил, что завоевание новых земель Германия будет вести на востоке, то есть в России и окраинных по отношению к ней государствах [5, с. 8]. Япония вынашивала планы экспансии в Маньчжурии. Здесь интересы Японии и Запада совпали в связи с экстренной необходимостью для мирового капитализма пресечь распространение коммунистического влияния из СССР на Китай. Так как Япония была единственной силой способной выполнить эту задачу, Запад фактически позволил ей оккупировать Маньчжурию.

Антикоминтерновский пакт, который в 1936 г. заключили между собой Германия и Япония, а в 1937 г. к нему присоединилась Италия, также указывал на антикоммунистическую направленность мировых агрессивных сил. Но то, что они не всегда действовали столь прямолинейно антикоммунистически, было связано как с объективными труд-

ностями, так и с определенной расчетливостью агрессоров. Гитлер, сохраняя приверженность своей идее экспансии на восток, тем не менее, после Польши повернул на Запад. Он понимал, что Россия – это "очень трудно" [5, с. 11]. Поэтому его стремление использовать ресурсы Западной Европы и создать надежный тыл, оккупировав Францию – своего старого противника, где к тому же было сильно коммунистическое движение, имело под собой рациональные основания. Для другого агрессора – Японии, нападение на СССР представляло еще более трудную и опасную задачу. В решающий момент она просто спасовала и не выступила вместе с Германией, предпочтя ограничиться господством в Азии.

Противоречия стран-агрессоров с англосаксонскими государствами оказались на втором плане. Они были довольно серьезны, вели к военным столкновениям, но все-таки не настолько остры, как с коммунизмом [1, с. 115-117, 142-144, 153-154]. Частично это было продолжением прежней борьбы за колонии, рынки сбыта, а частично влиянием антикапиталистических настроений, вызванных экономическими трудностями. Германия и Япония в то время уже были странами с развитой индустриальной экономикой, большим числом мелких производителей, поэтому давление со стороны финансового капитала, средоточием которого после Первой мировой войны стали США, в этих странах воспринималось очень болезненно. Гитлер не скрывал своей ненависти к либерализму и отчасти к капитализму, и стремился проводить во многом позитивную социальную политику [6, с. 18-19, 28]. В Японии с критикой капитализма выступило командование Квантунской армии, решившее превратить Маньчжурию в полигон социально-экономического эксперимента. В течение какого-то времени оно сдерживало проникновение сюда крупного капитала, постоянно осуществляло планирование экономики, старалось развивать государственную собственность [4, 9].

Все это указывало на то, что социализм действительно стал актуален для человечества. Хотя подлинный социализм, в котором общество, а не государство и крупный капитал, выступало бы хозяином положения, нигде не удалось построить, но социализация государства постепенно становилась нормой. В Германии эта традиция идет со времен Бисмарка, когда государство стало вводить пенсии и другие социальные гарантии для народа. В СССР и странах "социалистического лагеря" был построен государственный социализм, недостатки которого были видны изначально, а достоинства в полной мере мы можем оценить только сейчас в своих воспоминаниях. В конце концов, правительства всех развитых стран стали активно проявлять заботу о своих народах.

Кажется, что социализм, имея в виду достойные человека условия жизни, которые он должен принести, победил эволюционным путем, и были напрасными жертвы, принесенные в борьбе за светлое будущее человечества. Но реальная ситуация сложнее. Для большинства народов светлое будущее так и не наступило. В течение XX в. социальное расслоение внутри капиталистических государств удалось сгладить, переместив разрыв в уровне жизни бедных и богатых во вне, – между сравнительно небольшой группой развитых стран и остальным человечеством. В полюсных своих значениях этот разрыв уже достигает стократной величины. То есть социального горячего материала для конфликтов и войн в мире вряд ли стало меньше, чем прежде.

С войнами обычно связаны миграции населения, активизация этнокультурных контактов, многообразные социальные изменения. В годы Второй мировой войны все это приняло беспрецедентные масштабы. Многомиллионные армии перемещались по всей Евразии: от Западной Европы до Юго-Восточной Азии. Крупные контингенты войск прибывали сюда со всех других обитаемых континентов. Миллионы

пленных оказались на территории государств-противников и в третьих странах, куда их вряд ли могла забросить судьба в мирное время. В этой связи интересна история Ивана Твардовского, брата известного поэта А. Твардовского. Оказавшись в плену в Финляндии, он бежал в Швецию, а, вернувшись после войны на родину, как бывший пленный сразу же был арестован и уже в качестве заключенного проделал путь от советской западной границы до Чукотки [12].

Десятки миллионов беженцев временно или навсегда вынуждены были изменить место жительства. Большое количество людей подвергались насильственному переселению, в том числе целые народы – жители Крыма и Кавказа. Предпринимались попытки колонизации занятых территорий. Так, около полумиллиона немцев прибыли с разными целями на оккупированные советские земли [6, с. 208]. В Маньчжурии Япония, начиная с 1937 г., приступила к осуществлению разбитого на пятилетки двадцатилетнего плана по переселению из метрополии одного миллиона крестьянских дворов, общей численностью пять миллионов человек. Однако до конца войны удалось переселить только 270428 крестьян [16, с. 87-88].

Миграционные потоки в какой-то мере компенсировали прежнюю замкнутость национально-государственных образований. Но в условиях столь жестокой войны они большей частью имели катастрофический характер и сопровождались огромными человеческими потерями. С окончанием войны возникли новые миграционные перемещения населения. Сотни тысяч так называемых перемещенных лиц, оказавшихся в Западной Европе, по разным причинам не стали возвращаться на родину, и рассеялись по всему миру. Крупнейшим в истории стало выселение более 12 миллионов немцев из Восточной Европы [6, с. 219]. Японские граждане после войны были выселены из Китая, других стран Азии, а также Южного Сахалина и Курил.

Очень велики оказались социальные последствия войны. Кроме таких изменений как появление огромного количества инвалидов, неполных семей, переезда в город, или, наоборот, в сельскую местность, следует обратить внимание на кардинальную перемену положения женщин в основных воюющих странах. Обстоятельства военного времени вынуждали правительства, не считаясь с традиционной ролью женщин как домохозяйек, в обязательном порядке привлекать их к работе на производстве, а определенное количество и к военной службе, в основном на вспомогательных должностях. Весной 1942 г. в СССР был принят ряд соответствующих правительственных постановлений. В 1941-1945 гг. военную службу прошли около полумиллиона советских женщин. Всего в армии и в тылу мужчин заменили до 6 миллионов женщин [8, с. 145-146]. По данным на 1945 г. они составляли более половины общей численности рабочих и служащих [2, с. 392]. В Германии, где власти были настроены более консервативно, использование женщин на предприятиях и на военной службе сначала носило ограниченный характер. Только в январе 1943 г. было издано распоряжение о мобилизации женщин в возрасте до 45 лет для работы в военной промышленности [14, с. 481-483]. Другие воюющие государства принимали аналогичные меры. В результате, многие профессии, традиционно считавшиеся мужскими (продавец, бухгалтер, учитель, врач), превратились, что было особенно характерно для СССР, в женские. В целом, в годы войны произошел решающий сдвиг в эмансипации женщин, прямым результатом которого является их нынешнее положение в обществе.

Происходило усиление социальной роли государства, вынужденного разными способами регулировать общественные отношения в ходе войны. С одной стороны, оно налагало на население ограничения в пе-

редвижении, производственной, общественной и политической деятельности, связанные с условиями военного времени. С другой – все более активно втягивалось в оказание социальной помощи тем или иным категориям населения. Если в СССР, как социалистическом государстве, этот социальный "патронаж" был вполне естественным, то для некоторых капиталистических стран такой подход был крупным новшеством, фактически положившим начало формированию современного социально ответственного государства. Так в Англии, страдавшей от налетов вражеской авиации и вынужденной эвакуировать часть жителей крупных городов в более безопасные районы, власти вначале полагали, что будет достаточно помощи местного населения, но вскоре поняли, что нельзя обойтись без серьезной организационной и материальной поддержки со стороны государства [7, с. 80-81].

Нельзя не сказать и о демографических последствиях войны. Человеческие потери воюющих сторон можно определить лишь приблизительно. Вероятно, они превысили 50 млн. человек. Наибольшее число жертв войны пришлось на СССР, Китай, Германию, Польшу, Японию. Но потери других стран также были очень значительными. Крупнейшие невоенные, но связанные с войной потери понесла Индия. Голод в Бенгалии в 1942-1943 гг. унес жизни около четырех миллионов человек. В китайской провинции Хэнань от голода погибли от двух до трех миллионов человек и столько же людей вынуждены были уйти из родных мест в поисках пропитания [15, с. 177]. Кроме прямых потерь ущерб народам был нанесен нарушением половозрастной структуры населения, неравномерностью его воспроизводства – резким сокращением прироста в годы войны. После войны наоборот наступил бум рождаемости. Демографическое эхо, отразившее эти изменения, ощущалось в течение нескольких поколений.

Основными участниками Второй мировой войны были индустриальные государства, поэтому особенно важным представляется ее влияние на развитие промышленности. Здесь можно выделить два основных аспекта: общее расширение промышленного производства, – от добычи сырья до выпуска различных машин, оборудования, транспортных средств, обусловленное многообразными потребностями ведения войны, и собственно производство вооружений.

В годы войны Германия активно использовала промышленный потенциал Европы, как завоеванных, так и нейтральных государств [13]. Япония создала мощную военно-промышленную базу на территории Маньчжурии, призванную обеспечить потребности метрополии. Здесь резко выросла добыча топлива, различных видов минерального сырья, возникли современные металлургические и машиностроительные предприятия. США максимально нарастили выпуск всех видов продукции, необходимых для ведения войны, и, благодаря поставкам промышленного оборудования, сырья и материалов, которые они осуществляли по ленд-лизу, содействовали развитию промышленности в союзных государствах.

Оказавшиеся частично оккупированными СССР и Китай вынуждены были эвакуировать многие предприятия вглубь своих стран, что расширяло географию промышленности. В СССР за Волгу, на Урал и в восточные районы только за вторую половину 1941 г., по данным железнодорожного ведомства, были вывезены 2593 предприятия. Всего же было эвакуировано, полностью или частично, подавляющее большинство из 31850 заводов и фабрик (в их число не входили мелкие предприятия и мастерские), размещавшихся на территориях, попавших во вражескую оккупацию [11, с. 139].

Китай кроме арсеналов и других предприятий военной промыш-

ленности смог эвакуировать вглубь страны оборудование двух металлургических заводов. Правительство стимулировало переезд частных предприятий, выделяя им необходимые финансовые средства, и предоставляя льготы, в том числе гарантированную прибыль в размере 5-10% годовых в течение предстоящих 5-7 лет. Всего было эвакуировано 639 частных фабрик и заводов. Однако большинство китайских промышленников и финансистов предпочли собственные интересы и интересы своего бизнеса делу общенациональной мобилизации. Свои предприятия они переводили в международный сеттльмент Шанхая и Гонконга, а капиталы, кроме этих двух финансовых центров, также в США [18, с. 562-563].

Опыт национальной мобилизации СССР и Китая в годы войны показал огромное преимущество советского строя, позволявшего в экстремальных условиях действовать быстро и максимально эффективно. Такие результаты невозможны в современной капиталистической России, где интересы частного собственника, особенно связанного с международным капиталом, в не меньшей степени, чем в гоминьдановском Китае, будут препятствовать национальной мобилизации в случае военной угрозы, но очень способствуют растаскиванию государственных ресурсов, накопленных в прежние годы. Что, собственно, и произошло в постсоветский период.

Вызванное войной нарушение мировых транспортных коммуникаций расстроило снабжение колоний необходимыми товарами, и они вынуждены были заняться развитием своей промышленности, которая также использовалась для производства военного снаряжения. Заметных успехов в эти годы добилась Индия. Начавшееся, как и в Китае, еще в Первую мировую войну ускоренное развитие промышленности, получило новый стимул. Был налажен выпуск различных сортов стали, сплавов, станков, несложного оборудования и велосипедов [10, с. 217]. Промышленный рост в Китае и Индии стал хорошим заделом для индустриализации этих стран в последующие годы. Учитывая, что в данном случае имело место продвижение индустрии в новый регион – на Восток, на территорию его ведущих государств, уместно говорить о важном историческом значении этих изменений.

Потребности войны вызвали скачок в развитии науки и техники. Представление о полученных тогда результатах дают ставшие известными исследования немецких ученых. Кроме успехов в изготовлении конвейерным способом мощных ракет "Фау-2", послуживших прототипом будущих космических ракет, и значительного прогресса в осуществлении атомного проекта, немецкая наука дала десятки тысяч ценнейших изобретений. В 1946 г., в США началась публикация 364 тыс. рассекреченных немецких патентов и технических документов, конфискованных по решению союзников. Советские торговые представители в США активно скупали всю эту могущую стать очень полезной научно-техническую информацию. Кроме того, СССР и его западные союзники привлекли к сотрудничеству более двух тысяч немецких ученых и специалистов [14, с. 346-352].

Может быть, более важным, чем научные достижения, стало отчетливое понимание того, какую опасность для человечества представляет наука. И это не только создание атомного оружия или эксперименты над людьми, но и расовые, политические идеи и теории, которые, будучи с излишним усердием претворяемы в жизнь, могут принести немало бед. Особенно актуальными в настоящее время являются приемы и методы воздействия на сознание людей, формирование удобных кому-либо взглядов и моделей поведения, впервые широко применявшиеся в годы войны. Так, японская пропаганда смогла внедрить в общественное

сознание народа своей страны мысль о том, что императорская армия оказалась на чужих территориях исключительно ради их прогресса, создания зоны "совместного процветания" в Азии. Вплоть до настоящего времени такого рода представления сохраняются в Японии, прямо или косвенно они дают о себе знать в отношении к ставшим историей событиям Второй мировой войны, что провоцирует громкие скандалы с соседними азиатскими государствами по поводу их трактовки. Это лишь один пример, показывающий, какие угрозы будущему может принести использование информационных технологий.

В ходе войны также приоткрылся смысл производства вооружений как одного из важнейших аспектов развития современной цивилизации. В качестве мирового явления гонка вооружений берет свое начало в конце XIX – начале XX вв. Связано это было с обострением соперничества империалистических государств. После небольшого затишья 20-х годов наращивание вооружений в мире и их совершенствование продолжилось. Появившиеся в годы войны ракетное и атомное оружие своей разрушительной мощью, казалось бы, делало бессмысленной дальнейшую гонку вооружений. Тем не менее, она продолжалась. Оказалось, что ее невозможно остановить, не разрушив промышленность и соответственно всю экономику. Первым в 1960 г. это понял Хрущев, вынужденный отказаться от уже объявленного грандиозного сокращения вооруженных сил. Такое же понимание пришло к американскому руководству, которое стало говорить о самодовлеющей роли военно-промышленного комплекса. Однако издержки, которые несла народам гонка вооружений, не были полностью бесполезным бременем. Кроме сдерживания перерастания "холодной войны" в "горячую", она создала технические предпосылки освоения космического пространства. В этой связи примечателен тот факт, что 4 октября 1957 г., когда был запущен первый в мире искусственный спутник Земли, отмечается сейчас и как день создания военно-космических сил России.

Стратегическое ракетно-ядерное оружие венчает собой пирамиду вооружений. Из-за своей гигантской разрушительной силы оно не может быть использовано в современных войнах. Но в виде каких-то конструктивных решений (ракета-носитель, ядерная энергетическая установка) или готовых изделий, например ракет-носителей, находит применение при запуске и работе искусственных спутников и космических кораблей. Такое двойное использование военной техники в условиях быстрого научно-технического прогресса становится все более распространенным, но изначально оно, вероятно, отражает двойственность происхождения оружия, которое в первобытные времена в виде камня или палки использовалось и как орудие для добывания пищи. Вторая мировая война в данном случае примечательна тем, что она дала человечеству немало новых ценных изобретений двойного назначения в области радиолокации, связи, реактивной авиации, и, главное, – ракетной техники и использования атомной энергии.

История возникновения Второй мировой войны показывает, что это было продолжением начатого еще в Первую мировую войну поиска выхода из ставшей тесной, некомфортной мировой системы. Как оказалось, решить эту проблему невозможно ни с помощью войн, ни расовых и социальных теорий, ни государственного регулирования социально-экономических отношений, и человечеству мешают не столько недостатки территорий и ресурсов ("жизненного пространства"), сколько избыток его возросшей в индустриальную эпоху мощи. Возникший в XX в. в ходе войн и подготовки к ним военно-промышленный комплекс давал выход этой излишней энергии по двум каналам: традиционному – накопление обычных вооружений и их периодическая утилизация в локаль-

ных войнах, и современному – развитие ракетно-космической техники и экспансия в космос. Представляется, что, имея общий источник, они, в какой-то мере, взаимозависимы, и это влияет на усиление то агрессивно-милитаристской, то сравнительно спокойной эволюционной тенденции в мировых делах.

Можно видеть, что ослабление усилий в освоении космоса почти синхронно сопровождается возникновением войн с применением обычного оружия. Так было в России, втянувшейся в войну на Кавказе в середине 90-х годов прошлого века, и резко ослабившей свои усилия в космосе. То же самое произошло в США, начавших в 2003 г. войну в Ираке и одновременно сокративших космические программы, хотя непосредственным поводом к этому послужила авария космического летательного аппарата "шатл". Возможно, этих фактов еще недостаточно, чтобы категорично утверждать о наличии такой связи между указанными явлениями, но жизнь, скорее всего, еще не раз предоставит возможность проверить наше предположение.

Большое значение Вторая мировая война имела в плане международных отношений. Это была последняя крупная попытка силового изменения существующих между странами границ. Стремившиеся к пределу мира государства-агрессоры потерпели поражение. После войны окончательно утвердился принцип мирного сосуществования государств и недопустимости агрессии. Регулированием процессов международных отношений занялась ООН – организация государств, созданная участниками антигитлеровской коалиции. Уроки войны послужили прогрессу международного права. Были осуждены и подвергнуты наказанию военные преступники. Утвердилась идея защиты прав человека.

Война дала толчок к крушению колониализма. В 1945 г. о своей независимости объявили Вьетнам, Индонезия, в 1947 г. завершилась борьба за свободу Индии. Процесс деколонизации оказался необратимым, он привел к образованию десятков новых независимых государств в Азии, Африке и Латинской Америке.

Не менее важное значение имело то, что победа во Второй мировой войне означала разгром так называемой консервативной революции внутри капиталистической системы, которую попытались совершить силы фашизма и милитаризма. Достигнутое в результате единство капиталистического мира под эгидой США в последующем позволило Западу действовать более сплоченно в борьбе против социалистической системы, в конце концов, сокрушить ее и привести мир к его нынешнему состоянию. Это еще раз указывает на связь далеких от нас событий с современностью.

Вторая мировая война оставила след в истории как стремление навязать человечеству видение глобального единства с точки зрения якобы расово наиболее совершенных народов. Попытка выдать часть за целое была изначально обречена на провал: мир не хотел и не мог принять "новый порядок", навязываемый ему из Берлина и Токио. Но хотя такое силовое объединение мира не удалось, проявился принципиально важный момент, который вынуждены были признать государства-агрессоры – разделение мира на Запад и Восток. Гитлера, несмотря на его глобальные амбиции, интересовало в первую очередь завоевание Европы. Япония стремилась к господству в Азии. В конце концов, они договорились о разграничении зоны действий по семидесятому меридиану (восточнее Омска).

Победившие в войне СССР и его союзники были сторонниками универсалистских концепций – коммунизма и капитализма, не учитывающих западно-восточного устройства мира. СССР первый столкнулся с этой проблемой, когда у него начались разногласия с КНР, перерос-

шие затем в ожесточенную конфронтацию. Раскол "социалистического лагеря" стал одной из главных предпосылок его гибели. В результате изменилась социально-политическая структура мира, и завершился один из важных этапов новейшей истории. Сейчас Запад торжествует победу своего "единственно верного" либерального учения, но также не учитывает двусоставность мира, пытается силой и подкупом привести его к "общему знаменателю". Полностью игнорируется роль России как переходного региона, служащего буфером между Западом и Востоком. Негативные последствия такой политики очевидны.

Вторая мировая война стала важным этапом, если можно так сказать, взросления человечества. Негативные уроки разобщения народов, их ожесточенной вражды послужили стимулом к построению единого, ориентированного на гуманистические принципы мирового сообщества, прогресс которого, несмотря на все проблемы и трудности, постепенно ведет к формированию глобальной цивилизации.

Литература

1. Вахания В. Личная секретная служба И.В. Сталина (стратегическая разведка и контрразведка). Сборник документов. М.: Сварогъ, 2004. 416 с.
2. Всемирная история: В 24 томах. Т. 24. Итоги второй мировой войны. Минск: Современный литератор, 1999. 592 с.
3. Гренвилл Дж. История XX века. Люди. События. Факты. М.: Аквариум, 1999. 896 с.
4. Домбровский И.И. Новое промышленное строительство в Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. – Харбин, 1933. № 17. С. 18-22.
5. Мировые войны XX века. Книга 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М.: Наука, 2002. 696 с.
6. Пленков О.Ю. Третий Рейх. Социализм Гитлера (Очерк истории и идеологии). СПб.: Издательский дом "Нева", 2004. 480 с.
7. Потемкина М.Н. Органы руководства эвакуационным процессом: российский опыт Первой и Второй мировых войн // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 73-82.
8. Похлебкин В.В. Великая война и несостоявшийся мир. 1941 – 1945 – 1994. Военный и внешнеполитический справочник. М.: Арт – Бизнес – Центр, 1999. 384 с.
9. Сетницкий Н.А. Дайренская экономическая конференция // Вестник Маньчжурии. – Харбин, 1933. № 18-19. С. 75-78.
10. Сингх Г. География Индии. М.: Прогресс, 1980. 534 с.
11. Советский тыл в период Великой отечественной войны. М.: Наука, 1988. 424 с.
12. Твардовский И. "У нас нет пленных". Страницы пережитого // Новый мир. 1991. № 10. С. 140-192.
13. Телегин Ф.Н. Использование фашистской Германией экономического потенциала нейтральных стран (1939-1945) // Военно-экономические и дипломатические аспекты истории второй мировой войны. Краснодар, 1990. С. 5-37.
14. Тишпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др. Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб.-М.: Полигон; Аст, 2002. 634 с.
15. Уайт Т., Джэкоби Э. Гром из Китая. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. 294 с.

16. Ши Фан. Иммигранты в районе Хэйлунцзяна // Россия и АТР. – Владивосток, 1992. № 2. С. 81-95.
17. Экономическая история капиталистических стран. М.: Издательство "Высшая школа", 1973. 374 с.
18. The Cambridge History of China. Volume 13. Part 2. Taipei: Caves books, 1986. 1092 p.

УДК 341.1.

К.Л. Сазонова

Миротворческая деятельность "Великих Держав" с использованием инструментария Организации Объединенных Наций

The role of Great Power in the United Nations peacekeeping

Статья посвящена проблеме миротворческой деятельности в рамках Организации Объединенных Наций. Особый акцент сделан на роль так называемых "великих держав", приводятся историческая ретроспектива и современное значение данного термина. Автор анализирует действия стран, формирующих постоянный состав Совета Безопасности ООН. В статье также дается оценка эффективности современных действий в сфере миротворческой деятельности.

Ключевые слова: Организация Объединённых Наций, Совет Безопасности, миротворчество, великие державы, операции по поддержанию мира.

The article is devoted to the actual problem of peacekeeping within the UN frames. The focus is on the role of so-called "great powers", its historical retrospecture and modern sense. The author analyses actions of states which form the permanent stucture of the UN Security Council. The estimation of efficiency of modern actions in peacekeeping is also given in this article.

Key words: The United Nations Organization, Security Council, peacekeeping, great powers, peacekeeping operations.

Стержневым элементом деятельности ООН является миротворческая деятельность, а ключевым звеном ооновского миротворчества является Совет Безопасности как основной орган, ответственный за поддержание международного мира и безопасности. В свою очередь, "ядро" СБ ООН формируют пять государств, которые часто называют "великими державами". Термин "великие державы" в современных международных отношениях носит неоднозначный характер, так как используется, с одной стороны, для обозначения постоянных членов Совета Безопасности ООН, а с другой стороны, в политических целях данный термин стремятся распространить на любое государство, которое играет значимую роль в мировой политике. В связи с вышесказанным представляется необходимым установить более четкие критерии принадлежности того или иного государства к великим державам.

По мнению автора, круг "великих держав", образующих постоянный состав Совета Безопасности ООН, и включающий Российскую Федерацию, Соединенные Штаты Америки, Францию, Китайскую Народную Республику и Соединенное Королевство Великобритании и Северной

Ирландии, не изменился за шестьдесят четыре года, минувших с момента основания Организации Объединенных Наций. Именно эти государства играли и продолжают играть ведущую роль в современных международных отношениях, оказывая существенное влияние на другие страны, в связи с чем их постоянное членство в Совете Безопасности ООН и обладание правом вето представляются абсолютно логичными и не требующими пересмотра, равно как и состав постоянных членов СБ ООН, так как увеличение числа постоянных участников СБ ООН с правом вето негативно скажется на эффективности деятельности этого органа, и без того вызывающей споры, ведь к старым противоречиям добавятся новые. Данные устремления необходимо пресекать, поскольку представляется очевидным, что в обеспечении и поддержании международного мира и безопасности как жизненно важной задачи взаимодействия авторов ключевой идеей является вопрос эффективности.

Помимо этого, сменяемость непостоянных членов Совета по региональному принципу, на взгляд автора, несколько не ущемляет представление интересов различных государств, в том числе и тех, которые претендуют на постоянное членство в СБ ООН – Германии, Японии, Бразилии, ЮАР, поскольку на практике наиболее существенные лоббистские группы в рамках ООН всегда представлены в Совете Безопасности, в том числе и постоянными членами.

Несмотря на то, что титул "великая держава" в прессе постоянно присваивается то Японии, то Германии, то Бразилии, то Индии, будучи аргументированным их экономической мощью и финансовым вкладом в Организацию Объединенных Наций, ни одна из указанных выше стран великой державой в полном понимании этого термина не является, в то время как ни одна страна "постоянной пятерки" свой статус за прошедшие шестьдесят четыре года не утратила. Франция и Великобритания по-прежнему по многим показателям самые сильные и развитые страны Европы, Китай – безусловный лидер в Азии, США долгое время являлись ведущей мировой державой, Россия в последние годы все увереннее восстанавливает утраченные ранее позиции.

Представляется очевидным, что великие державы считают свои функции именно в области поддержания международного мира и безопасности наиболее значимыми по сравнению с остальными обязанностями, налагаемыми в результате членства в Организации Объединенных Наций. Право вето, которым обладают все постоянные члены СБ ООН, наиболее ревностно охраняется великими державами как признание своего особого статуса, и, хотя Франция и Великобритания, в принципе, лояльнее других относятся к расширению числа постоянных членов Совета Безопасности, даже они признают, что право вето должно оставаться привилегией "большой пятерки". Таким образом, очевидно, что статус постоянного члена СБ ООН имеет ещё и важное имиджевое значение для его обладателей, как несущих безусловное право решать за все человечество.

Кроме того, именно великие державы определяют всю миротворческую политику организации, пытаясь прийти путем компромисса к совместным решениям. При этом необходимо отметить, что именно вопросы миротворчества и поддержания международного мира и безопасности являются ключевыми для великих держав в рамках деятельности ООН, так как все остальные вопросы международных отношений данные страны успешно решают вне рамок ООН.

При этом необходимо отметить, что в современной международно-политической структуре миротворчества великие державы играют неоднозначную роль. С одной стороны, они, безусловно, несут огромную ответственность перед международным сообществом за поддержание

международного мира и безопасности, будучи постоянными членами Совета Безопасности ООН и обладая правом вето, однако, с другой стороны, именно неспособность великих держав найти компромиссное решение, обеспечить финансирование операции, как таковой.

Таким образом, великие державы играют для Организации Объединенных Наций роль локомотива и тормоза одновременно. Частично это может быть вызвано тем фактом, что для государств, входящих в клуб великих держав рассмотрение вопросов в рамках Совета Безопасности не всегда является приоритетом, особенно когда речь идет о вопросах и ситуациях, представляющих явную угрозу их собственным национальным интересам.

Также необходимо отметить, что практически весь период своей деятельности Совет Безопасности представлял собой "поле битвы" не просто великих держав, а еще и двух супердержав, которые, помимо классических признаков великодержавности – постоянного членства в СБ ООН и наличия ядерного оружия, обладали еще и колоссальным общепланетарным влиянием – СССР и США.

Если посмотреть историю создания и функционирования организации, то можно отметить, что все годы ее существования внутри нее шла непрерывная борьба между великими державами – происходило формирование различных коалиций в те или иные исторические периоды, и в целом эта борьба практически зеркально отражала события, происходящие на мировой арене. Окончательное решение о создании ООН было принято в 1944 году [1]. Тогда же США начали готовиться к созданию этой международной структуры. Перед Государственным Департаментом США была поставлена задача представить проект такой структуры новой международной организации, чтобы обеспечить в ней максимальное влияние США. К примеру, право вето, которым ныне обладают пять государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН, было предложено президентом США Ф. Рузвельтом для того, чтобы гарантировать скептически настроенным Конгрессу и Сенату США, что США в любом случае сохранят контроль над ООН [3].

Примерно два десятилетия после официального создания ООН, США рассматривали ее как второстепенную международную организацию, не оказывающую особого влияния на международную политику. Причиной этого, в частности, стала "холодная война" и политический конфликт между США и СССР, в результате которого деятельность Совета Безопасности ООН была практически парализована и важнейшие политические решения принимались непосредственно на уровне представителей конфликтующих государств. ООН в то время была не в состоянии сыграть действенную роль в разрешении политических и военных кризисов. В частности, во время берлинского и кубинского кризисов, когда США и СССР оказались на грани ядерной войны, ООН оказалась практически бессильной.

Любопытно, что до 1960 года некоторые государства – члены ООН – жаловались на "автоматическое большинство", которым обладают индустриально развитые страны. После 1960 года, когда в состав ООН вошло много новых независимых государств, другие страны стали жаловаться на "тиранию большинства" развивающихся стран, причем громче всех звучал голос США, которым становилось все сложнее обеспечивать принятие нужных решений при голосовании.

Таким образом, практически с первых лет существования ООН наметилось явное противостояние интересов, декларируемых данной международной организацией, и целей, которые ставили перед собой Соединенные Штаты Америки, главной из которых являлось обеспечение непререкаемого первенства США во всех ключевых аспектах мировой

политики, несмотря на то, что США были одним из главных создателей Организации Объединенных Наций, однако еще в процессе документального закрепления основных положений и принципов работы началась трения в отношениях между США и ООН [4].

Результатом этого противостояния стало то, что принятие любого решения в сфере миротворчества сталкивалось с трудностями, так как у Советского Союза и США зачастую были прямо противоположные взгляды на осуществление миротворческих миссий. Важным этапом стал распад СССР и Организации Варшавского договора (ОВД) при усилении роли влияния в мире США и Североатлантического Альянса (НАТО), в результате чего Российская Федерация определенный период не проводила четко позиционируемой внешней политики, не применяла право вето в СБ ООН, и лишь последние несколько лет обозначила основные направления своей работы с ООН [2].

Эффективность миротворческих усилий великих держав на современном этапе развития международных отношений можно оценить как недостаточную по целому ряду причин. Первая причина заключается в том, что в сферу миротворчества, несмотря на ее очевидную важность, великие державы вкладывают лишь незначительные суммы, что крайне негативно отражается на ситуации в этой сфере в целом.

Во-вторых, необходимо отметить, что миротворческие технологии ООН взаимосвязанно реализуются тремя субъектами:

1. Пятеркой постоянных членов Совета Безопасности ООН, которые контролируют деятельность Совета Безопасности ООН, опираясь на наличие у них права вето. Их задача состоит в том, чтобы оценить угрозу миру, определить степень интенсивности конфликта и составить мандат для миротворцев.

2. Исполнителями решений Совета Безопасности, а именно – Секретариатом, миротворцами, юристами, обслуживающим персоналом. Их задача состоит в том, чтобы максимально четко выполнить мандат, выданный Советом Безопасности ООН на разрешение проблемы.

3. Совокупностью остальных членов ООН, которым в рамках существующей системы принятия решений в СБ ООН отводится фактически совещательная функция. Однако при этом необходимо иметь в виду, что именно эти страны предоставляют ООН людские и финансовые ресурсы, вкладывают реальные деньги в осуществление миротворчества. Кроме того, именно участие в ООН такого большого количества государств наделяет ООН той уникальной легитимностью, которая необходима для воздействия на агрессивно настроенных авторов.

Парадокс состоит в том, что решения принимают представители одних государств, выполняют представители других государств, а финансируют и обеспечивают ресурсами представители третьих государств. При этом все три участника процесса зачастую не слышат и не видят друг друга, делают все по-своему, исходя из собственных взглядов на политический и миротворческий процессы, что естественно приводит к неэффективности и нестабильности в работе всей организации в целом.

Если проанализировать географию проведения миротворческих операций, можно констатировать, что почти 70 % проводятся на достаточном удалении от каждого из членов "постоянной пятерки", а значит, вопрос эффективности миротворческих операций относится к стратегической, но никак не жизненно важной сфере интересов этих государств.

Следовательно, поддержание мира и безопасности в рамках ООН носит для постоянных членов СБ ООН во многом лишь "имиджевый" характер, призванный сохранить статус великих держав, ответственных за мир во всем мире, статус, который они сохраняют, фактически, за чужой счет.

Именно отсутствие практической заинтересованности и политической воли со стороны великих держав привели к тому, что механизм применения мирных средств разрешения споров, потенциально эффективный, превратился в практически не функционирующий институт, в то время как операции по поддержанию мира, не прописанные в Уставе, стали ключевым средством поддержания международного мира и безопасности, так как они не требуют особых усилий со стороны "постоянной пятерки", за исключением самого факта принятия мандата.

ООН сегодня представляет собой невероятно громоздкую структуру, которая, с одной стороны, обладает уникальной компетенцией во многих сферах (экономика, экология, здравоохранение и т.д.), но при этом главную, изначальную свою цель, а именно избавление "грядущих поколений от бедствий войны", как записано в Уставе, выполняет очень посредственно.

В то же время, Организация Объединенных Наций – структура, не имеющая альтернатив и аналогов на сегодняшний день, во-первых, потому, что ни одна международная организация не представляет интересы такого количества государств, а во-вторых, потому, что только в ООН все пять великих держав современности образуют ядро важнейшего органа – Совета Безопасности. Ни Европейский Союз, ни НАТО, ни Группа восьми не обладают подобными характеристиками. Таким образом, оптимальным вариантом для современного мира было бы сохранение накопленного ООН опыта миротворческой деятельности при постоянном повышении качественной составляющей миротворческого процесса путем реформирования и увеличения финансирования.

Литература

1. Кочеткова, Т.Ю. Вопросы создания ООН и советская дипломатия / Т.Ю. Кочеткова // Отечественная история. 1995. № I. с. 21-34.
2. Никитин, А.И. Международные конфликты, ООН и Россия. Постзападная цивилизация. Либерализм: прошлое, настоящее и будущее / А.И.Никитин. М. 2002.
3. Kelsen, H. The Law of the United Nations. A Critical Analysis of its Fundamental Problems. / H. Kelsen. – New Jersey: The Law Book Exchange, 2000. 994 p.
4. The UN Security Council: From the Cold War to the 21st Century/ Mahbubani, K., Malone, D.M., Martin, I., Myers, J.J. N.Y., 2004. 315 p.

УДК 314.18(5-014)

Я.А. Барбенко

Научно-практическая конференция "Проблемы развития демографической ситуации и систем расселения на Дальнем Востоке"

29 января 2009 года, в конференц-зале Дальневосточного научно-исследовательского, проектно-конструкторского и технологического института по строительству Российской академии архитектуры и строительных наук (ДальНИИС РААСН), прошла научно-практическая конференция "Проблемы развития демографической ситуации и систем расселения на Дальнем Востоке". Во вступительном слове председатель оргкомитета конференции проф. П.А. Аббасов (ДВРО РААСН) отметил значимость обсуждаемых вопросов и необходимость формулирования практических рекомендаций научного сообщества для органов власти по проблеме конференции.

В работе конференции приняли участие не только учёные и эксперты, но и администраторы и политические деятели, что, безусловно, украсило собрание и сделало его более представительным. В частности, работа конференции была открыта П.А. Пуциным, федеральным инспектором по Приморскому краю Аппарата Полномочного представителя Президента РФ по Дальневосточному федеральному округу. Продолжил работу конференции первый секретарь крайкома КПРФ В.В. Гришуков. В своём выступлении П.А. Пуцин указал на значимость демографической ситуации дня на Дальнем Востоке как для России в целом, раскрыл особенности движения населения Приморского края за последнее десятилетие. В заключение своего выступления П.А. Пуцин отметил желательность формулирования предложений от участников конференции в адрес полномочного представителя президента.

Данные, которые привёл товарищ Гришуков об особенностях демографического развития края, были ещё более тревожными, чем те, что прозвучали из уст представителя власти. Отмечая важность демографической ситуации для положения Приморья, В.В. Гришуков указал на комплексный характер кризисных явлений, среди которых демографические проблемы являются одним из ярких показателей общей ситуа-

ции. Что же необходимо сделать для того, чтобы выправить ситуацию не только на Дальнем Востоке, но в стране в целом? Во-первых, снижение стоимости коммунальных услуг за счёт использования альтернативных источников энергии. Во-вторых, национализация природных ресурсов с целью более эффективного их использования, чем сейчас, главным образом – на социальные проекты. В-третьих, использование биотехнопарков, т. е. ферм по разведению ценных пород морских организмов, которые будут использоваться в пищу и для медицинских целей, а кроме того, мы получим и новые рабочие места. В заключение докладчик пообещал содействовать продвижению рекомендаций конференции на всех властных уровнях.

Пожалуй, самым масштабным было выступление проф. В.В. Аникеева (РААСН) "Демографические проблемы градостроительного развития Дальнего Востока", в котором аспекты демографического развития нашего региона анализировались с точки зрения истории и дальнейших перспектив. Интрига, лежащая в основе доклада В.В. Аникеева была в том, что будучи градостроителем, профессор обратился к факторам демографического развития Дальнего Востока. Отсутствие чёткой государственной территориально-градостроительной политики, учитывающей пространства страны, геостратегическое положение и особые условия её отдельных территорий, однозначно ведёт к распаду России, утрате её восточных территорий. Какие условия сегодня государство создаёт для человека, чтобы он желал переселения на Восток России? Все прежние стимулы потеряли смысл в новых социально-экономических и культурно-идеологических условиях современности. Вместе с тем, именно на государстве лежит ответственность за сохранение территориальной целостности России и гармоничном развитии человека на Дальнем Востоке.

Доклад проф. А.С. Ващук (ИИАЭНДВ) и Л.А. Крушановой (ИИАЭНДВ) "Миграционная политика России на Дальнем Востоке: декларация и реальность" затронул проблемы эффективности политики центра и местной власти в отношении миграций. Авторы указывают на чёткую связь между условиями жизни и миграционными процессами в регионе. В современных кризисных условиях перед правительством стоят новые задачи: не допустить резкого падения уровня жизни населения, продолжать выполнение социальных программ, обеспечить строительство объектов к саммиту АТЭС. Для решения демографических проблем и проблем расселения в регионе пора отказаться от парадигмы повсеместного заселения региона и обратиться к формированию ядра расселения в наиболее удобных для проживания местах, которые располагаются преимущественно вдоль границы с Китаем.

Содержание доклада Т.О. Хахалевой, начальника отдела трудоустройства и специальных программ управления государственной службы занятости населения Сахалинской области, очевидно из его развёрнутого названия: "Совершенствование государственной политики в сфере регулирования миграционных процессов с целью преодоления негативных демографических тенденций в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, включая создание эффективной системы привлечения и закрепления работников в организациях, испытывающих дефицит рабочей силы". Управление миграционными процессами должно осуществляться, исходя из интересов обеспечения государственной безопасности, а также развития региона. Это позволит скорректировать нагрузку на социальную инфраструктуру и влиять на демографическую ситуацию. Для создания благоприятных условий для стимулирования внутренней миграции трудоспособного населения из других регионов России, необходимо участие федерального бюджета в обеспечении жильём переселенцев; установление налоговых льгот для

работодателей с целью стимулирования создания новых рабочих мест; организация подготовки квалифицированных рабочих кадров из числа российских граждан силами иностранных инвесторов. Трудовые ресурсы области могут быть восполнены за счёт привлечения к труду несовершеннолетней молодёжи и людей пенсионного возраста, участия в программе переселения соотечественников, перестройки системы профессионального образования с учётом нужд регионального рынка труда, возвращения системы распределения выпускников учреждений высшего профессионального образования (ВПО), предоставление государством субсидий для организации своего дела малым предпринимателям.

Эмоциональное выступление вне регламента к.э.н. Ю.А. Авдеева (ТИГ ДВО РАН) было посвящено анализу возможностей выхода Дальнего Востока из сложившейся неблагоприятной демографической ситуации, а также проблем на рынке труда. В числе его предложений можно отметить следующие: 1) необходимость передачи вопросов управления миграциями из ведения МВД в гражданское ведомство; 2) на несколько лет придать статус особой морской зоны дальневосточному побережью в целях развития рынка труда; 3) придать статус субъекта федерации Владивостоку для того, чтобы средства, заработанные городом, оставались здесь, а не шли в бюджеты всех уровней; 4) отказаться от термина "Дальний Восток", как несущего негативный смысл – можно переименоваться в "Тихоокеанскую Россию"; 5) сконцентрировать высшее образование в рамках Дальневосточного федерального университета для спасения ВПО в период демографического спада и невозможности привлечения достаточного количества иностранных студентов; 6) рассмотреть возможности уникального местоположения Владивостока, в радиусе 1000 км от которого проживает 300 млн человек. Помимо этого Ю.А. Авдеев указал на то, что, заботясь о будущем Дальнего Востока России, не стоит бояться китайских колонистов, многие из которых готовы натурализоваться в нашей стране, иностранных рабочих следует использовать для налаживания инфраструктуры региона, что, в свою очередь, привлечёт уже наших соотечественников.

Для опоры при разработке рекомендаций оргкомитетом конференции был разработан проект, включающий в следующие положения повышения привлекательности региона: повышение уровня жизни населения, в т. ч. за счёт создания системы надбавок, районных коэффициентов и иных стимулов; направление на работу в регион молодых выпускников вузов и иных специалистов по срочным контрактам; льготное или бесплатное субсидирование решения жилищных проблем; отмена в вузах Дальнего Востока двухуровневой системы (болонского процесса) с переводом подготовки специалистов на бюджетную основу или по прямым договорам с предприятиями или производствами; привлечение на село людей за счёт льготного строительства жилья; создание за счёт госбюджета объектов материнства и детства, развитие детско-юношеского спорта, институтов внешкольного образования; создание в регионе льготных условий для закрепления демобилизованных и выходящих в отставку военнослужащих; разработка для региона специальной законодательной базы, стимулирующей повышение рождаемости, привлечение и закрепление мигрантов, создание условий использования временной рабочей силы и адаптации наиболее образованных и активных мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Можно видеть, что авторы проекта рекомендаций опираются в первую очередь на советский опыт освоения и заселения Дальнего Востока, однако следует помнить о принципиально новых для России условиях внутренних, которые требуют и новых средств решения далеко не новых для нашего края проблем.

Для разработки итогового варианта предложений исследователи взяли двухнедельный срок, после чего рекомендации сообщества будут переданы полпреду президента в Дальневосточном федеральном округе. Настораживает, однако поведение "политиков": П.А. Путин и В.В. Гришуков после оглашения своих речей удалились, оставив учёных вариться в собственном соку. Эксперты готовы предложить свои услуги власти, но готова ли власть принять эти услуги?

Сокращения

ГАПО – Государственный архив Пензенской области

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

ГАУО – Государственный архив Уральской области

ГАЧО – Государственный архив Читинской области

ДАИ – Дополнения к актам историческим

НА РТ – Национальный архив республики Татарстан

НА РБ – Национальный архив республики Бурятия

РГАВ МФ – Российский государственный архив военно-морского флота

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РКО – Русско-китайские отношения в XVII веке

Наши авторы

Багрин Егор Андреевич, мл. научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева. (г. Владивосток). **E-mail:** esmus@vladivostok.ru

Барбенко Ярослав Александрович, ст. преподаватель кафедры всеобщей истории, политологии и социологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. (г. Владивосток). **E-mail:** prohist@rambler.ru

Беликов Владимир Иванович, д.филол. н., ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. (г. Москва). **E-mail:** vibelikov@mtu-net.ru

Белков Павел Людвигович, к.и.н., ст. научный сотрудник отдела Австралии, Океании и Индонезии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера). (г. Санкт-Петербург). **E-mail:** Pavel.Belkov@kunstkamera.ru

Беляев Эдвард, профессор Колумбийского университета (г. Нью-Йорк, США).

Гвоздев Роман Витальевич, мл. научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. (г. Владивосток). **E-mail:** groma@inbox.ru

Киреев Антон Александрович, к.полит.н., доцент кафедры теории и истории политики Дальневосточного государственного университета. (г. Владивосток). **E-mail:** antalkir@yandex.ru

Козьмин Артем Викторович, к. филол. н., научный сотрудник Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета. (г. Москва). **E-mail:** kozmin@gmail.com

Королёв Алексей Александрович, к.и.н., доцент кафедры истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства. (г. Пенза). **E-mail:** sansan@pnz.ru

Королёва Лариса Александровна, д.и.н., проф., зав. кафедрой истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства. (г. Пенза). **E-mail:** la-koro@yandex.ru

Лазарева Светлана Ивановна, к. и. н., ст. научный сотрудник, Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. (г. Владивосток).

Латушко Юрий Викторович, к.и.н., научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. (г. Владивосток). **E-mail:** latushko@mail.ru

Лебедева Арина Александровна, к.и.н., мл. научный сотрудник отдела Австралии, Океании и Индонезии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера). (г. Санкт-Петербург). **E-mail:** Sheremet@kunstkamera.ru

Рябченко Николай Павлович, к.и.н., ст. научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. (г. Владивосток). **E-mail:** ranaut@mail.ru

Сазонова Кира Львовна, директор Автономной некоммерческой организации "Центр исследований ООН". (г. Нижний Новгород). **E-mail:** kira_sazonova@mail.ru

Тригуб Георгий Яковлевич, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, политологии и социологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. (г. Владивосток). **E-mail:** joker1073@rambler.ru

Шпилёва Алла Николаевна, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. (г. Владивосток).

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф.И.О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф.1. Оп.2. Д.3. Л.4-5).
7. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на иностранных. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
8. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
9. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами.
10. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т.д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
11. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации.
E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru
12. Текст статьи, сведения об авторе (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
13. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

**Файлы, подготовленные с нарушением требований,
не рассматриваются.**

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал.

2009 № 2(9)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01.08.2001 г.
Подписано к печати 08.06.2009 г. формат 70x108/16
Усл.п.л. 12,95. Уч.-изд.л. 12,07. Тираж 200 экз. Заказ 62
Цена свободная
Отпечатано в типографии ФГУП "Издательство"
"Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

<http://www.ojkum.ru/>

